1949 Л
293

Въ редакцію „Вѣстника Европы" для рецензіи
проф. А. Крымскій

А. Е. Крымскій.

ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА.

Даетъ-ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волынскомъ происхожденіи малоруссовъ?

I — IV.

Разборъ общихъ историко-филологическихъ данныхъ и обзоръ письменныхъ памятниковъ старо-кіевскихъ.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина".

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1904.

ПРОВЕРЕНО

Т 1949Л
293

А. Е. Крымскій.

ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА.

Даетъ-ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волынскомъ происхожденіи малоруссовъ?

I — IV.

Разборъ общихъ историко-филологическихъ данныхъ и обзоръ письменныхъ памятниковъ старо-кіевскихъ.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина".

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1904.

V 16 пер.
16027
V XXIV пер.
16542
41-IV
41-IV
KK

1992 1973 г.

Дозволено цензурою. Кіевъ. 28 мая 1904 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемый первый выпускъ моего изслѣдованія (главы I—IV) представляетъ собою оттискъ изъ пяти статей, печатавшихся съ перерывами въ «Кіевской Старинѣ»: въ іюнѣ 1898 г., стр. 347—365 (=стр. 1—19 отдѣльнаго изданія), въ сентябрѣ того же года, стр. 234—266 (=стр. 19—51 отд. изд.), въ январѣ 1899 г., стр. 9—29 (=стр. 51—69), въ іюнѣ того же года, стр. 307—316 (=стр. 69—77), въ сентябрѣ, стр. 277—311 (=стр. 77 и до конца). Такъ какъ писались онѣ очень далеко отъ Россіи, то лишь по напечатаніи первыхъ двухъ главъ мною были получены посмертная рецензія Потебни на диссертацію г. Соболевскаго (въ «Извѣстіяхъ Отд. Русск. яз. и слов. въ Акад. Н.» 1896, кн. IV) и замѣтки г. Соболевскаго «Изъ исторіи русскаго языка» (Ж. М. Н. Пр. 1897, май), въ которыхъ онъ ужъ не допускаетъ возможности признавать старыхъ кіевлянъ за чистыхъ великоруссовъ; съ этими двумя статьями я считаюсь только со страницы 19-й. Изслѣдованіе г. Шахматова: «Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій» (Ж. М. Н. Пр. 1899, апрѣль), въ которомъ почтенный академикъ совершенно отказывается поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго, появилось въ свѣтъ во время печатанія послѣдней главы настоящаго выпуска, и я посвятилъ названному изслѣдованію только заключительныя страницы перваго выпуска, а до страницы 93-й естественно принимаю г. Шахматова еще за сторонника Погодинской гипотезы. Кромѣ того,

уже послѣ напечатанія каждой моей статьи въ «Кіевской Старинѣ» мною были замѣчаемы нѣкоторые пропуски, иногда—неточности въ выраженіяхъ (такъ, на стр. 47-й въ строкѣ 6-й напечатано «не вѣрна» вмѣсто «не несомнѣнна») и наконецъ—типографскія ошибки, особенно непріятныя въ отношеніи филологическомъ. Посылая въ журналъ каждую слѣдующую статью, я при ней сообщалъ читателямъ пропуски и опечатки, замѣченные мною въ предыдущихъ; а въ этомъ, отдѣльномъ изданіи всѣ дополненія и поправки собраны мною вмѣстѣ и пополнены новыми, и я прошу читателя не читать моей книги, не сдѣлавши сперва слѣдующихъ надлежащихъ исправленій:

Стр. 3, примѣчаніе 4-е. Добавить: Очень интересныя свѣдѣнія о томъ, до какой степени (непредубѣжденные) великоруссы считаютъ рѣчь малоруссовъ за чужую, см. въ «Этнографическомъ Обозрѣніи», кн. XXXII, стр. 124.

Стр. 7, примѣчаніе къ 1-й строкѣ: Мы, конечно, исключаемъ населеніе южной степной окраины современной Кіевской губерніи (окраины, не входившей въ область стараго кіевскаго княжества), исключаемъ и населеніе Слободской Украины, и Кубанщины, и Новороссіи, и Сибири: тамъ современные малоруссы, дѣйствительно, пришельцы.

Стр. 8, примѣчаніе 2-е: Рецензія А. Потебни на диссертацію г. Соболевскаго (не сохранившаяся, къ сожалѣнію, въ цѣлости) была издана въ послѣдней книгѣ за 1896-й годъ «Извѣстій Отдѣленія Русскаго языка Академіи Наукъ» и получена мною вскорѣ послѣ напечатанія указаннаго примѣчанія. Потебня находитъ, что диссертація г. Соболевскаго цѣнна только своимъ матеріаломъ, а «разборъ частныхъ положеній автора можетъ скорѣе ослабить, чѣмъ подкрѣпить хорошее мнѣніе о его сочиненіи». Потебня обстоятельно указываетъ также на незнакомство г. Соболевскаго съ малорусской діалектологіей.

Стр. 9, строка 6-я. Вмѣсто «куплю *дающими*» надо читать «куплю *дѣющими*».

Стр. 9, примѣчаніе 1-е. Добавить: Въ послѣдніе годы г. Соболевскій значительно умѣрилъ свое мнѣніе и наконецъ склонился къ мысли, что въ старомъ Кіевѣ было нарѣчіе сѣверно-малорусское. Объ этомъ см. четвертую главу нашей работы стр. 87—95.

Къ стр. 10-й, послѣ строки 6-й. Въ тотъ моментъ, когда я писалъ строки 7-ую и слѣдующія, я не успѣлъ еще разсмотрѣть статью *А. Колессы* и ознакомился было съ нею только слегка. Потомъ я прочиталъ ее внимательно, и не могу сказать, чтобы она отличалась высокими достоинствами. Надо, впрочемъ, замѣтить, что статья эта («Dialectologische Merkmale des südrussischen Denkmals Žitije sv. Savy», въ Arch. f. sl. Phil., XVIII, 203—228 и 473—523) не есть въ сущности самостоятельное изслѣдованіе г. Колессы, а просто зачетное студенчески-разцвѣченное изложеніе соотвѣтствующихъ страницъ изъ Ягича; при этомъ г. Колесса, какъ робкій ученикъ, постоянно jurat in verba magistri и повторяетъ даже очевидныя обмолвки г. Ягича, снабжая ихъ благочестиво-наивнымъ примѣчаніемъ, что это слѣдуетъ допустить «nach der Meinung Jagičs» [1]). Представленная, какъ зачетный студенческій рефератъ, статья г. Колессы удовлетворяла своему назначенію и для поощренія могла быть даже напечатана, но теперь, вѣроятно, и самъ г. Колесса сознаетъ всѣ ея промахи и слабыя стороны и не можетъ быть въ претензіи, если и другіе ему это укажутъ.—Найденное въ Палестинѣ «Житіе Савы» XIII вѣка, котораго ужъ коснулся г. Ягичъ и котораго г. Колесса касается въ этомъ своемъ рефератѣ поподробнѣе, есть памятникъ бѣлорусскій, безъ всякихъ малорусскихъ чертъ [2]), напротивъ—съ видными бѣлорусскими особенностями, типа приблизительно

---

[1]) Какъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ такой наивности, укажу стр. 509, гдѣ г. Колесса, самъ отмѣчая, что звуковыя сочетанія **ьа, ью, ье** вмѣсто **иа, ию, ие** присущи еще памятникамъ церковно-славянскимъ, и несомнѣнно зная (потомучто такого крупнаго факта нельзя не знать), что они—обязательная черта *всѣхъ трехъ* русскихъ нарѣчій, все таки набожно повторяетъ обмолвку г. Ягича, будто они сообщаютъ памятнику южно-русскій колоритъ.

[2]) Нѣтъ даже смѣшенія **ы** и **и**, **ѣ** и **и**. Примѣры, которые приводитъ г. Колесса, доказываютъ только его незнаніе великорускаго и бѣлорусскаго нарѣчій.

полоцко-смоленскаго [1]); г. Соболевскій, на основаніи употребленія буквы ѣ вмѣсто є, причисляетъ «Житіе Савы» къ памятникамъ «галицко-волынскимъ», а г. Ягичъ, идею котораго въ своемъ рефератѣ и развиваетъ г. Колесса, хочетъ сдѣлать изъ «Житія Савы» памятникъ кіевскій XIII вѣка. Идея г. Ягича въ краткихъ словахъ сводится къ тому, что не иначе, какъ за кіевскіе, мы должны признавать всѣ тѣ памятники, въ которыхъ имѣется «галицко-волынское» употребленіе буквы ѣ вмѣсто є и другія (якобы) «галицко-волынскія» особенности, но въ которыхъ нѣтъ присущаго прочимъ «галицко-волынскимъ» памятникамъ взаимнаго смѣшенія в и оу и смѣшенія шипящихъ и свистящихъ звуковъ [2]). Статья г. Колессы, подробно развивающая идею г. Ягича, служитъ однако хорошимъ свидѣтельствомъ, что эта идея никуда не годна. Одинъ изъ критеріевъ г. Ягича, отсутствіе взаимнаго смѣшенія в и оу [3]), подорванъ самимъ г. Ягичемъ, который затѣмъ самъ отмѣтилъ въ «Житіи Савы» взаимное смѣшеніе в и оу [4]); и г. Колесса тоже не рѣшился утверждать, что въ «Житіи Савы» нѣтъ обоюднаго смѣшенія в и оу [5]). Что же касается второго критерія, то, хотя г. Колесса и увѣряетъ, будто въ «Житіи Савы» нѣтъ смѣшенія шипящихъ и свистящихъ, оно есть; такъ, на л. 421 мы находимъ **ꙁлатопла[ть]чамъ палестиньскымъ** вмѣсто **ꙁлатопла[ть]цамъ** (τοῖς τρακτευταῖς). Я не знаю, извѣстно ли г. Соболевскому при-

[1]) Объ этомъ будетъ сказано обстоятельнѣе во II выпускѣ, при общемъ обзорѣ всѣхъ многоятевыхъ памятниковъ, приписанныхъ г. Соболевскимъ галицко-волынскому нарѣчію.

[2]) Г. Колесса, кромѣ того, предлагаетъ еще считать кіевскимъ критеріемъ выдвинутое г. Соболевскимъ написаніе о вмѣсто ъ передъ слѣдующимъ о (напр., предо олтаремь). Но я въ четвертой главѣ своего изслѣдованія (стр. 64—65 нынѣшняго оттиска и стр. XVI предисловія) показалъ на рядѣ примѣровъ, что эта особенность встрѣчается во многихъ русскихъ памятникахъ (въ томъ числѣ и въ Ипатской лѣтописи, которую г. Соболевскій относитъ къ „галицко-волынскимъ“ памятникамъ), а отсутствуетъ именно въ подлинныхъ кіевскихъ памятникахъ. Поэтому про такой мнимый кіевскій и мнимый „не галицко-волынскій“ критерій я ужъ и говорить дальше не буду.

[3]) Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка, стр. 17.

[4]) Критич. замѣтки по исторіи русск. яз., стр. 84 и стр. 17.

[5]) Archiv, т. XVIII, стр. 221, 522.

сутствіе начертаній вродѣ «златопла[ть]чамъ» въ «Житіи Савы»,— во всякомъ случаѣ онъ можетъ спокойно смѣяться себѣ въ бороду, пока его будутъ опровергать при помощи *такихъ* памятниковъ, какъ «Житіе Савы», потому-что бѣлорусское «Житіе Савы» нисколько не отличается отъ тѣхъ прочихъ бѣлорусскихъ памятниковъ г. Соболевскаго, которые и г. Ягичъ, вмѣстѣ съ Соболевскимъ, согласился признать за спеціально «галицко-волынскіе», а не кіевскіе; одинъ изъ бѣлоруссизмовъ «Житія Савы» **ꙗблыко** (19,21) тоже можетъ быть истолкованъ г. Соболевскимъ въ вящшую пользу своей теоріи, потому что изъ современныхъ малор. говоровъ кіевскіе совершенно не знаютъ такой фонемы, но она существуетъ въ говорахъ галицкихъ; и другой бѣлоруссизмъ «Житія Савы» **ѥщи** (л. 317) вмѣсто **ѥще** [1]) можетъ съ точки зрѣнія малорусской діалектологіи быть объясненъ только какъ черта галицкая, но никакъ не кіевская. Такимъ образомъ, вслѣдъ за Ягичемъ и г. Колесса, пока будетъ спорить противъ великорусско-кіевской гипотезы г. Соболевскаго nach der Meinung Jagičs да на ятевой основѣ г. Соболевскаго, обязательно будетъ терпѣть пораженіе и скорѣе поддержитъ, чѣмъ опровергнетъ, эту антиисторическую гипотезу. Правда, изобильная филологическая каша, которую мы находимъ въ рефератѣ «Dialectologische Merkmale» г. Колессы, въ огромной степени объясняется не столько вѣрою г. Колессы въ малорусскость буквы ѣ памятниковъ г. Соболевскаго и рабскимъ, ученическимъ разцвѣченіемъ идей г. Ягича, сколько личною филологическою неподготовленностью г. Колессы въ 1894 году (когда писался его рефератъ) и его необыкновенно слабымъ знаніемъ малорусской діалектологіи. Его нисколько не смущаетъ то обстоятельство, что въ «Житіи Савы», наряду съ церковнославянскими формами **къде** и т. п. (съ буквою є), встрѣчается **кдѣ** (съ буквою ѣ; см., напримѣръ, л. 81, 253 и т. п.); какъ извѣстно, это—черта спеціально сѣверно-русская (бѣлорусская и великорусская), рѣзко антималорусская и, во всякомъ случаѣ, не кіев-

[1]) Срв. въ современныхъ бѣлорусскихъ „Матеріалахъ“ Шейна, т. II, 1893, стр. 474, „Восинь кажиць: рожу. А вясна кажиць: *ищй* я погляджу“.

ская, потому-что въ подлинныхъ кіевскихъ памятникахъ (Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 года) ея нѣтъ; г. Соболевскому, въ противность г. Колессѣ, это извѣстно [1]). Такъ же не г. Соболевскій виноватъ, если г. Колесса, противопоставляя говоры галицкіе и буковинскіе говорамъ украинскимъ, полагаетъ, будто подольская рѣчь (Руданскаго) относится къ типу говоровъ украинскихъ, а не галицкихъ [2]). Не г. Соболевскій виноватъ въ томъ, что г. Колесса приписываетъ современному малорусскому языку фонему «**ныкде**» [3]). Не г. Соболевскій виноватъ въ томъ, что г. Колесса считаетъ возможнымъ производить кіевско-малорусскія формы мѣстнаго и дательнаго падежа прилагательныхъ единственнаго числа «славнім», «грішнім», «чистім», «новій», «славній», «сьвятій» и т. д. изъ «славьнѣмь», грѣшьнѣмь», «чистѣмь», «новѣи», «славьнѣи», «свѧтѣи» и т. д., а не изъ «славнôм», «грѣшнôм», «чистôм», «новôй», «славнôй», «святôй» и т. д. [4]). Не г. Соболевскій виноватъ, если г. Колесса причисляетъ фонемы, послѣдовательно и постоянно соблюдаемыя въ извѣстныхъ говорахъ: «ци» и «зичити»—тоже къ случаямъ смѣшенія шипящихъ и свистящихъ (онъ въ этихъ фонемахъ видитъ... «die[selbe] Verwechselung des **ч** mit **ц** und **ж** mit **з**, welche den alten Mundarten von Novgorod, Pskov und Polotsk–Smolensk—Vitebsk eigen war») [5]).

---

[1]) Лекціи, 1-е изд., 37; 2-е и 3-е изд., 64; Изслѣдованія въ области русской грамматики, Варшава, 1881, стр. 2.

[2]) Archiv, XVIII стр. 220, сноска 1.

[3]) Стр. 508.

[4]) Стр. 494—495. Свое грубое незнаніе малорусской діалектологіи г. Колесса сугубо подчеркнулъ въ этихъ примѣрахъ тѣмъ, что мягкое произношеніе здѣсь звука **і** (которое онъ такъ и изображаетъ: „славньім", „грішньім" и т. д.) приписалъ онъ говорамъ кіевскимъ, къ памятникамъ которыхъ онъ относитъ „Житіе Савы" XIII вѣка; между тѣмъ даже до настоящихъ временъ кіевскіе говоры имѣютъ въ названныхъ формахъ очень твердое **і** (**ѣі**) или двугласный **уи**.

[5]) Archiv, XVIII, стр. 505. И при этомъ случаѣ г. Колесса еще лишній разъ подчеркнулъ свое незнаніе малорусской діалектологіи, добавивши, что *зичити* „anstatt *жичити*" принадлежитъ къ тѣмъ явленіямъ, которыя, молъ, свойственны только галицкимъ и волынскимъ говорамъ, но не кіевскимъ. Между тѣмъ именно *зичити* (а не *жичити*) есть общеизвѣстная фонема кіевская. И еще одну черту не-

Не г. Соболевскій виноватъ, если г. Колесса не подозрѣваетъ существованія смѣны звуковъ **в** и **у** въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи [1]), и т. д. Справедливость, впрочемъ, заставляетъ насъ еще разъ напомнить, что статья г. Колессы: «Dialectologische Merkmale» обезоруживаетъ критику и имѣетъ право на полную снисходительность, потому что она вѣдь не болѣе, какъ зачетная, студенческая работа, поданная г. Колессой г. Ягичу на его семинаріяхъ. Можно надѣяться, что дальнѣйшія филологическія работы, которыя произведетъ г. Колесса впослѣдствіи, занявши профессорскую каѳедру, будутъ имѣть самостоятельную научную цѣнность и значеніе... Для этого, правда, требуется условіе, чтобы онѣ не походили на недавно опубликованную имъ статью (одну изъ, покамѣстъ, очень малочисленныхъ его филологическихъ работъ): «Лаврівські пергамінові листки з XII—XIII віку» [2]), потому что въ этой статьѣ г. Колесса обнаруживаетъ прямо непростительное невѣдѣніе важнѣйшихъ, основныхъ фактовъ старорусскаго и церковно-славянскаго языковъ,—напримѣръ, въ области склоненія. Встрѣчая въ томъ памятникѣ, который онъ приписываетъ XII вѣку, фразу: «и собрашася пакы народи» (л. 1, а), г. Колесса воображаетъ, что **и** въ словѣ «народи» поставлено русскимъ переписчикомъ вмѣсто долженствующаго-де быть **ы**, и что «така поява **и** замість **ы** в слові **народи** має діялектологічне значінє і характеризує давні памятники південно-руського походження» [3])!! Просто не вѣрится, что тѣ вещи, которыя у насъ твердо знаетъ гимназистъ 4-го класса, въ Галичинѣ не извѣстны университетскому профессору [4]).

знанія малорусской діалектологіи,—черту въ которой неповиненъ г. Соболевскій, проявилъ г. Колесса, дѣлая тутъ же ссылку на гродненское „перез": вѣдь въ Гродненщинѣ мазуракаютъ,—обстоятельство, которое могло бы быть извѣстно г. Колессѣ просто изъ учебныхъ „Лекцій" того же г. Соболевскаго, (2-е изд. стр. 128—129).

[1]) Archiv, XVIII, стр. 497.

[2]) Въ 53-мъ томѣ „Записокъ Наукового Товариства імени Шевченка", 1903.

[3]) См. стр. 8, отд. отт.

[4]) Отсутствіе преподаванія грамматики церковно-славянскаго языка въ галицкихъ гимназіяхъ и необходимость каждому начина-

Стр. 11, строка 10-я. Вмѣсто «отвергнутое теоріей» должно быть «отвергнутое исторіей».

Стр. 13, примѣчаніе 1-е. Добавить: Такъ и г. Шахматовъ въ одномъ и томъ же сочиненіи употребляетъ выраженія: «малорусскій языкъ» и «малорусское нарѣчіе», смотря по тому, какой терминъ болѣе подходитъ къ общему ходу рѣчи. Такъ и г. Ягичъ въ своихъ недавнихъ «Einige Streitfragen», признавши, что по отношенію къ остальнымъ славянскимъ языкамъ русскія нарѣчія составляютъ одно цѣлое, тѣмъ не менѣе употребляетъ выраженія: «die russischen *Sprachen*» (стр. 24).

Стр. 14, строка 13-я. Пропущена ссылка: «Изслѣдованія въ области русской фонетики», стр. 120.—Въ апрѣлѣ 1899-го года г. Шахматовъ высказалъ совершенно иное мнѣніе, о чемъ подробно у насъ сказано въ четвертой главѣ.

Стр. 17, строка 15-я. Добавить: А на стр. 54-й г. Соболевскій не постѣснялся приписать малоруссамъ неопредѣленное наклоненіе «печь».

Стр. 17, строка снизу 4-я. Вм. «слова» чит. «слова́», съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ.

Стр. 21, первая строка 1-го примѣчанія. Вмѣсто: «отъ Путило или» должно быть: «подобно Путило отъ».

Стр. 21, примѣч. 2-е: Поставить вопросительный знакъ.

Стр. 23, первая строка 3-го примѣчанія. Напечатано: А. Соловьевъ. Должно быть: А Соловьевъ.

Стр. 26, строка 7-я. Напечатано: Мьстишенскій. Должно быть: Мьстишиньскый.

Стр. 27, пятая строка 13-го примѣчанія. Напечатано: соварищѣ. Должно быть: товарищѣ.

Тамъ же, снизу строка 2-я. Напечатано: *си*льські. Должно быть: *сі*льські.

Стр. 30, строка 7-я. Пропущено: Въ Полтавской губерніи въ Гадяцкомъ уѣздѣ—Грыша (Онысько Грыша—сильськый хло-

ющему гал. филологу изучить церковно-славянскую грамматику самостоятельными усиліями едва ли можетъ служить достаточнымъ оправданіемъ для лица, занимающаго каѳедру. Правда, эта каѳедра—не спеціально-филологическая, а скорѣе историко-литературная.

пець. См. «Матеръялы до украиньсько-руськои этнольогыи, за редакцыею Хв. Вовка», Львивъ 1899, т. I, стр. 111).

Стр. 31, въ строкѣ 11-й пропущено имя: Стецько.

Стр. 32, строка 17. Добавить послѣ имени «Андріяша»: Въ пѣснѣ 1789-го года фигурируетъ имя: Марьянуша. См. Гринченко: Этнографическіе матеріалы, т. III, стр. 605.

Стр. 33, строка 3-я. Добавить: Въ Проскуровскомъ уѣздѣ Подольской губерніи отмѣчено имя: Петруша (см. Народныя преданія въ Подоліи—гр. Биберштейна, Кам.-Подольскъ, 1881, стр. 39, 40). Отъ Иванъ—уменьшительное Иванюша, встрѣчается въ пѣсняхъ о козакѣ, въ Новоушицкомъ уѣздѣ (см. Гринченко: Этнографическіе матеріалы, III, 271, 272). Это же имя Иванюша извѣстно на Волыни въ Острожскомъ уѣздѣ (Гринченко: Этнографическіе матеріалы, III, 369). Къ списку галицкихъ уменьшительныхъ добавимъ: Гапуша (=Ганна) въ Пѣсняхъ Головацкаго. См. Записки Наукового Товариства імени Шевченка 1901, т. XXXIX, Библіографія, стр. 27.

Стр. 33, строка 19-я, 20-я и 23-я. Напечатано: Ратоша, Мостиша. Надо читать: Ратьша, Мьстиша.

Стр. 34, вторая строка въ выноскѣ. Напечатано: по словамъ. Должно быть: по словарю.

Стр. 36, строка 21-я. Напечатано: кекотъ. Должно быть: кокотъ.

На той же страницѣ, строка снизу 5-я. Напечатано: кривногій. Должно быть: кривоногій.

Тамъ же, въ 1-й выноскѣ въ первой строкѣ. Напечатано: Десятинѣ. Должно быть: Де*л*ятинѣ.

Стр. 37, строка 13-я. Напечатано: великорусское. Должно быть: общерусское.

На той же страницѣ, въ 1-омъ примѣчаніи. Напечатано: З*а*ря. Должно быть: З*о*ря (галицкій малорусскій журналъ).

Стр. 38, строка 12-я. Вмѣсто qarrula чит. garrula.

На той же страницѣ, послѣ перечисленія примѣровъ на *ша*, добавить: Очень интересные примѣры малорусскихъ словъ на *ша* подмѣтилъ И. Верхратскій въ архаическомъ говорѣ угорскихъ ма-

лоруссовъ. Таковы: голубеша=голуба вивця, Namen eines blaugrauen Schafes; сыньоша=корова сыня, сира, Namen einer blaugrauen Kuh. См. Знадобы до пизнання угорсько-руськыхъ говоривъ, стр. 49 (Запыскы Наукового Товарыства имени Шевченка, т. XXVII).

Стр. 39, строка 6-я. Добавить: Угорско-малорусскія клички коровъ и овецъ «голубеша» и «сыньоша» (подобно великорусскому «буренушка») съ одной стороны выражаютъ ласку, а съ другой стороны подчеркиваютъ преобладаніе сивой масти въ этихъ животныхъ.

На той же страницѣ послѣдующая фраза извращена пропускомъ цѣлой строки. Строка 8-я должна читаться такъ: понимать ли ихъ какъ ласкательныя сокращенія, или какъ прозвища, обозначающія постоянное качество.

Стр. 41, къ строкѣ 10-й прибавить: Форму «бабуся» см. еще въ разсказѣ П. Засодимскаго изъ жизни сѣвера («Задушевные разсказы», т. II, стр. 4, Спб. 1884). «Мамуся»—въ великорусскомъ разсказѣ П. М. Невѣжина (Новости Дня 1898, № 5595, стран. 2, столб. 4-й). Въ Петербургскомъ разсказѣ П. Боборыкина: «Отслужила» (Русскія Вѣдомости 1898, № 295) героиня названа Катуся,—уменьшительная форма отъ имени Катерина (подобно малорусскому Катруся).

Стр. 41, строка 11-я, Напечатано: твердое. Должно быть: тверское.

Стр. 41, строка послѣдняя. Напечатано: милушка. Должно быть: милуська (употребляется преимущественно по отношенію къ дѣтямъ).

Стр. 42, къ строкѣ 18-й: П. Н. Милюковъ говоритъ: «У насъ, русскихъ, вопросъ о происхожденіи славянъ до сихъ поръ продолжаетъ иногда ставиться не только даже такъ, какъ можно было его ставить во времена Пикте и Будиловича; нѣтъ, мы иногда возвращаемся къ временамъ Забѣлина и Иловайскаго и даже, наконецъ, ко временамъ Надеждина». Этнографическое Обозрѣніе, кн. XXXVII, стр. 141.

Стр. 43, въ 1-мъ примѣчаніи, въ чешской цитатѣ, вмѣсто Otdřich должно быть Oldřich и мѣсто veleslwny—veleslawny.

Стр. 44, въ 1-мъ примѣчаніи добавить: г. Гинкенъ считаетъ «Борисъ» уменьшительнымъ отъ Боримиръ или Бориславъ и принимаетъ *съ* за особый суффиксъ. См. его статью въ Живой Старинѣ 1893 г., вып. IV, стр. 445: «Древнерусскія двуосновныя имена и ихъ уменьшительныя».

Стр. 45, примѣч. 3-е. Напечатано: Вав. Миллеръ. Должно быть: Всев. Миллеръ.

Стр. 46, строка 2-я. Напечатано: кыр*т*а. Должно быть: кыр*п*а. Въ той же строкѣ напечатано дубаса. Должно быть: дубаса и дубоса.

Стр. 47, строка 6-я. Напечатано: не вѣрна. Должно быть: не несомнѣнна. Тамъ же пропущена выноска: Роль *Галичины* въ заселеніи Слободской Украины, въ противоположность роли Подоліи, Кіевщины и восточной Волыни, недостаточно выяснена. Историческихъ указаній на движеніе колонизаціи изъ Галичины на Лѣвобережье нѣтъ.

Стр. 47, строка 18-я. Напечатано: гуц*у*лами. Должно быть: гуц*а*лами.

Стр. 47, первая строка 1-го примѣчанія. Напечатано: производныхъ. Должно быть: сродныхъ и производныхъ.

Стр. 47, въ томъ же примѣчаніи прибавить послѣ точки въ девятой строкѣ: Отсюда одно изъ значеній существительнаго «буцъ»—быстрый и ловкій ударъ (Ястребовъ: Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края. Одесса 1894, стр. 95). Напомню объ очень распространенной прибауткѣ при дѣтскихъ шалостяхъ: ребенокъ съ разбѣга ударяетъ лбомъ въ животъ другаго ребенка и говоритъ: «баранъ, баранъ, буцъ»; иногда и взрослые употребляютъ ту же прибаутку, играя съ малыми дѣтьми и бодая ихъ двумя пальцами въ животикъ, отчего дѣти съ крикомъ съеживаются.

Стр. 47, добавить примѣчаніе къ строкѣ 18-й. Прозвище «буцъ» встрѣчается не только въ Черкащинѣ; многія соображенія заставляютъ думать, что первоначально такое прозвище да-

валось исключительно сѣвернымъ полѣшукамъ и, быть можетъ, бѣлоруссамъ. Въ рѣдкой малорусской брошюрѣ: «Спліотни» (Житоміръ 1872) Михалка Семенюка, признающагося, что онъ самъ отчасти буцъ, есть обстоятельныя разъясненія о смыслѣ этого слова. Сдѣлаю выписки изъ названной брошюры, причемъ оговариваюсь, что, по необходимости, ихъ транскрибирую обязательнымъ правописаніемъ. «Мои спліотни [1]) не въ далекій пидуть свитъ; а вже-то за Днипръ—то и не думаю! тамъ зъ ныхъ насміються та назыцаються якъ надъ чимъ непотрибнымъ. Бо Задпипровскіи пивци такъ звучно поютъ, якъ Эольская гарфа. А я—звычайне, якъ полишукъ—разъ завыю якъ вовчинята, колы то въ гнизди голодны обзываються, або зарыкаю, якъ сблуканная въ лиси скотына, або часомъ защебечу, якъ лисная птычка. (Стр. 5). Кажда птычка по своему щебече. Такъ и я: по своему,—якъ научывся помыжъ крестьянамы [2]) и Буцамы (хочъ то кажуть: Буцы—не люде). Для того найдете у мене ударенія и выраженія, протывны малороссійскому задпипровскому языку, потому-що въ мистностяхъ отъ Буга до Тетерева [3]) и йеще немного дальше къ Кіеву змишано и поплутано, якъ въ испорченномъ ткацькимъ варстаты (стр. 6). Прыходыться теперъ объяснытъ, щó то значыть «Буцъ». Есть то чоловикъ [2]), але чоловикъ похожъ на литовскихъ изъ багенъ [4]) людей, котрого колы спросышъ: «звитки чоловикъ?» отвитыть: «я не чоловикъ, я пинчукъ». Буцъ получивъ свое названіе отъ того, що, якъ то диты забавляються и одынъ другого бье лобомъ и промовляють: «баранъ, буцъ!»—такъ понеже сіи люде безпрестанно напываються и деруться, отъ того названо ихъ Буцамы (стр. 11). Але Буцовъ есть два сорта: одынъ—«Буцъ-васпанъ», а другій—«Буцъ-мужыкъ». Буцъ-васпанъ

[1]) Стихи.

[2]) Напомню, что по-малорусски терминъ „малоруссъ“ выражается словами „чоловикъ“, „люде“. Слово „люде“ означаетъ еще „крестьяне“ (въ противоположность другимъ сословіямъ), откуда терминъ „крестьяне“ можетъ такъ же обозначать: „чистые малоруссы“. Необходимо это помнить для уразумѣнія приведенной фразы и дальнѣйшаго изложенія.

[3]) На Волынскомъ Полѣсьи.

[4]) Болотъ.

хуже мужыка, потому-що твердшы[й] невыжа [1]) и безпрымирно ленывъ. И Буцъ-васпанъ дорожыть своимъ васпаньствомъ, бо при соотвитственномъ случаи обзываетьця: «я до васпана, васпанъ!», «васпанъ! а, васпанъ, до мене ты?» Буцъ же мужыкъ не мае въ соби тои амбиціи и бувае совистнійшій, але воны вси плуты, пьяныци и злодіи на лисъ. Така въ ныхъ въ сымъ отношеніи закостнила безсовистность, що не счытають соби въ выну красты лисъ и пры случаи обясняються: «Той, що лизе до коморы, то той—злодій. А зъ лиса якъ що соби зробышъ та продасы, то нема гриха: шъ чого жъ будешъ жыты! вшакъ, лисъ Богъ сотворывъ для всихъ». (Стр. 12). Сіи Буцы—есть то люде захожи изъ разныхъ сторонъ: изъ-за Буга, изъ-за Дзвины и ызъ-за Днистра. Помыжъ слободамы, населеннымы самымы Буцами, есть слободы, населенны изъ выходцивъ изъ-за Волги, старообрядцивъ, поселывшихся отъ вика. До крестьянъ и Буцовъ перешлы некоторы слова чисто вылыкорусскіи. Тамъ же по лисамъ есть села, населенны крестьянамы въ смиси зъ Буцамы, и есть села, населенны самымы лышъ крестьянамы безъ ніякой прымиси. Але, же крестьянѣ сообщаютьця съ Буцамы, оттого що и входятъ въ бракосочитанія съ собою [2]), то и у крестьянъ есть искажены[й] языкъ Буцовскі[й]». (Стр. 13—14). Слишкомъ ясно, что «лицьвинки изъ-за Дзвины» ничего общаго не имѣютъ съ галицкими бойками, какъ этого желалъ бы г. Соболевскій.—За двадцать лѣтъ до Семенюка Руликовскій писалъ о буцахъ въ средней Кіевщинѣ, въ мѣстности совсѣмъ близкой къ Черкащинѣ. Въ своей книгѣ: Opis powiatu Wasylkowskiego (Варшава 1853) Руликовскій сообщаетъ, что только сѣверная лѣсистая, предросская часть Васильковскаго уѣзда заселена коренными малоруссами, а южная часть, степная, заросская, получившая много новаго населенія въ новое время, заселена людьми, которые собрались изъ разныхъ мѣстъ, въ томъ числѣ въ большомъ количествѣ изъ «Литвы».

[1]) Невѣжда. Звукъ ѣ иногда произносится въ этомъ корнѣ твердо не только на Полѣсьи, гдѣ вообще рефлексы звуковъ ѣ и и смѣшиваются, но и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи.

[2]) =z sobą, другъ съ другомъ.

По словамъ Руликовскаго, жители сѣверной, исконно-малорусской части уѣзда относились къ приплымъ южнымъ поселенцамъ съ насмѣшкою и издѣвались надъ ихъ рѣчью, «z przekąsem nazywając ich *bucami* i hesztakami, bo ci za każdym wyrazem mają we zwyczaju powtarzać wyraz «heta» na sposób *poleski* (str. 148—151)». Изъ сообщеній Семенюка и Руликовскаго ясно устанавливается, что буцъ—это полѣшукъ, и притомъ не кіевскій и не волынскій, а пинскій. Отсюда можно сдѣлать вѣроятное предположеніе о причинахъ примѣненія этого прозвища къ подолянамъ: Подолія, покинутая прежними жителями во времена Руины, приняла затѣмъ, по всему вѣроятію, достаточное количество новыхъ поселенцевъ изъ Пинщины, по крайней мѣрѣ въ мѣстахъ, сосѣднихъ съ Кіевщиной, и оттого черкасцы называютъ подолянъ буцами.

Стр. 48, къ примѣчанію 1-му. Что касается происхожденія прозвища «гуцулъ» у галицкихъ горцевъ, то у насъ тоже нѣтъ никакихъ данныхъ считать его за очень старое, возникшее въ домонгольскую эпоху. Наоборотъ, у насъ есть свѣдѣнія, что галицкіе горцы были прозваны гуцулами за отчаянное сопротивленіе, которое они оказали венграмъ при насильственномъ введеніи у нихъ церковной уніи. См. М. Левченко: Мѣстныя названія русиновъ (Основа 1861, январь, стр. 264).

Стр. 48, послѣдняя строка главнаго текста. Послѣ словъ: «переносить этотъ выводъ на Кіевщину» пропущено: съ ея особымъ географическимъ и топографическимъ положеніемъ, съ ея особымъ архаическимъ нарѣчіемъ.

Стр. 50, строка 4-я. Напечатано: сосѣдніе. Должно быть: сосѣднія.

Стр. 51, строка снизу 10-я. Напечатано: собственно еще. Должно быть: собственно, еще.

Тамъ же, снизу строка 6-я. Напечатано: обособленія. Должно быть: обособленіи малорусскаго и великорусскаго.

Стр. 52, послѣд. строка текста. Въ Екатеринодарскомъ изданіи моей брошюры «Хто жъ выненъ» (1897) наборщикъ на стр. 17-й (строка снизу 6-я) набралъ «до собе».

Стр. 53, строка 21-я. Послѣ словъ: «Отмѣтимъ чередованіе *е* и *я* прежде всего» пропущено: «во всѣхъ существительныхъ средняго рода, оканчивавшихся въ общерусскомъ языкѣ на **ие** или **ье**. Напримѣръ: жыття́, здоро́вья, наси́ння, данння́ и т. д.» Затѣмъ съ новой строки начать: «Далѣе—въ страдательныхъ причастіяхъ» и т. д.

Тамъ же, въ послѣдней строкѣ, къ слову «паляныця». Покойный М. А. Дикаревъ, незадолго до своей смерти, когда онъ уже страдалъ сильнымъ психическимъ разстройствомъ, написалъ по поводу слова «паляныця» особую статью («Кіев. Стар.» 1899, окт., 31), въ которой сближаетъ малорусское «паляныця» съ древне-греческимъ «πέλανος» (языческій жертвенный пирожокъ) и, такимъ образомъ, оспариваетъ мое производство этого слова отъ страдательнаго причастія «паляный». Замѣчу при случаѣ, что предложенная мною этимологія есть не моя личная, а общепринятая (срв. у Миклошича: Etymologisches Wörterbuch der slawischen Sprachen, стр. 235). Опровергать же сколько-нибудь подробнѣе статью покойнаго Дикарева, этотъ плодъ его предсмертнаго сумасшествія, представляющій собою вопіющее нарушеніе всѣхъ законовъ сравнительнаго языковѣдѣнія и опубликованный лишь по недоразумѣнію, я считаю совершенно излишнимъ: всякому, кто хоть немного изучалъ сравнительное языковѣдѣніе, понятна полнѣйшая филологическая несостоятельность Дикаревскаго возведенія малорусскаго «паляныця» наряду съ греческимъ «πέλανος» въ староязыческій, доисторическій обще-индоевропейскій періодъ. Правда, можно бы предположить еще, что малороссы прямо заимствовали отъ грековъ ихъ слово πέλανος въ историческую, христіанскую византійскую эпоху; но для этого надо доказать, что самимъ грекамъ еще извѣстно было слово πέλανος въ позднюю, христіанскую пору; доказать же это едва ли удастся. Что же касается великорусскаго «пеленица» (и «пеляница»), тоже приводимыхъ Дикаревымъ, то это слово (оно значитъ «пирогъ») находится въ этимологической связи со словомъ «пелена» (о значеніяхъ котораго см. Словарь Даля, III, 22), «пеленать» (=свивать, свертывать) и др.

Стр. 54, отдѣлъ а), послѣ слова «Печарыця» прибавить: Печара—у Франка (Зъ вершынъ и нызынъ. Друге выдання. Львивъ 1893 стор. 176). Пидпечары—село въ Галичинѣ, недалеко отъ г. Станиславова. Чáлядь—въ Под. губ. (Правда 1890, падолистъ, стр. 207).

Стр. 55, строка 13-я. Ссылка на Тобилевича попала сюда по недосмотру.

Стр. 56, строка 3-я. Напечатано: Халя*т*а. Должно быть: Халя*п*а (иначе: халепа, т. е. затруднительное положеніе).

Стр. 56, строка 6-я. Добавить: Л*я*тычивъ—имя города Летичева по подольскому произношенію (Нива, Одесса 1885, стр. 164).

Стр. 57, къ отдѣлу ж) добавить: Скрябатыся—у Мордовцева (Саратовскій литературный сборникъ, 1859, стр. 178). Ралигійный («Руслан» 1903, № 156, стр. 2). Кареливка—Кіев. Ст. 1904, февр., II, 62—63.

Стр. 58, четвертая строка въ сноскѣ. Напечатано: Шурата. Должно быть: Щурата.

Стр. 59, (строка 14-я), стр. 60 (строка 1-я и 15) и стр. 61 (строка 7, второе слово)—напечатанъ юсъ малый вм. юса большого.

Стр. 59, послѣдняя строка въ примѣчаніи. Напечатано: Андрі*и*. Должно быть: Андрі*я*.

Стр. 60, строка 4-я. Напечатано: двугла*сс*ный. Должно быть: двугласный.

Стр. 61, строка 4-я. Напечатано: 1*9*76. Должно быть 1*0*76.

Стр. 61, въ примѣчаніи 8-я строка снизу. Напечатано: поставить. Должно быть: поставитъ.

Стр. 62, стр. 63, стр. 66 и стр. 67. Напечатана много разъ церковно-славянская буква **н** вмѣсто **н**.

Стр. 62, строка послѣдняя въ 4-мъ примѣчаніи. Должно быть: видннию, ннстъ, пнванью.

Стр. 63, строка 9-я. Напечатано: про. Должно быть: что.

Стр. 65, строка 23-я. Напечатано: Пансіевомъ. Должно быть: Пансіевомъ. Количество примѣровъ появленія **о** вмѣсто **ъ** передъ слѣдующимъ **о** можетъ быть дополнено еще слѣдующими: ото овець (ἀπὸ)—Быт. IV, 4 по списку XIV вѣка; ото очию—Пут. Генн. и Позн. 6 (=Древне-русскій словарь Срезневскаго, т II, стр. 770); подоостри—въ Лаврент. лѣтоп. подъ 6694 годомъ; подоостремѣть—Пчел. Имп. Публ. Библ. л. 91 (=Словарь Срезневскаго, т. II, стр. 1044).

Стр. 66, третья строка 2-го примѣчанія. Напечатано: «**ѣ** вм. **ꙗ братиѣ**». Должно быть: **ѣ** вмѣсто **ꙗ** въ словѣ **братиѣ**.

Стр. 70, строка 13-я. Напечатано: могли. Должно быть: могли бы.

Стр. 74, въ выноскѣ строка 12-я. Добавить: Напримѣръ, новгородецъ, побывавшій въ стольномъ городѣ Кіевѣ и возвратившійся опять въ Новгородъ, могъ быть названъ Кіяниномъ, подобно тому какъ и теперь въ русской деревнѣ питерщикомъ зовутъ крестьянина, прожившаго зиму на заработкахъ въ Петербургѣ.

Стр. 76, строка 15-я. Напечатано: о(ть)цьн*и*ми. Должно быть: о(ть)цьн*я*ми.

Стр. 79, строка 8-я. Напечатано: онъ не писалъ. Должно быть: онъ же писалъ.

Тамъ же, предпослѣдняя строка текста. Должно быть: детий, иметь.

Стр. 80, строка 6-я. Вмѣсто славянскаго **ї** надо читать малорусское современное **і**. Да и на слѣдующихъ страницахъ сплошь да рядомъ напечатаны церковно-славянскія буквы совсѣмъ неумѣстно, въ формахъ современныхъ народныхъ.

Тамъ же, послѣдняя строка. Надо читать: писали и теперь пишутъ.

Стр. 81, строка 12-я въ ссылкѣ. Читай: розпорѣчіяхъ (какъ писалъ и Головацкій).

Стр. 82, въ строкѣ 8-й и 9-й уничтожить курсивное *и*.

Тамъ же, стр. 13-я. Читай: дидизнѣ.

Тамъ же, 1-я выноска, 1-я строка. Вмѣсто: текста—должно быть: текстъ.

Стр. 83, 1-я выноска, строка 1—2. Родительный падежъ [какъ у Головацкаго] долженъ быть написанъ съ окончаніемъ *ого*.

Стр. 83, выноска 3-я, строка 2-я снизу. Напечатано: едва ли князь. Должно быть: едва ли могъ князь.

Стр. 86. Вмѣсто церковно-славянскихъ буквъ должно читать русскія, причемъ вмѣсто **ї** должно быть **і**.

Стр. 87, строка 9—10. Напечатано: освободившимся. Должно быть: обособившимся.

Стр. 90, строка 2-я въ сноскахъ. При формахъ **урьнига** и **урьнѣга** надо поставить звѣздочку, такъ-какъ обѣ онѣ возстановлены мною гипотетично. Съ чередованіемъ фонемъ «Черныгивъ»

«Чернигивъ» можно еще сопоставить двѣ параллельныя увеличительныя формы отъ имени Васыль: «Васылыга» и «Васылига». (Часто встрѣчается въ видѣ фамиліи,—см., напр. «Кіевлянинъ» 1899, № 209, стр. 3, столбецъ 3-й).

Стр. 91, послѣдняя строка текста. Напечатано: предположитъ. Должно быть: предположить.

Стр. 93, въ выноскѣ, 14-я строка. Добавить: Когда эти строки ужъ были посланы въ редакцію «Кіевской Старины» для напечатанія, появилась тамъ же, въ «Кіевской Старинѣ», статья В. Милорадовича о близости Полтавскаго фольклора съ бѣлорусскимъ. Пожалуй, бѣлорусскости Полтавскаго фольклора г. Милорадовичу доказать не удалось (всѣ сближенія, какія онъ сдѣлалъ, прекрасно объясняются не бѣлорусскимъ, а просто сѣверно-малорусскимъ вліяніемъ), но статья его важна въ томъ отношеніи, что устанавливаетъ бо́льшую близость этнографическаго матеріала Украины (или хоть Полтавщины) къ сѣверному, чѣмъ къ западному, къ галицкому.

Стр. 94, строка 8. «Примѣсь» эту, которую усматриваетъ г. Соболевскій, надо однако принимать съ оговорками. Такъ, напрасно онъ хочетъ думать, что чередованіе **к** съ **т** и **г** съ **д** передъ мягкими гласными въ кіевскихъ памятникахъ есть черта немалорусская или, по крайней мѣрѣ, чуждая нынѣшнимъ кіевскимъ говорамъ. Что эта черта существуетъ у галицкихъ гуцуловъ (а они, напомнимъ, безусловно вѣдь чужды всякаго великорусскаго воздѣйствія!), это и г. Соболевскому извѣстно [1]), а мы отъ себя сообщимъ ему, что она существуетъ во 1-хъ въ самомъ городѣ Кіевѣ (гдѣ, пожалуй, ея туземность не поддается провѣркѣ въ виду постояннаго прилива и отлива и смѣшенія жителей этого «русскаго Парижа», какъ его называлъ Барановичъ), а во 2-хъ, и это самое главное,—она имѣется и въ захолустныхъ мѣстностяхъ, окружающихъ Кіевъ, особенно съ сѣвера, причемъ переходитъ и на лѣвую сторону Днѣпра, въ Черниговскую губернію, въ Переяславское Приднѣпровье и отчасти въ сосѣднюю полосу Слободской Украины. Въ числѣ прочихъ примѣровъ какъ разъ можно отмѣтить сугубо убѣдительное для г. Соболевскаго сѣверно-кіевское названіе пятнистой болотной рыбки: «овдютка», или «овдотка» (южно-украинск. «явдошка»), не говоря ужъ о такихъ примѣрахъ, какъ «ковкни», «ковкніть» (повелительное н-ніе отъ «ковтнути»—«проглотить») [1]); чередующаяся форма имени Келимонъ и Телимонъ (Пантелеймонъ) извѣстна, съ обычной перегласовкой *е* на *а*, до сѣверо-востока Слободской Украины (Калимонъ и Талимонъ у Квитки); другой такой общеизвѣстный примѣръ чередованія **т** и **к**—«стирта» и «скирта»; и въ лѣвобережномъ Приднѣпровьи нѣкоторыя села совсѣмъ затерли разницу между **т** и **к** передъ мягкими гласными, и даже когда нарочно просишь ихъ жителей произнести, напримѣръ, «тісний», «тісто» и т. п., они невольно произносятъ «кісний», «кісто» [2]).

[1]) Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., 1897, май, стр. 49; Лекціи 3-е изд., стр. 132.

Стр. 95, послѣ строки 4-ой. Правда, въ нововышедшемъ изданіи «Лекцій» (М. 1903, стр. 278—279) г. Соболевскій, заявивши, что кіевскіе памятники послѣ татарскаго времени XIV—XVI вв. не даютъ ясныхъ указаній на судьбу кіевскаго говора, упоминаетъ затѣмъ о южно-великорусскихъ (точнѣе—бѣлорусскихъ) именахъ въ кіево-печерскомъ памятникѣ XVI вѣка; но такъ какъ изъ контекста не видно, чтобы богомольцевъ, отовсюду стекающихся въ Кіево-Печерскую лавру, г. Соболевскій считалъ за представителей населенія цѣлаго города Кіева, а тѣмъ болѣе—цѣлой Кіевской области, то я не рѣшаюсь утверждать, что онъ отступилъ отъ мнѣнія, выраженнаго въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1897, и опять вернулся къ нелѣпой и смѣхотворной гипотезѣ о великоруссизмѣ старыхъ кіевлянъ.

Стр. 95, 10-я строка въ выноскѣ. Напечатано: Ѳ. Я. Коршъ. Должно быть: Ѳ. Е. Коршъ.

Стр. 96. Выноски, помѣченныя №№ 1 и 2 (послѣ 7-й строки), должны быть помѣчены № 2 и 3. Церковно-славянскія буквы должны быть измѣнены на гражданскія. Къ 3-ей ссылкѣ

[1]) См., между прочимъ, и въ такомъ характерномъ по языку произведеніи, какъ „Спліотни“ полѣшука М. Семенюка (Житом 1872), стр. 29: „ковкни слинку“.

[2]) Это явленіе наблюдалъ, между прочимъ, В. Н. Доманицкій (современный малорусскій писатель) въ произношеніи жителей села Каврай (по новому оно же—Троицкое) возлѣ м. Ирклѣева, золотоношскаго уѣзда полтавской губерніи.

можно бы добавить еще одну черту сѣвернаго свойства въ нынѣшнемъ западно-украинскомъ нарѣчіи, а именно то смѣшеніе *к* съ *т* и *г* съ *д* передъ мягкими гласными, о которомъ была рѣчь выше, въ добавленіи къ стр. 94-ой.

Стр. 101, строка 5. Напечатано: царей. Должно быть: князей.

Тамъ же, въ сноскѣ, 2-я строка. Читай: «интеллигенціи» (sit venia verbo). Въ 3-й строкѣ выноски, послѣ слова «Кіева» пропущено: этого «русскаго Парижа», какъ его называлъ Барановичъ.

Стр. 104, строка 15-я должна заканчиваться двоеточіемъ.

Стр. 106, строка 5-я. Напечатано: уступать. Должно быть: отступать.

Тамъ же, во 2-й выноскѣ, 2-я строка. Напечатано: кое-гдѣ желая. Должно быть: кое-гдѣ, желая...

Стр. 107, къ строкѣ 19-й. Вскорѣ послѣ своей апрѣльской статьи г. Шахматовъ, въ сентябрьской книгѣ Журнала Министерства Нар. Просвѣщенія, слѣдующими словами формулируетъ свое воззрѣніе на рѣчь стараго Кіева: «Древне-кіевскіе памятники писаны на малорусскомъ нарѣчіи, принявшемъ нѣкоторыя древне-сѣверскія черты (населеніе Кіева было смѣшаннаго характера)». Наконецъ, въ 55-мъ полутомѣ «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза и Эфрона акад. Шахматовъ помѣстилъ (ст. 564—581) прекрасную компактную статью: «Русскій языкъ», которая надолго останется руководящей нитью для всѣхъ, кто будетъ заниматься исторіей русскаго языка и его нарѣчій. Названная статья, это покамѣстъ послѣднее слово науки [1]), окончательно устанавливаетъ тотъ фактъ, что домонгольскіе жители Кіевской области—родоначальники современныхъ сѣверныхъ малоруссовъ.

Сдѣлавши эти необходимѣйшія поправки, я долженъ оговориться еще по поводу одного пункта.

Наряду съ очень лестными для меня отзывами ученыхъ о моемъ изслѣдованіи, высказанными или устно и черезъ письма,

[1]) Несомнѣнно, что и въ задуманной послѣ съѣзда славистовъ славянской энциклопедіи статью объ исторіи русскаго языка напишетъ акад. Шахматовъ.

или черезъ печать [1]), я встрѣтилъ слѣдующее не слишкомъ для меня пріятное замѣчаніе проф. С. Булича, котораго я очень уважаю: «Полемическій и не всегда объективный характеръ имѣютъ статьи Крымскаго и Михальчука» [2]). Я не понимаю, на основаніи чего г. Буличъ находитъ необъективнымъ мое отношеніе къ неосновательнымъ гипотезамъ г. Соболевскаго и его нелогичнымъ пріемамъ: г. Соболевскаго я не знаю лично, никогда его не видалъ, ничего о немъ, какъ о лицѣ, не слыхалъ и противъ него, какъ противъ лица, безусловно ничего не имѣю;—смѣю увѣрить и г. Булича, и г. Соболевскаго, что въ своей оцѣнкѣ гипотезъ и научныхъ пріемовъ г. Соболевскаго я совершенно не былъ субъективенъ. Несомнѣнно впрочемъ, что г. Буличъ, высказывая свое неопредѣленное замѣчаніе, имѣлъ въ виду и порицалъ не внутреннее, а внѣшнее мое отношеніе къ г. Соболевскому, мой стиль, мою рѣзкость въ выраженіяхъ, насмѣшливую недипломатичность и вообще (если позволительно употребить сравненіе изъ исторіи французской литературы) непригодность моего критическаго стиля для салоновъ г-жъ Рамбулье и Скюдери. Что касается стиля, то и самъ я теперь, sine ira вновь просмотрѣвши эти давно напечатанныя статьи, готовъ сознаться, что та невольная рѣзкость, которую я по временамъ допускалъ въ нихъ, была въ сущности излишней, тѣмъ болѣе что огромный рядъ фактическихъ данныхъ, собранныхъ мною для опроверженія безпочвенныхъ гипотезъ г. Соболевскаго, и безъ того падалъ на него несомнѣнно очень тяжелымъ ударомъ; высказывать при этомъ еще насмѣшливость, пожалуй, было и не великодушно; я даже публично готовъ здѣсь извиниться передъ г. Соболевскимъ за эти промахи своего стиля и тщательно постараюсь, печатая слѣдующія главы и без-

[1]) Изъ печатныхъ голосовъ, отмѣтившихъ убѣдительность или важность моего изслѣдованія (отрицательныхъ я, впрочемъ, и не встрѣчалъ), я назову особенно цѣнные для меня голоса—спеціалистовъ по исторіи русскихъ нарѣчій и русской этнографіи: проф. Е. Будде („Журналъ Министерства Народнаго Просв.“ 1899, сентябрь, 170), акад. А. Н. Пыпина („Исторія русской литературы“, Спб. 1898, т. IV, 601) и акад. А. А. Шахматова („Энциклопед. Словарь„ Брокгауза и Эфрона, полут. 55, стр. 581), а кромѣ того—голосъ спеціалиста-историка Кіевской земли, проф. М. С. Грушевскаго („Історія Руси-України“, Львів, 1898, т. I, стр. 380 и т. III (1900), стр. 581).

[2]) „Энциклоп. Словарь“ Брокгауза и Ефрона, полут. 55, стр. 832.

пощадно разбивая г. Соболевскаго, какъ и раньше, фактами, соблюдать при этомъ самую полную сдержанность въ выраженіяхъ и, указавши, положимъ, что отъ глагола «зирваты» или «зорваты» 2-е лицо будетъ «зорвешъ» а не «зорвесы», ограничиваться голымъ констатированіемъ этого яркаго факта, безъ прибавки насмѣшливыхъ комментаріевъ на счетъ качества и степени малорусскихъ знаній г. Соболевскаго. Однако, чтобы нѣсколько оправдать себя за тотъ ироническій тонъ, который часто проскальзываетъ въ нынѣшнемъ выпускѣ, я принужденъ отмѣтить одно обстоятельство: вѣдь не я одинъ, но и многіе другіе ученые, когда имъ приходилось касаться мнѣній или сочиненій г. Соболевскаго, теряли подобно мнѣ свою сдержанность и впадали въ полемическо-ироническій тонъ; очевидно, что та необыкновенная самоувѣренность г. Соболевскаго, съ которою онъ высказываетъ утвержденія, или завѣдомо неправильныя, или крайне гадательныя, и та, къ сожалѣнію, мелко-завистливая злоба, съ которой онъ выражается про заслуженныхъ филологовъ, обладающихъ, въ противность ему, правильнымъ научнымъ методомъ, дѣйствуютъ на свѣдущаго читателя отпорнымъ образомъ. Я долженъ напомнить г. Буличу въ хронологическомъ порядкѣ нѣсколько рецензій на г. Соболевскаго и попрошу сопоставить тонъ ихъ съ моимъ тономъ. Въ сообщеніи этихъ рецензій заключается еще и тотъ общій интересъ, что онѣ, служа дополненіемъ къ стр. 5—9, показываютъ, какимъ образомъ относится критика къ неосновательнымъ гипотезамъ г. Соболевскаго.

Въ «Недѣлѣ» 1887 г., въ № 14, на стр. 461—464, помѣщена статья подъ заглавіемъ: «Профессорскіе курьезы». Филологическіе методы г. Соболевскаго напоминаютъ автору статьи времена «блаженной памяти Тредьяковскаго», который производилъ имя Германіи «отъ словенскаго языка, какъ бывшаго у всѣхъ целтовъ и скитовъ общаго: она есть или отъ холмовъ— Холманія, Халманія и Алманія, для того, что ни одна изъ европейскихъ земель ни толь лѣсиста, ни толь гориста, коль Германія; или она есть Ярманія отъ ярма, означающаго жителей своихъ трудолюбными и неусыпными въ земледѣліи; или, наконецъ, она Корманія, по обилію корма и паствы».—Такъ *мнилъ* Тредьяковскій (продолжаетъ авторъ статьи)—и Богъ ему судья! Но «то было въ ты филологическія рати и въ ты плъкы». Въ наше же

время, когда наука филологіи болѣе точно опредѣлила свой методъ, казалось бы, встрѣтить что-либо подобное вышеприведенному—немыслимо. Но увы!—современный намъ присяжный филологъ, заявившій себя нѣсколькими учеными работами, докторъ русской филологіи и ординарный профессоръ кіевскаго университета г. Соболевскій оказывается не чуждымъ такихъ же дѣтски-наивныхъ промаховъ» [1]). Далѣе авторъ статьи указываетъ на курьезное толкованіе г. Соболевскимъ [2]) общеизвѣстнаго малорусскаго выраженія «припалую пыломъ» (т. е. покрывшуюся пылью) въ смыслѣ «возникшую, благодаря усердію». Авторъ статьи дивится и невѣжеству и развязности г. Соболевскаго и тутъ же сообщаетъ другой образчикъ его развязности; въ университетской рѣчи по поводу смерти Пушкина [3]), начатой приглашеніемъ, чтобы непосвященная публика ушла, г. Соболевскій заявилъ, что среди образованной Россіи, присутствовавшей въ Москвѣ при открытіи памятника Пушкину въ 1880 году и повторившей опредѣленіе Бѣлинскаго въ рядѣ восторженныхъ рѣчей и статей, находились, и притомъ во главѣ, Тургеневъ, Достоевскій, Островскій, *Некрасовъ*. «Итакъ, *прыпалымъ пыломъ* г. Соболевскаго воскресъ изъ мертвыхъ поэтъ Некрасовъ, умершій, какъ всѣмъ извѣстно, 27 декабря 1877 года, и не только присутствовалъ въ Москвѣ при открытіи памятника Пушкину 6-го іюня 1880 года, но даже участвовалъ въ произнесеніи восторженныхъ рѣчей. Дѣйствительно, непосвященной въ такія таинственныя продѣлки лектора публикѣ слѣдовало уйти заранѣе!» [4]). Оказывается, что г. Соболевскій, невнимательно пользуясь обстоятельнымъ указателемъ Межова, смѣшалъ И. С. Некрасова, читавшаго по случаю Пушкинскихъ дней рѣчь въ Новороссійскомъ университетѣ, съ покойнымъ поэтомъ Н. А. Некрасовымъ. «Такой промахъ простительно было бы сдѣлать ординарному писателю, но не ординарному профессору, представителю науки русской филологіи и исторіи литературы въ Кіевскомъ университетѣ» [5]).

---

[1]) Стр. 461.
[2]) Журналъ Министерства Нар. Просвѣщ. 1887, мартъ, стр. 42.
[3]) Кіевлянинъ 1887, № 24.
[4]) Недѣля, цитир. мѣсто, стр. 462.
[5]) Стр. 462.

П. И. Житецкій въ своемъ «Очеркѣ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII—XVIII вѣкѣ» (Кіевъ 1889), когда доходитъ до взаимно противорѣчивыхъ звуковыхъ объясненій, которыя далъ г. Соболевскій буквѣ ѣ, имѣющейся въ его мнимыхъ «галицко-волынскихъ» памятникахъ, измѣняетъ своему обычному спокойному тону и не можетъ удержаться отъ насмѣшки. Сперва онъ буквально выписываетъ толкованія самого г. Соболевскаго, который подъ одною и тою же буквою ѣ усмотрѣлъ цѣлую серію совсѣмъ разныхъ звуковъ: «Старый ѣ, по словамъ г. Соболевскаго, былъ дологъ, произносился какъ мягкое ε, но всегда имѣлъ склонность къ переходу въ і. Относительно новаго ѣ г. Соболевскій думаетъ двояко: съ одной стороны это было долго ε, которое однако же въ нѣкоторыхъ случаяхъ... не подвергалось измѣненію и осталось краткимъ. Эта двойственность въ воззрѣніи г. Соболевскаго, на новый ѣ выступаетъ еще рѣзче въ слѣдующихъ словахъ: «новый ѣ первоначально отличался отъ ε только количествомъ; имѣя всѣ качества ε, и въ ихъ числѣ склонность къ переходу въ о, которой не имѣлъ древній ѣ, онъ никогда не былъ тождественъ съ этимъ послѣднимъ. Впрочемъ, въ этомъ новомъ ѣ сохранилась и еще черта, роднящая его съ древнимъ ѣ. Можно думать, говоритъ г. Соболевскій, что ѣ переходитъ въ о чаще, чѣмъ ε, вѣроятно потому, что онъ сохранилъ древнюю мягкость». Повторивши всѣ эти противорѣчивыя утвержденія г. Соболевскаго, П. И. Житецкій пытается ихъ резюмировать: «Такимъ образомъ, новый ѣ есть отчасти долгій, а отчасти краткій звукъ; кое-что онъ сохранилъ изъ древняго ѣ, но не все, кое-что изъ основного ε, но не все; въ немъ есть *всѣ условія для того, чтобы сдѣлаться всѣмъ чѣмъ угодно*»... Естественно, что такой новый ѣ г. Соболевскаго признается П. И. Житецкимъ за «фиктивный, составленный изъ разнообразныхъ и отчасти несовмѣстимыхъ элементовъ», и представленія г. Соболевскаго за «сбивчивыя и неопредѣленныя» тѣмъ болѣе, что «въ изслѣдованіи г. Соболевскаго, кромѣ этого новаго ѣ изъ ε, указаны по галицко-волынскимъ памятникамъ *еще два* новые ѣ» [1]).

А. Н. Пыпинъ, знаменитый, заслуженный русскій ученый, всегда отличающійся замѣчательной, академической сдержанностью,

[1]) Очеркъ литер. исторіи мал. нар. въ XVII и XVIII в., стр. 120—122.

въ «Вѣстникѣ Европы» 1891 (апрѣль, стр. 878—886) пишетъ по поводу статьи г. Соболевскаго, разбирающей его прекрасную «Исторію русской этнографіи» [1]): «Статья эта меня подивила... Съ первыхъ строкъ и до конца рецензія пропитана какимъ-то предвзятымъ злобнымъ (затрудняемся назвать иначе) отношеніемъ къ *автору* книги, отношеніемъ, за которымъ не видно даже интереса къ самому предмету,—хотя бы этотъ интересъ подобалъ ученому спеціалисту. Занявшись вмѣсто предмета авторомъ, критикъ относится къ нему постоянно только съ враждой, и лишь подъ конецъ, какъ будто по остатку критической совѣсти, онъ нашелъ нужнымъ дать мѣсто нѣкоторому одобренію. Можетъ привести въ нѣкоторое недоумѣніе вопросъ: откуда взялась такая вражда? Можно было бы предположить, что эта вражда есть, такъ сказать, идейная,—вражда направленій; но особенныхъ идей въ статьѣ г. Соболевскаго не оказывается (ихъ можно угадать только по разнымъ отрицательнымъ признакамъ); самое различіе направленій не только не освобождало бы отъ обязанности безпристрастія, но человѣкъ и ученый порядочный считалъ бы безпристрастіе въ такомъ случаѣ тѣмъ больше необходимымъ. При этомъ отношеніи къ дѣлу, мы, конечно, не имѣемъ особенной охоты входить въ діалогъ съ критикомъ о сдѣланныхъ имъ замѣчаніяхъ; если онъ не желалъ правильно понимать сказаннаго въ книгѣ, столь же мало онъ уразумѣлъ бы и теперь. Но рецензія любопытна, какъ образчикъ вульгарной критики, довольно типической для нашего времени. Возьмемъ два-три примѣра. Занявшись авторомъ, критикъ объясняетъ, что этотъ авторъ есть «старый западникъ», человѣкъ «либеральнаго направленія», конечно, неодобрительнаго, не признающій вслѣдствіе того заслугъ многихъ патріотическихъ писателей, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ его свѣдѣнія «поразительно скудны» и т. п.» [2])... «Дальнѣйшее нападеніе составляетъ верхъ критическаго искусства, практикуемаго г. Соболевскимъ. Обвинивъ

[1]) Статья г. Соболевскаго помѣщена въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1891, февр.

[2]) Вѣстникъ Европы, указ. мѣсто, стр. 881. Сказать про *Пыпина*, что его свѣдѣнія „поразительно скудны"!!!

меня въ преслѣдованіи Сахарова за то, что онъ не принадлежалъ къ либерально-западническому лагерю (хотя въ то время, когда началъ дѣйствовать Сахаровъ, не было никакого западническаго лагеря), критикъ продолжаетъ, что отъ меня «сильно достается Мельникову: онъ *имѣлъ несчастіе* служить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ»... Мы не удивились бы, если бы встрѣтили подобныя слова́ въ какой-нибудь газетѣ, торгующей патріотизмомъ и потерявшей всякое чувство общественнаго приличія; но мы встрѣчаемъ эти слова́ въ статьѣ профессора университета, напечатанной въ оффиціальномъ ученомъ журналѣ... Критикъ, не ограничиваясь предметами литературными, даетъ понять, что я не совсѣмъ благонадеженъ и въ гражданскомъ отношеніи: приведенныя слова́ могутъ означать только одно—что я человѣкъ столь превратнаго либеральнаго образа мыслей, что достаточно кому-либо находиться на службѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, чтобы я возымѣлъ къ нему вражду. Точки, поставленныя критикомъ въ концѣ приведенной фразы, должны указывать, повидимому, что онъ еще не все договорилъ. Въ началѣ статьи онъ говоритъ о себѣ, какъ о человѣкѣ, сравнительно со мной, новѣйшаго поколѣнія. Дѣйствительно, въ томъ поколѣніи, къ которому принадлежу я, подобная выходка считалась бы крайне неприличной для университетскаго профессора... Собственно, такой извѣтъ долженъ былъ бы быть прямо направленъ въ то учрежденіе, которое вѣдаетъ дѣла́ о гражданской благонадежности; по крайней мѣрѣ, дѣло бы выяснилось. Надо предполагать, что въ учрежденіи этотъ предметъ былъ бы разсмотрѣнъ спокойно и безпристрастно, и по всей вѣроятности извѣтъ былъ бы отвергнутъ, такъ-какъ въ немъ нѣтъ человѣческаго смысла, и къ вопросамъ науки онъ не относится» [1])... «Разсказанная исторія непріятна мнѣ не столько потому, что касается именно моего труда, сколько потому, что указываетъ на очень грубое отношеніе къ интересамъ науки и общественнаго образованія въ само́й ученой средѣ... Непріятно было видѣть, что у насъ ученость и просвѣщеніе все еще не ото-

[1]) Стр. 884—885.

ждествляются,—объ этомъ свидѣтельствуютъ пріемы статьи г. Соболевскаго» [1])...

Въ «Русской Мысли» 1891 (декабрь, стр. 539—540) рецензія на «Лекціи по исторіи русскаго языка» г. Соболевскаго (Спб. 1891) начата была выпискою изъ предисловія самого г. Соболевскаго: «Уже давно у насъ чувствуется недостатокъ въ руководствѣ по исторіи русскаго языка. Единственный трудъ, посвященный этому предмету «Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка» Колосова (въ настоящее время не можетъ быть пріобрѣтаемъ даже антикварнымъ путемъ)—даже при само́мъ появленіи своемъ въ печати не отличался ни полнотою, ни достоинствомъ историческаго матеріала. *Въ виду этого*, мы рѣшились издать свои лекціи... *Несомнѣнная цѣнность* находящихся въ нихъ данныхъ, въ большинствѣ случаевъ, извлеченныхъ изъ первоисточниковъ и являющихся въ свѣтъ впервые, по нашему мнѣнію достаточно оправдываетъ нашу рѣшимость»... Сдѣлавши эту выписку, «Русская Мысль» продолжаетъ: «Такія фразы, болѣе умѣстныя въ коммерческой рекламѣ, чѣмъ въ предисловіи къ ученому изданію, г. Соболевскій предпослалъ своему труду; черезчуръ рѣшительный и побѣдоносный тонъ, который ярко сквозитъ въ этой интродукціи, проходитъ черезъ всю книгу. Г. Соболевскій не только спеціалистъ по исторіи русскаго языка, но и глубокій знатокъ антропологіи и русской исторіи. Это, по крайней мѣрѣ, подчеркиваютъ слѣдующія, не допускающія никакихъ сомнѣній фразы: «Русскій народъ какъ въ *антропологическомъ*, такъ и въ лингвистическомъ отношеніи представляетъ единое цѣлое; инородческая, финская кровь... не внесла ничего въ русскій антропологическій типъ» (стр. 1); «малорусское нарѣчіе, первоначально занимавшее большой уголъ между Чернымъ моремъ, Дунаемъ и Карпатами и еще до XVI вѣка расширившееся въ своихъ предѣлахъ, въ этомъ столѣтіи и слѣдующихъ значительно подвинулось къ востоку и югу и заняло земли отъ Днѣпра до Дона и побережье Чернаго моря, причемъ кое-гдѣ смѣшалось съ

[1]) Стр. 886.

южно-великорусскимъ нарѣчіемъ и образовало новые говоры» (стр. 253) и проч. Въ послѣдней фразѣ, нѣсколько неопредѣленно и сбивчиво высказанной, г. Соболевскій видимо избѣгаетъ прямой постановки вопроса, но, несомнѣнно, имѣетъ въ виду «печальной памяти» гаданія Погодина и считаетъ ихъ чѣмъ-то непререкаемымъ. Все это придаетъ очень антипатичный оттѣнокъ труду, имѣющему несомнѣнныя достоинства. Г. Соболевскій—хорошій начетчикъ въ старыхъ рукописяхъ; имъ собранъ богатый матеріалъ, хотя и не всегда въ немъ хорошо разбирается нашъ авторъ, благодаря слабой методологической подготовкѣ и склонности къ эфемернымъ гипотезамъ. Книгой его можно пользоваться, но съ большой осторожностью; оцѣнка трудовъ предшественниковъ произведена г. Соболевскимъ слишкомъ пристрастно и несправедливо; ихъ нашъ авторъ совершенно не признаетъ, считая, очевидно, свои лекціи альфой и омегой филологической премудрости [1])... Заключеніе содержитъ въ себѣ нѣсколько выводовъ, по большей части фантастическихъ» [2])...

Профессоръ Харьковскаго университета Н. Ѳ. Сумцовъ въ своемъ трудѣ: «Современная малорусская этнографія» [3]), коснувшись незабвеннаго Потебни, оказавшаго исторіи русскаго языка общеизвѣстныя великія заслуги, говоритъ: «Г. Соболевскій замѣтилъ недавно въ рецензіи на «Исторію русской этнографіи» Пыпина, что „первообразомъ“ Потебни былъ Штейнталь. Если съ такой легкостью отыскивать „первообразы“, то не останется ни одного мыслителя, ни одного художника. Потебню затретъ Штейнталь, Александра Веселовскаго—Бенфей; у Штейнталя и Бенфея окажутся свои „первообразы“, по естественной преемности научной мысли, и въ концѣ концевъ выйдутъ столь же скромныя и неизвѣстныя въ наукѣ имена, какъ имя нашего петербургскаго рецензента-филолога. Эта вылазка г. Соболевскаго противъ Потебни, правда, запрятанная въ подстрочномъ примѣчаніи, намъ

[1]) Стр. 539.
[2]) Стр. 540.
[3]) Печаталась сперва въ „Кіевской Старинѣ“ 1892 г.

представляется тѣмъ болѣе неудобной для самого г. Соболевскаго, что въ Харьковѣ еще живо помнятъ его докторскій диспутъ въ университетѣ, крайне снисходительное отношеніе Потебни къ молодому ученому и своеобразную защиту послѣдняго» [1]).—Три года спустя проф. Сумцову пришлось еще разъ высказать свое мнѣніе относительно пріемовъ г. Соболевскаго. Дѣло въ томъ, что, когда вышли въ свѣтъ извѣстныя «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ» П. И. Житецкаго, по ихъ поводу очень похвальныя и сочувственныя рецензіи были написаны академиками Ягичемъ [2]) и Пыпинымъ [3]), а г. Соболевскій [4]) позволилъ себѣ по отношенію къ сочиненію глубокоуважаемаго П. И. Житецкаго неумѣстную выходку.—«Критикъ, очевидно, считаетъ новизну мыслей какимъ-то недостаткомъ», замѣтилъ Н. Ѳ. Сумцовъ [5]), «точно для всякаго ученаго обязательны проторенные и избитые пути... Критикъ развязно принимаетъ думы подъ свое покровительство», продолжаетъ Н. Ѳ. Сумцовъ и цитируетъ слова изъ рецензіи г. Соболевскаго. Потомъ онъ переходитъ къ рецензіи акад. Ягича и отмѣчаетъ, какъ пріятно остановиться на ней послѣ «критики» г. Соболевскаго.

Въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1892, № 5 (стр. 229—230) читаемъ: «А. И. Соболевскій: Образованность Московской Руси XV—XVII вѣковъ. Спб. 1892, 23 стр., цѣна 40 коп.—Подъ столь пышнымъ и многообѣщающимъ заглавіемъ г. Соболевскій издалъ жидкую брошюру, содержаніе которой совсѣмъ не соотвѣтствуетъ тому, что долженъ былъ бы встрѣтить въ ней читатель. Въ брошюрѣ нѣтъ ни слова объ образованности въ древней Руси..., все время рѣчь идетъ о степени распространенія грамотности въ древней Руси и о школахъ грамотности. Замѣтивъ, что хочетъ обратить просвѣщенное вниманіе читателей «на *образованіе* московской Руси», авторъ начинаетъ изложеніе вопросомъ,

[1]) „Кіевская Старина“ 1892, стр. 7—8.
[2]) Archiv für slavische Philologie, т. XV.
[3]) „Вѣстникъ Европы“ 1893. іюнь.
[4]) См. его рецензію въ „Живой Старинѣ“ 1893, кн. II.
[5]) „Кіевская Старина“ 1895, февраль, 196—197.

«на сколько была распространена *грамотность* въ московскомъ государствѣ». Выходитъ, какъ будто, что образованіе и грамотность—одно и то же, что стоитъ только выучиться читать и писать, чтобы прослыть образованнымъ. Не будемъ спорить, что во многихъ случаяхъ у насъ именно такъ и понимаютъ образованіе, но едва ли такое пониманіе приличествуетъ автору названной брошюры, имѣющему честь быть профессоромъ петербургскаго университета. Не было ли бы менѣе притязательнымъ озаглавить брошюру: «Къ вопросу о грамотности въ московскомъ государствѣ»? Тогда читатель заранѣе зналъ бы, съ чѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Въ смыслѣ замѣтки о грамотности въ московскомъ государствѣ брошюра г. Соболевскаго также представляетъ мало интереснаго и ничего новаго. Основная цѣль автора... достигается нѣсколько страннымъ средствомъ: одною *смѣлостью* сужденія!.. Брошюра г. Соболевскаго наводитъ читателя на очень печальныя размышленія... Для изученія очень мало одной *смѣлости*, а надо много разносторонней эрудиціи... Если г. Соболевскій намѣренъ и впредь касаться культурно-историческихъ вопросовъ главнымъ образомъ при помощи *смѣлости*, то можемъ искренне посовѣтовать ему оставить это неблагодарное занятіе».

По поводу переизданія г. Соболевскимъ той же его статьи («Образованность Московской Руси») другой критикъ писалъ [1]): «Мы совершенно не понимаемъ, зачѣмъ понадобилось второе изданіе этой жиденькой и на живую нитку сметанной брошюрки. Руководствуясь, повидимому, словами проф. Владимірскаго-Буданова о значеніи рукоприкладствъ для исторіи древне-русскаго образованія, г. Соболевскій пересмотрѣлъ рядъ документовъ и житій, извлекъ изъ нихъ нѣсколько данныхъ и пробуетъ выступить съ ними противъ обычнаго взгляда, опирающагося на разнообразныя свидѣтельства. Производитъ это нашъ авторъ очень нехитрымъ образомъ: вмѣсто *образованности* онъ моментально подставляетъ *грамотность* и затѣмъ *умѣнье прикладывать руку*. Нахватавъ рядъ случаевъ такого умѣнья даже изъ такихъ сомнительной «достовѣрности» памятниковъ, какъ „украшенныя житія", онъ съ самодовольствомъ старается подорвать значеніе такихъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ о всеобщемъ невѣжествѣ, какъ жалобы Геннадія, слово Посошкова, свидѣтельства Стоглава, Котошихина, Курбскаго и проч. Забыта шаблонность житій, игнорируются свидѣтельства документовъ вродѣ поручной записи Ив. Петр. Яковлева: «Кто изъ князей и дѣтей боярскихъ въ этой записи написанъ, а у записи рукъ ихъ нѣтъ, тѣ князья и дѣти боярскіе, ставъ передъ дьякомъ Ив. Дубенскимъ, сказали, что они за Ив. Петр. поручились, а у записи ихъ рукъ нѣтъ, потому-что они грамотѣ не умѣютъ» (Собраніе госуд. грам. и догов., I, № 184). Вѣроятно, не столько желаніе во что бы то ни стало сказать новое слово, сколько случайность является причиною того, что именно такого рода свидѣтельство и отсутствуетъ блистательно въ брошюркѣ г. Соболевскаго».

[1]) „Русская Мысль", 1894, октябрь, стр. 501.

Въ 1899-мъ году на XI Археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ г. Соболевскій прочиталъ докладъ о «древне-славянскихъ стихотвореніяхъ». Референтъ этого съѣзда [1]) характеризовалъ докладъ его такъ: «Онъ утверждаетъ, что проза нѣкоторыхъ древнеславянскихъ литературныхъ памятниковъ—стихи, и самъ наивно признается, что, несмотря на всѣ насилія надъ текстомъ, подстановки и перестановки, ему удалось возстановить вполнѣ меньше $^1/_{10}$ всѣхъ стиховъ... И это читаютъ главнымъ образомъ оффиціальные жрецы науки..., которые должны были бы учить другихъ здравымъ научнымъ пріемамъ!»

Въ 1900 году г. Соболевскій на диссертацію В. Н. Щепкина о языкѣ Саввинной книги помѣстилъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» [2]) рецензію; по словамъ г. Щепкина, напечатавшаго въ томъ же журналѣ возраженіе [3]), эта рецензія г. Соболевскаго, «вполнѣ высказывающая ея автора», написана «необычайно откровеннымъ тономъ» [4]), который застав-

[1]) „Русская Мысль", 1899, кн. XII, стр. 101.
[2]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1900, мартъ.
[3]) 1900. апрѣль, стр. 392—396.
[4]) Стр. 395.

ляетъ г. Щепкина напомнить, что «и въ научной критикѣ всякая смѣлость имѣетъ свои границы, которыя пишущему указываетъ среда» [1]).—«Мои выводы о языкѣ Саввиной книги»,—говоритъ г. Щепкинъ, «подтверждены доводами, которые всѣ почерпнуты изъ спеціальнаго палеографическаго изслѣдованія рукописи и не могутъ быть уничтожены голословнымъ приговоромъ критика, не повторившаго ту же работу шагъ за шагомъ, съ лупой въ рукѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что́ сказали бы мы объ ученомъ, который, довольствуясь достигнутымъ знаніемъ, съ досаднымъ чувствомъ старается отстранить отъ себя новые факты, которые не перестаетъ приносить безпокойная наука? И что сказалъ бы самъ проф. Соболевскій о человѣкѣ, который отрицаетъ всѣ данныя новѣйшей бактеріологіи исключительно на основаніи своего незнакомства съ благодѣтельными услугами микроскопа»?... [2]) Далѣе г. Щепкинъ указываетъ, что первая мысль о связи Саввиной книги съ глаголической письменностью, принадлежитъ покойному Срезневскому (лицу, заслуги котораго въ области славяновѣдѣнія и исторіи русскаго языка г. Соболевскій всюду ревностно старается затушевывать); г. Щепкинъ отмѣчаетъ это «съ особымъ удовольствіемъ» [3]).—«Смѣемъ думать», продолжаетъ онъ, «что наблюденія, собранныя нами по этому вопросу, настолько доказательны, насколько вообще доказателенъ методъ палеографіи. Но, быть можетъ, проф. Соболевскій находитъ болѣе безопаснымъ обходиться безъ шаткихъ указаній этой вспомогательной науки?... Своеобразный критическій методъ, избранный г. Соболевскимъ, не пролагаетъ новыхъ путей; онъ служитъ лишь подтвержденіемъ истины, совершенно не новой,—что успѣшную оцѣнку спеціальной работы можетъ дать только спеціалистъ» [4]).

Даже изумительно мягкій въ своихъ выраженіяхъ проф. Ляпуновъ долженъ былъ нарушить свою обычную мягкость и дать не совсѣмъ лестную характеристику научнымъ пріемамъ г. Соболевскаго, когда тотъ отпустилъ рядъ скороспѣлыхъ замѣчаній по поводу тщательнаго и кропотливаго изслѣдованія г. Ляпунова и свысока добавилъ, что проф. Ляпуновъ не прочиталъ «двухъ-трехъ» рукописей изъ «сотенъ», прочитанныхъ имъ, г. Соболевскимъ.—«Извѣстная доля фантазіи неизбѣжна при изученіи древняго языка даже на основаніе *сотенъ* рукописей», возражаетъ проф. Ляпуновъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1900 (ноябрь, стр. 247—263). «Не предполагаю, чтобы проф. Соболевскій, имѣвшій у себя въ рукахъ массу памятниковъ, успѣвалъ каждому изъ нихъ удѣлять столько же вниманія, сколько я одному» [1]). «Я расхожусь съ нимъ во взглядѣ на *методъ* изслѣдованія языка этихъ (сотенъ) рукописей: какъ и онъ, я считаю хорошими тѣ методы изслѣдованія, которые даютъ хорошіе результаты, но именно въ оцѣнкѣ результатовъ и расходятся наши взгляды» [2])... «Кропотливое статистическое изученіе *одного* текста проф. Соболевскій считаетъ настолько не важнымъ, что (мои) осторожно высказанныя соображенія на основаніи такого изученія называетъ не болѣе, какъ фантазированіемъ на научныя темы»..., продолжаетъ проф. Ляпуновъ и скромно, но съ достоинствомъ указываетъ, что тѣмъ не менѣе ему удалось достигнуть извѣстныхъ результатовъ. «Этими результатами, которыхъ мнѣ удалось достигнуть, несмотря на скудость матеріала, и которые составляютъ лишь небольшую лепту въ рѣшеніи сложнаго вопроса объ ирраціональныхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ XIII—XIV вѣка, я обязанъ ничему другому, какъ *точности метода*, воспринятаго мною отъ моихъ глубокоуважаемыхъ учителей; они же внушили мнѣ и *осторожность*, которую я считаю необходимою принадлежностью всякаго научнаго изслѣдованія, вслѣдствіе чего я высказываю свои выводы *не въ формѣ категорическихъ заключеній*, всегда сильнѣе дѣйствующихъ на большинство читателей, а въ качествѣ скромныхъ предположеній, нисколько

---

[1]) Стр. 393.
[2]) Стр. 392.
[3]) Тамъ же, стр. 392.
[4]) Стр. 396.

[1]) Журн. Мин Нар. Просв., 1900, нб., стр. 248.
[2]) Стр. 247.

не выдавая своихъ «фантазій» за несомнѣнныя истины... Характеръ моей работы преслѣдуетъ нестолько количество, сколько *качество* добываемыхъ данныхъ, т. е. возможно бо́льшую ихъ точность»... [1])

Въ тотъ моментъ, когда я пишу эти строки, новѣйшимъ печатнымъ отзывомъ о трудахъ г. Соболевскаго является бѣглая рецензія на его книгу: «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII в. (СПБ. 1903)» [2]). «Это—груда сырыхъ библіографическихъ данныхъ», говорится тамъ по поводу названной книги г. Соболевскаго,—«почти совершенно безъ выводовъ, но съ рѣшительными утвержденіями—безъ особыхъ доказательствъ—во многихъ спорныхъ и запутанныхъ вопросахъ... Будущій изслѣдователь ими, конечно, воспользуется; обыкновенному же читателю не добраться до нихъ въ книгѣ слишкомъ громоздкой и разсчитанной исключительно на спеціалистовъ».

Остановлюсь еще на одной рѣзкой славистической критикѣ, направленной уже не противъ г. Соболевскаго.

Академикъ Бодуэнъ де Куртенэ, рецензируя нѣкогда одну толстую докторскую диссертацію,—объемистое сочиненіе, профессоръ-авторъ котораго, несомнѣнно, отличается филологической эрудиціей, но не имѣетъ научнаго метода и логичности, а кромѣ того старается проводить въ науку всякія политическія тенденціи,—отнесся къ этой диссертаціи очень безпощадно; показывая ея несообразности, выражаемыя авторомъ, однако, съ большою притязательностью, г. Бодуэнъ де Куртенэ иногда высказывалъ при этомъ свое негодованіе, иногда же присоединялъ сюда и насмѣшку. Закончилъ онъ свой разборъ, между прочимъ, слѣдующими выводами:

а) «Бойкость и самоувѣренность не могутъ замѣнить строго научной сообразительности.

---

[1]) Стр. 249.

[2]) См. Русск. Мысль, 1903, іюль, II, стр. 239.

б) «Такой методъ, какъ у автора названной докторской диссертаціи, возвращаетъ языковѣдѣніе къ тѣмъ блаженнымъ временамъ, когда можно было, «mutatâ literâ *x* in *y*», выводить все изъ всего, смотря по вкусу и обстоятельствамъ. А такой методъ дѣлаетъ невозможною какую бы то ни было науку.

в) «Можно бы подумать, что авторъ хотѣлъ подшутить надъ здравымъ смысломъ, если бъ въ его сочиненіи не было громадной доли ученой наивности»...

Послѣ этихъ замѣчаній, проф. Бодуэнъ де Куртенэ прибавилъ еще объясненіе, въ силу какихъ причинъ онъ не считалъ нужнымъ соблюдать черезчуръ большой парламентаризмъ въ выраженіяхъ. Вотъ выдержка изъ этого объясненія:

— «Не подлежитъ сомнѣнію, что мой разборъ этой книги многимъ покажется слишкомъ рѣзкимъ, пожалуй, даже «неприличнымъ». И въ самомъ дѣлѣ, хотя я сдерживался въ выраженіяхъ и избѣгалъ пустой брани, все-таки старался высказывать свои мнѣнія о недостаткахъ разбираемаго сочиненія безъ всякихъ обиняковъ. Относясь такъ къ одному произведенію, я имѣлъ въ виду общій недугъ, которымъ страдаетъ ученый отдѣлъ русской литературы.

«Въ русской научной литературѣ, и прежде всего въ области наукъ историческихъ, филологическихъ и лингвистическихъ, завелась особая порода бравыхъ молодцовъ, обладающихъ только храбростью и готовностью говорить и писать о томъ, чего не знаешь и не понимаешь. Шарлатанство и недобросовѣстность, при полномъ незнаніи элементовъ науки,—вотъ качества, характеризующія эту породу. Многіе изъ этихъ господъ, рѣшающихъ въ послѣдней инстанціи важнѣйшіе научные вопросы и для интелигентной толпы олицетворяющихъ собою «послѣднее слово науки», походятъ на математиковъ, которые, не зная первыхъ четырехъ дѣйствій, принялись бы за самостоятельную обработку и передѣлку высшей математики.

«Трудно не согласиться, что ученые этого пошиба наносятъ положительный вредъ тому, что называется наукою, а между тѣмъ они получаютъ ученыя степени магистровъ и докторовъ и,

затѣмъ, преподавательскія мѣста въ русскихъ университетахъ. Самымъ печальнымъ является при этомъ фактъ, что многіе изъ нихъ поддерживаются не только себѣ подобными, но даже людьми знающими и научно-честными.

«Въ виду этого я считаю долгомъ всякаго человѣка, дорожащаго успѣхами науки въ какой-бы то ни было странѣ и въ какомъ бы то ни было государствѣ, и имѣющаго случай высказаться, относиться безпощадно къ подобнымъ проявленіямъ научнаго «ташкентства». Конечно, въ данную минуту это не можетъ имѣть практическаго значенія и зла не устранитъ. Но, по крайней мѣрѣ, не скажутъ, что тотъ или другой, имѣя возможность протестовать, не протестовалъ и не отличилъ клеймомъ шарлатанства то, что подобнаго клейма вполнѣ заслуживаетъ»... [1])

Прошу многоуважаемаго проф. Булича сопоставить тонъ этой критики съ тѣмъ тономъ, который попадается у меня. А надѣюсь, что никто не рѣшится утверждать, будто у акад. Бодуэна де Куртенэ мало или когда-либо было мало объективности.

Батумъ, 13 сентября 1903 г.
Москва, 20 сентября 1903 года.

---

[1]) См. стр. 41—42, 45—47 отдѣльной брошюры, озаглавленной: Критика и библіографія. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ и т. д. Рецензія И. Бодуэна де-Куртенэ (J. Baudouin de Courtenay). Казань (Универ. Тип.), 1879.

ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА.

Даетъ-ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волынскомъ происхожденіи малоруссовъ?

Г. Александръ Колесса, профессоръ малорусскаго языка и словесности въ Львовскомъ университетѣ, прислалъ мнѣ, съ просьбой дать рецензію, оттиски своей статьи: „Dialectologische Merkmale des südrussischen Denkmales: Žitije sv. Savy“ *). Я, вмѣсто того чтобы рецензировать статью г. Колессы, принужденъ былъ заняться рецензіей сочиненій г. Соболевскаго и указаніемъ филологическихъ пріемовъ послѣдняго; читатель ниже увидитъ, почему мнѣ пришлось такъ поступить. Опровергнуть мнѣнія г. Соболевскаго можно было бы двумя путями. Одинъ— болѣе короткій: пересмотрѣть тѣ рукописные подлинники, о которыхъ онъ говоритъ. Какъ будетъ показано ниже, есть много основаній думать, что г. Соболевскій указалъ не всѣ факты, и такимъ образомъ пересмотръ затронутыхъ имъ рукописей сразу далъ бы матеріалы для опроверженія теорій его. Для меня однако, въ Сиріи, вдали отъ московскихъ и петербургскихъ рукописныхъ книгохранилищъ, этотъ путь невозможенъ, и я избралъ другой: провѣрить показанія г. Соболевскаго о рукописяхъ печатными показаніями другихъ филологовъ, равно какъ

---

*) Изъ „Archiv für slavische Philologie“, т. XVIII.

подвергнуть внимательному осмотру тотъ матеріалъ, который обнародованъ самимъ г. Соболевскимъ. Быть можетъ этотъ второй путь будетъ нѣсколько длиннѣе, но и онъ хорошо приведетъ къ истинѣ.

Бейрутъ. 1898. Апрѣля 14.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Что такое галицко-волынская гипотеза и какъ смотрятъ на нее ученые.

Малорусское нарѣчіе, довольно консервативное въ области морфологіи, является далеко не такимъ въ области фонетики (вспомнимъ, напр., утрату звука *ы*, переходъ *ô* въ *і* и т. п. и т. п.); великорусское же нарѣчіе—наоборотъ—въ фактахъ фонетическихъ отступило отъ древне-русскаго типа гораздо менѣе, чѣмъ въ морфологическихъ. Долгая раздѣльная историческая жизнь обѣихъ народностей и разныя условія этой жизни сдѣлали то, что и лексическій матеріалъ обоихъ нарѣчій сталъ значительно различаться. Такимъ образомъ къ настоящему времени оба нарѣчія успѣли обособиться настолько, что великоруссъ и малоруссъ уже съ трудомъ понимаютъ другъ друга.

Ощутительная разница обоихъ нарѣчій повела къ тому, что обыкновенно они признаются не за два нарѣчія, а за два отдѣльныхъ языка. Поляки, напр., считаютъ малорусскую рѣчь за вѣтвь польской; нѣкогда это мнѣніе было распространено и среди русскихъ, благодаря Гречу. Сами малоруссы въ повседневномъ разговорѣ и въ сочиненіяхъ нефилологическихъ (а многіе—даже въ филологическихъ) называютъ свое нарѣчіе языкомъ, находя его языкомъ самостоятельнымъ, независимымъ ни отъ великорусскаго (т. е. русскаго), ни отъ польскаго. Самостоятельнымъ языкомъ называютъ малорусское нарѣчіе и такіе знаменитые западные славяновѣды, какъ Миклошичъ. И среди великоруссовъ часто слышатся такіе же голоса. Извѣстный знатокъ великорусскихъ нарѣчій Вл. Даль не согласился внести

словъ малорусскихъ въ свой „Словарь“, такъ-какъ находилъ, что рѣчь малоруссовъ—это совсѣмъ особый языкъ *). А казалось бы, что Даль, изучившій такъ хорошо всевозможныя нарѣчія великорусскія и бѣлорусскія, менѣе чѣмъ кто-либо долженъ былъ бы находить рѣчь малоруссовъ такою чужою для себя! Извѣстный славяновѣдъ П. Лавровскій даже раздражался, если говорили, что рѣчь малоруссовъ близко родственна великорусской, а не образуетъ самостоятельнаго нарѣчія **). Историкъ Погодинъ, при всемъ своемъ стремленіи объединитъ малорусскую народность съ великорусскою ***), открыто сознавался, что малорусское и великорусское нарѣчіе разнятся *между собою* болѣе, чѣмъ *между другими* славянскими нарѣчіями, и даже отказывался вѣрить, что бы они принадлежали „къ одному роду“ ****). Это воззрѣніе привело его наконецъ къ особой исторической гипотезѣ.

Съ идеей о полной самостоятельности какого-нибудь языка у многихъ какъ-то невольно рождается другое представленіе (далеко не всегда вѣрное)—что признаки самостоятельности даннаго языка должны датироваться *издавна*. Даже среди очень почтенныхъ филологовъ можно найти порядочное число лицъ, признающихъ за малорусскимъ языкомъ не меньшую давность, чѣмъ за любымъ славянскимъ языкомъ. Неудивительно послѣ этого, если нефилологъ Погодинъ рѣшилъ, что два такъ рѣзко различающіеся языка, какъ малоруссовъ и великоруссовъ, должны были возникнуть до начала исторической жизни Руси; этнографическія особенности племени малорусскаго и великорусскаго еще болѣе утверждали Погодина въ его мысли, что

---

*) Толковый словарь живого великорусскаго языка. М. 1863, ч. I стр. XXVII–XXVIII.

**) См. его статью въ „Основѣ“ 1861 г., авг.: „Отвѣтъ на письма г. Максимовича къ г. Погодину“. Здѣсь авторъ резюмировалъ свою статью, помѣщенную въ Журналѣ Минист. Нар. Просв.“ 1859 г.

***) Вспомните его дѣятельность въ Галичинѣ и его роль въ исторіи развитія той партіи, которую поляки прозвали „москалефильской“.

****) Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи М. Погодина, т. II. Происхожденіе Варяговъ-Руси. О славянахъ. М. 1846, стр. 390.

это издавна было два самобытныхъ племени.—„Такъ! но какое же изъ двухъ племенъ жило въ древнемъ Кіевѣ, въ этой матери городовъ русскихъ“?—представляется вопросъ. Погодинъ рѣшеніе этого вопроса думалъ найти въ изслѣдованіи языка Начальной лѣтописи. Филологомъ онъ не былъ *), понятія о филологическихъ пріемахъ и объ исторіи языка не имѣлъ,—немудрено, что въ полуцерковномъ языкѣ лѣтописи онъ находилъ большее сходство съ великорусской рѣчью (собственно фонетикой), чѣмъ съ малорусской; а того соображенія, чтобы въ начальный періодъ русской исторіи могъ быть *одинъ* общерусскій языкъ, не малорусскій и не великорусскій, онъ не допускалъ и считалъ за „новость неслыханную“. Такимъ образомъ у Погодина составилось мнѣніе: „До татарскаго нашествія въ Кіевѣ малороссовъ не было; они жили гдѣ то вдали, за Карпатами, а въ южную Русь пришли они ужъ въ XIII в., послѣ разоренія кіевской земли татарами и бѣгства ея кореннаго населенія на сѣверъ. До того времени въ Кіевѣ жили великороссы, и не только въ Кіевѣ, но и южнѣе: близъ береговъ Чернаго моря и въ окрестностяхъ Солуня; великорусское нарѣчіе было тожественно съ церковно-славянскимъ языкомъ“ **). Такъ возникла въ Россіи пресловутая „галицкая“ теорія происхожденія малоруссовъ. Въ 1883 г. ее подновилъ г. Соболевскій на филологическихъ основаніяхъ, причемъ къ числу старо-малорусскихъ областей присоединилъ еще Волынь, а срокъ пребыванія великороссовъ въ Кіевѣ продлилъ до конца XV вѣка.

Какъ отнеслась наука къ галицко-волынской теоріи?

Погодинъ, не чувствуя въ себѣ филологической силы, попытался поддержать свою гипотезу кой-какими историческими соображеніями. Въ происшедшей полемикѣ Максимовичъ, а затѣмъ (1862) Котляревскій нанесли гипотезѣ Погодина сильнѣйшіе удары [1]). Черезъ десять лѣтъ Бестужевъ-Рюминъ, sine ira et studio, подвелъ полемикѣ итоги въ слѣдующемъ отзывѣ о Погодинскомъ мнѣніи: „Подобныхъ предположеній наука, *конечно*, не можетъ признать“ [2]). Въ 1882 г. авторитетнѣйшій историкъ южной Руси В. Б. Антоновичъ въ своей монографіи о Кіевѣ [3]) вновь опровергъ мнѣніе Погодина (которое впрочемъ никого ужъ тогда не соблазняло); а насколько убѣдительны его доказательства, видно изъ слѣдующаго факта: проф. Халанскій въ своемъ сочиненіи о былинахъ сознается, что для объясненія отсутствія былинъ у малоруссовъ самымъ удобнымъ средствомъ была бы Погодинская теорія, но онъ не смѣетъ къ ней прибѣгнуть, потому-что послѣ изслѣдованій Антоновича считаетъ ее окончательно рѣшенной въ отрицательномъ смыслѣ [4]). Когда она была возобновлена г. Соболевскимъ [5]), В. Б. Антоновичу пришлось еще разъ взяться за ея разсмотрѣніе съ исторической точки зрѣнія и показать ошибочность мнѣнія г. Соболевскаго; одновременно высказались противъ того-же мнѣнія проф. Дашкевичъ и др. [6]). Проф. Владимирскій-Будановъ [7]), признавая, что татары произвели опустошеніе дѣйствительно очень сильное, все

*) Онъ самъ часто повторялъ: „Я не филологъ, а историкъ“, „филологія не мое дѣло“. срв. „Русск. Бес.“ 1857, кн. IV, стр. 22 и сл. Въ какомъ отношеніи стоятъ его филологическія соображенія къ сочиненіямъ Срезневскаго и Лавровскаго, я считаю излишнимъ здѣсь распространяться

**) См. „Извѣстія русск. отд. Акад. наукъ“ 1856: „Записка о древнемъ языкѣ русскомъ“. Тоже въ VII т. „Лекцій“. См. еще „Москвитянинъ“ 1856, № 2.

[1]) Подробности полемики можно найти въ „Очеркѣ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ П. И. Житецкаго, въ „Спорѣ южанъ и сѣверянъ“ Пыпина, въ „Очеркѣ исторіи Кіевской земли“ Грушевскаго и наконецъ въ статьѣ г. Колессы (ст. 437 и сл.), изъ-за которой мнѣ приходится писать объ этомъ вопросѣ,

[2]) Русская Исторія. Спб. 1872, т. I, стр. 294.

[3]) Кіевск. Стар. 1882, янв. И отдѣльно въ „Монографіяхъ“.

[4]) Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1884, № 3, стр. 139 и сл.

[5]) „Какъ говорили въ Кіевѣ въ XIV—XV в.“? Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца, Кіевъ 1883, II, стр. 215 и слѣд. А подробно мотивирована теорія въ „Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка“—Университетскія Извѣстія 1883—1884 г. (есть отдѣльный оттискъ 1884 г.).

[6]) *См.* названный томъ „Чтеній въ общ. Нестора Лѣтописца“, стр. 223 и слѣд. Съ филологической точки зрѣнія возражалъ тогда г. Соболевскому П. И. Житецкій.

[7]) „Населеніе ю.-з. Россіи отъ половины XIII до полов. XV в.“ Архивъ Юго-Зап. Россіи, т. VII, I, (Малорусскій переводъ, или компиляція этого изслѣдованія помѣщены въ „Правдѣ“ 1889). „Населеніе Ю.-З. Россіи отъ половины XV в. до Люблинской уніи“—Архивъ т. VII, II.

же находитъ, что опустошеніе не было полное; а изслѣдуя этнографическій составъ окраинъ литовскаго государства въ половинѣ 16-го в., онъ приходитъ къ такому заключенію: „Пришлые элементы претворялись постепенно въ особую этнографическую группу, замѣтно отличающуюся, напр., отъ коренного населенія Волыни. Это даетъ основаніе предположить, что далеко не все населеніе Украйны сложилось изъ пришлыхъ людей, что въ основѣ его сохранялась древняя закваска туземнаго, кіевскаго и сѣверскаго, племенного начала. Кіевское населеніе не все поголовно было сносимо бурями татарскихъ опустошеній“ [1]). Опровергъ теорію Погодина и Соболевскаго также М. Грушевскій (нынѣшній профессоръ малорусской исторіи въ Львовскомъ университетѣ) въ своемъ трудѣ объ исторіи Кіевской земли [2]). Въ VIII томѣ „Запысокъ наукового товарыства имени Шевченка [3]) проф. Грушевскій, коснувшись статьи А. Шахматова: „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій“ [4]), показалъ еще разъ, къ какимъ историческимъ несообразностямъ приводитъ галицко-волынская теорія. Изслѣдователь русскихъ древностей Ѳ. Леонтовичъ [5]), коснувшись вопроса о мнимомъ запустѣніи южной Руси, присоединяется къ тому мнѣнію, что никакого запустѣнія не было и что оно является ничѣмъ инымъ, какъ историческимъ миражемъ“ (выраженіе В. Б. Антоновича) [6]). „Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза и Эфрона [7]) прямо констатируетъ, что послѣднее слово исторіи стало на сторону мнѣнія Максимовича, а не Погодина. Вообще въ настоящее время нельзя указать ни одного сколько-нибудь серіознаго русскаго историка, который

[1]) См. второе изъ вышеназванныхъ изслѣдованій, стр. 188.

[2]) Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. К. 1891. стр. 427—443.

[3]) Рикъ 1895, книжка четверта, въ отдѣлѣ „Библіографія“ стр. 9—14.

[4]) Русскій Филологич. Вѣстникъ, 1894, кн. VI, 1—12.

[5]) Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе территоріи литовско-русскаго государства. Ѳ. И. Леонтовича, заслуженнаго профессора Императорскаго Варшавскаго Университета. Спб. 1894.

[6]) Стр. 169, примѣч. 3.

[7]) 1896 года, полутомъ 35, стр. 442.

признавалъ бы малоруссовъ выходцами съ запада и утверждалъ бы, что старые кіевляне не предки нынѣшнихъ. Вскорѣ противъ галицко-волынской теоріи должна заговорить и развивающаяся антропологія, которая и теперь ужъ начинаетъ показывать, что антропологическій типъ западныхъ и восточныхъ малоруссовъ не одинъ и тотъ же.

Итакъ, г. Соболевскій взялся за возобновленіе такой гипотезы, которую историческія свидѣтельства не только не могутъ подтвердить, но—напротивъ—рѣшительно опровергаютъ, и которая историками осуждена. Правда, г. Соболевскій съ своей стороны тоже обратился было къ изслѣдованію лѣтописей и написалъ небольшую историческую статью противъ В. Б. Антоновича, да кромѣ того въ своихъ „Лекціяхъ“ сдѣлалъ нѣсколько желательныхъ для себя толкованій изъ историческихъ и этнографическихъ данныхъ; но его критика на В. Б. Антоновича ужъ разобрана, какъ слѣдуетъ, у М. Грушевскаго, а до чего странны его прочія историческія соображенія, это читатель увидитъ ниже, въ 3 главѣ. Собственно говоря, показанія исторіи и не могутъ быть важны для г. Соболевскаго, такъ какъ противъ нихъ у него есть превосходный афоризмъ: „Если мы имѣемъ дѣло съ движеніемъ народныхъ массъ, то недостатокъ историческихъ данныхъ—явленіе обычное“ [1]). Единственнымъ оружіемъ г. Соболевскаго являются только филологическія его соображенія. Способъ доказательствъ у г. Соболевскаго такой: Онъ подбираетъ извѣстное количество рукописей XII—XV вв. съ особымъ употребленіемъ буквы *ѣ* вм. *е*, называетъ эти рукописи галицко-волынскими и утверждаетъ, что названное употребленіе *ѣ* вм. *е* есть малорусская черта. Въ старо-кіевскихъ памятникахъ (а ихъ, отъ т. н. кіевскаго періода мы имѣемъ только два: Изборники Святослава 1073 и 1076 г.) такого *ѣ* нѣтъ. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что рѣчь древнихъ кіевлянъ

[1]) Лекціи по исторіи русскаго языка, 2-е изд., стр. 257. Къ сожалѣнію г. Соболевскій забываетъ, что исторія не молчитъ, а даетъ положительныя указанія о неисчезновеніи кіевлянъ послѣ татарскихъ погромовъ.

была или великорусская, или составляла особое нарѣчіе во всякомъ случаѣ не малорусское.

Диссертацію свою, въ которой изложена эта теорія, г. Соболевскій защищалъ у незабвеннаго А. А. Потебни. Изъ свидѣтельствъ очевидца—проф. Н. Ѳ. Сумцова [1]) выясняется, что защита эта вышла крайне „своеобразной" (по деликатному выраженію г. Сумцова). Намъ приходится глубоко жалѣть, что разборъ Потебни остался ненапечатаннымъ [2]). Изъ печатныхъ возраженій самыя важныя тѣ, которыя сдѣлалъ филологъ-славистъ академикъ Ягичъ. Сводятся они къ слѣдующему. 1) Галицко-волынское *ѣ* отмѣчается впервые въ памятникѣ 1164 г. Въ предыдущихъ галицкихъ памятникахъ, напр., въ Евангеліи 1144 года, такого *ѣ* нѣтъ,—значитъ, въ это время оно еще не развилось. Съ какой же стати г. Соболевскій требуетъ, чтобы въ такихъ раннихъ памятникахъ, какъ кіевскіе изборники Святослава 1073 и 1076 года, ужъ было это *ѣ*!? [3]). 2) Въ той группѣ памятниковъ XII—XV вв., которые г. Соболевскій назвалъ галицко-волынскими и въ которыхъ есть пресловутое *ѣ*, находится нѣсколько такихъ памятниковъ, какіе не могутъ быть отнесены къ Галичинѣ и Волыни; слѣдовательно, была еще третья область, въ которой говорили по-малорусски. Такой областью можетъ быть только Кіевская. Притомъ существуетъ памятникъ „Рязанская кормчая" 1284 г., списанная съ кіевскаго оригинала и однако заключающая въ себѣ такое же *ѣ*, какое встрѣчается въ „галицко-волынскихъ" памятникахъ. Итакъ, въ Кіевѣ XII—XV вѣка говорили по малорусски, но съ извѣстными отличіями отъ малорусскаго нарѣчія Волыни и Галичины, каковая разность нарѣчій сохранилась и до настоящаго времени [4]).

[1]) Кіевская Старина, 1892, янв. стр. 8.

[2]) Какъ видно изъ 53-го тома (№ 8, стр. 32) Сборника отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, упомянутый разборъ сохранился въ бумагахъ покойнаго. Желательно было бы, чтобы онъ былъ поскорѣе изданъ.

[3]) Послѣ того г. Соболевскій рѣшилъ навязать Кіеву нѣсколько памятниковъ изъ XII—XIII в., безъ „галицко-волынскаго" *ѣ*. Объ этихъ странныхъ, мнимо-кіевскихъ памятникахъ намъ придется еще говорить подробно.

[4]) См. Ягича: „Четыре палеографическія статьи" въ Сборникѣ отд. русск. яз. и словесн. Акад. Н., 1884 г. т. 33-й № 2, и „Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка" въ сборникѣ Ак. Н., 1889, т. 46, № 4.

Доказательства Ягича считаются вообще убѣдительными. Конечно, ихъ не призналъ г. Соболевскій, въ силу очень понятной психологической причины [1]); не признаютъ ихъ также кой-какіе другіе филологи, которые примѣшиваютъ къ наукѣ политику и которые въ храмѣ науки являются не жрецами, а торжниками, продажу и куплю дающими; кромѣ того, сторонникомъ теоріи г. Соболевскаго является и г. А. Шахматовъ [2]). Но, напр., рецензентъ трудовъ А. Шахматова г. Борисъ Ляпуновъ [3]) сожалѣетъ, что г. Шахматовъ считаетъ мнѣніе г. Соболевскаго доказаннымъ и не обращаетъ вниманія на возраженія Ягича. Въ большинствѣ русскихъ университетовъ, гдѣ въ видѣ пособія для студентовъ приняты „Лекціи" г. Соболевскаго, преподаватели велятъ студентамъ пропускать размышленія автора о древне-русскихъ говорахъ, какъ неимѣющія научнаго значенія. Въ западномъ ученомъ мірѣ, понятно, господствуетъ мнѣніе Ягича, а не Соболевскаго.

Мы подошли къ статьѣ г. Колессы. Въ 1890 г. И. Помяловскій издалъ „Житіе св. Саввы Освященнаго" по рукописи конца XIII в.,—памятникъ, который г. Соболевскимъ внесенъ въ реестръ галицко-волынскихъ, а Ягичемъ отнесенъ къ числу кіевскихъ. На этомъ „Житіи" сперва г. Мочульскій (проф. Новороссійскаго университета) захотѣлъ наглядно повторить возра-

[1]) Если онъ и сдѣлалъ уступку въ своемъ мнѣніи, то самую небольшую: въ 1883 г. онъ считалъ древне-кіевскій говоръ прямо за великорусскій (Очерки, стр. 68), а въ 1888 г. (Лекціи стр. 36) онъ выразился сдержаннѣе,—именно, что о немъ мы имѣемъ „крайне скудныя свѣдѣнія". Во всякомъ случаѣ нынѣшнее малорусское нарѣчіе Кіевщины г. Соболевскій продолжаетъ считать за пришлое, не происходящее отъ старокіевскаго: то исчезло-де безслѣдно.

[2]) Добавимъ: „незнающій малорусской рѣчи и потому не могущій понять въ чемъ ошибки теоріи г. Соболевскаго". Впрочемъ (и это мы укажемъ въ надлежащемъ мѣстѣ), г. Шахматовъ внелъ въ ученіе г. Соболевскаго о „галицко-волынскомъ" *ѣ* очень существенныя измѣненія, которыя, при ближайшемъ разсмотрѣніи совсѣмъ подрываютъ значеніе того *ѣ*. Что г. Соболевскій далеко не склоненъ считать г. Шахматова своимъ истолкователемъ, это видно изъ его рѣзкой рецензіи на „Изслѣдованія въ области русской фонетики" Шахматова (см. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1894, апрѣль).

[3]) Стр. 16 отдѣльнаго оттиска изъ „Живой Старины", вып. I, 1895.

женія Ягича противъ теоріи г. Соболевскаго, но сдѣлалъ это неудовлетворительно [1]), а затѣмъ ту же задачу обстоятельно исполнилъ г. Колесса въ той статьѣ, о которой мы упомянули въ первыхъ своихъ строчкахъ (Arch. für sl. Phil., B. XVIII).

Какое значеніе имѣетъ трудъ г. Колессы? Прежде всего спросимъ: достигаетъ ли онъ своей цѣли?—Если (какъ мы видѣли) возраженія Ягича считаются убѣдительными и опровергающими гипотезу г. Соболевскаго, то и за статьей г. Колессы надо признать такое-же свойство: ложная галицко-волынская гипотеза г. Соболевскаго, утверждающая, будто древніе кіевляне не были малоруссы, статьей г. Колессы подрывается [2]). Слѣдовательно, цѣли своей онъ достигъ.

Но значитъ ли это, что онъ дѣйствительно стоитъ у истины?—Нѣтъ, не значитъ. Къ возраженіямъ г. Колессы прекрасно примѣняется замѣчаніе одного восточнаго любителя логики: „Если кто-нибудь тебѣ скажетъ: „Нѣтъ безсмертія души! ибо два и три составляютъ семь“, и если ты отвѣтишь: „Ошибаешься: вѣдь два и три—пять, а не семь,—значитъ, душа безсмертна“, то думаешь ли ты, что ты дѣйствительно доказалъ безсмертіе души“?!

Доказательства гг. Ягича и Колессы могутъ имѣть приблизительно только такое значеніе, какое имѣетъ reductio ad absurdum: они разбиваютъ г. Соболевскаго его собственными принципами, его собственной теоріей о малорусскости „галицко-волынскаго“ *ѣ*. Но ни г. Ягичъ, ни г. Колесса не дали себѣ труда провѣрить анализъ памятниковъ, произведенный г. Соболевскимъ. А если бы провѣрили, то увидѣли бы, что г. Соболевскій обращается съ филологическими фактами совершенно произвольно, что его разборъ рукописей страдаетъ натяжками и извращеніями, что его „авторитетные кіевскіе памятники“ никогда Кіева и не видѣли, что его, такъ называемые, „галицко-волынскіе“ памятники написаны большей частью въ сѣверо-западной Россіи, а вовсе не въ какой нибудь малорусской области, что никакого „галицко-волынскаго“ *ѣ* не существуетъ, и что, слѣдовательно, г. Соболевскій не имѣлъ права даже мало-мальски возбуждать, путемъ филологіи, сомнѣніе въ малорусскости старыхъ кіевлянъ, отвергнутое теоріей. Чтобы показать все это г. Колессѣ, я приступаю къ пересмотру соотвѣтствующихъ сочиненій г. Соболевскаго. Считаю удобнымъ сдѣлать этотъ пересмотръ въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

1) Сперва коснуться воззрѣній г. Соболевскаго на малорусскую рѣчь. При этомъ откроются нѣкоторыя данныя для уясненія филологическихъ пріемовъ г. Соболевскаго.

2) Разсмотрѣть тѣ доказательства великорусскости старыхъ кіевлянъ, какія предлагаетъ г. Соболевскій сверхъ изслѣдованія своихъ ятевыхъ (мнимыхъ галицко-волынскихъ) памятниковъ. Это также дастъ намъ очень интересные матеріалы для оцѣнки его научныхъ методовъ.

3) Произвесть обзоръ памятниковъ, какъ дѣйствительно писанныхъ въ Кіевѣ, такъ и навязанныхъ Кіеву г. Соболевскимъ. Окажется, что въ древнемъ Кіевѣ не было ничего немалорусскаго.

4) Произвесть обзоръ мнимыхъ галицко-волынскихъ памятниковъ. Увидимъ, что почти всѣ они навязаны Галичинѣ и Волыни только произволомъ г. Соболевскаго.

5) Въ заключеніе—показать отсутствіе совпаденія „галицко-волынскихъ“ ятевыхъ начертаній съ фактами живого малорусскаго языка.

---

[1]) В. Мочульскій: Къ исторіи малорусскаго нарѣчія. Житіе св. Саввы Освященнаго. Одесса 1894 (оттискъ изъ 62-го тома „Записокъ Новороссійскаго Университета“, стр. 383—406). Недостатки работы Мочульскаго съ нѣкоторой запальчивостью отмѣчены Колессою въ спеціальной рецензіи (Записки товариства имени Шевченка“, т. VII) и въ часто упоминаемой нами статьѣ о теоріи Соболевскаго Archiv, XVIII Band.

[2]) Изъ „Литературно-науковаго Вистника“ (1898, февр., отд. II, стр. 136) я узнаю, что проф. Т. Флоринскій, прочитавши статью г. Колессы, призналъ необходимость основательнаго пересмотра цѣлой теоріи г. Соболевскаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отношеніе г. Соболевскаго къ малорусской рѣчи и степень его знакомства съ нею.

Что такое малорусская рѣчь? языкъ или нарѣчіе?

Правду говоря, вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ безусловнымъ образомъ, потому-что каждый языкъ можетъ въ то же время считаться и нарѣчіемъ другого языка. Мы всегда говоримъ: „*языкъ* польскій", „*языкъ* сербскій" и т. п., но, имѣя въ виду отношеніе ихъ къ общеславянскому праязыку, мы имѣемъ право также говорить о *нарѣчіи* польскомъ, о *нарѣчіи* сербскомъ и т. д.; да въ нашихъ университетахъ каѳедра славянскихъ языковъ такъ таки и именуется „каѳедрой славянскихъ нарѣчій". Что касается рѣчи малорусской, то въ обиходномъ разговорѣ какъ-то странно бываетъ называть „нарѣчіемъ" ту рѣчь, которая имѣетъ такъ много самостоятельныхъ признаковъ, которая служитъ органомъ обширной литературы, болѣе богатой талантливыми писателями, чѣмъ, напр., литература болгарская и сербская [1]—рѣчь, которая является орудіемъ науки и даже орудіемъ университетскаго преподаванія въ Галиціи. Однако для тѣхъ филологовъ (составляющихъ теперь, повидимому, большинство), которые признаютъ, что малорусская и великорусская рѣчь не выдѣлились изъ общеславянскаго языка одновременно съ польской, сербской и др., но что сперва выдѣлился праязыкъ *обще*-русскій, распавшійся на двѣ вѣтви лишь впослѣдствіи,—для тѣхъ филологовъ гораздо удобнѣе говорить не о языкахъ русскомъ и малорусскомъ, но о *нарѣчіяхъ* великорусскомъ и малорусскомъ. Поэтому, напр., Потебня, переведшій на малорусскую рѣчь міровыя произведенія Гомера и, слѣдовательно, считавшій малорусскую рѣчь достойной свѣтлаго будущаго, называлъ ее въ своихъ сочиненіяхъ не иначе, какъ на-

[1]) „Сѣверный Вѣстникъ", рецензируя въ 1895 г. (дек.) произведенія Кропивницкаго, находитъ, что малорусская литература богаче талантами, пожалуй, даже, чѣмъ чешская.

рѣчіемъ. И П. И. Житецкій тоже въ своихъ трудахъ вездѣ говоритъ: „малорусское нарѣчіе". Что касается пишущаго эти строки, то и онъ находитъ, что въ филологическихъ сравнительно-историческихъ сочиненіяхъ слѣдуетъ употреблять терминъ: „малорусское нарѣчіе", а не „языкъ": иначе возможна сбивчивость [1]).

Г. Соболевскій тоже говоритъ, что рѣчь малороссовъ не языкъ, а нарѣчіе. Казалось бы, что такимъ образомъ нѣтъ никакой разницы въ нашихъ воззрѣніяхъ на этотъ пунктъ. Однако пути, которыми г. Соболевскій приходитъ къ своему выводу, настолько оригинальны, что заслуживаютъ вниманія и разоблаченія. Если кому-нибудь изъ нашихъ читателей, мыслящихъ логично, предложатъ силлогизмъ такого рода:

Богъ есть камень.

Камень—существо всевѣдущее.

Ergo: Богъ всевѣдущъ—

то читатель, хоть ничего не будетъ имѣть противъ вывода, будетъ вѣдь съ негодованіемъ протестовать противъ посылокъ. Посылки г. Соболевскаго, которыми онъ мотивируетъ необходимость признать рѣчь малороссовъ за нарѣчіе, очень смахиваютъ на вышеупомянутыя.

На взглядъ г. Соболевскаго малорусское нарѣчіе просто потому должно считаться нарѣчіемъ, а не языкомъ, что никакихъ серіозныхъ отличій отъ великорусскаго нарѣчія у него, будто бы, нѣтъ.—„Какъ?!" спроситъ читатель: „но вѣдь мы, слава Богу, знаемъ малорусское нарѣчіе и знаемъ, насколько оно отличается отъ великорусскаго. Помнимъ также слова великоросса Погодина и другихъ великороссовъ, что отъ малорусскаго нарѣчія великорусское отличается рѣзче, чѣмъ отъ всѣхъ славянскихъ языковъ".—Все это—недоразумѣніе,—говоритъ г. Собо-

[1]) Если же сбивчивость не угрожаетъ, то я позволяю себѣ употреблять выраженіе: „малорусскій языкъ". Въ нѣкоторыхъ случаяхъ выраженіе „языкъ" гораздо удобнѣе, чѣмъ „нарѣчіе"; напр., когда приходится говорить о нарѣчіяхъ украинскомъ, галицкомъ и т. д., то совокупность ихъ удобнѣе называть языкомъ, чѣмъ нарѣчіемъ же. Терминъ „поднарѣчіе" будетъ для нихъ слишкомъ слабъ, пожалуй

левскій:—все это «крупная ошибка», ибо до сихъ поръ никто не зналъ, чтó собственно надо считать за типъ малорусскаго нарѣчія.

Какъ же было дѣло до сихъ поръ и чѣмъ г. Соболевскій недоволенъ?—Извѣстно, что преобладающее большинство малороссовъ говоритъ на такъ называемомъ нарѣчіи украинскомъ и галицкомъ. Но есть часть малороссовъ, рѣчь которыхъ сильно уклоняется отъ общаго типа; такъ, напр., въ Галичинѣ лемки имѣютъ языкъ ополяченный, а въ Россіи—другая крайность—полѣшуки говорятъ рѣчью, плохо понятною для прочихъ малоруссовъ и близкою къ бѣлорусской (г. Шахматовъ думаетъ даже, что сѣверные малороссы—омалорушенные бѣлоруссы, а не чистые малоруссы). При изученіи малорусской діалектологіи никто никогда не игнорируетъ никакихъ малорусскихъ говоровъ, даже самыхъ малораспространенныхъ, но никому также не приходитъ въ голову считать ихъ за норму малорусскаго нарѣчія: нормальнымъ типомъ малорусскаго нарѣчія всѣ до сихъ поръ считали ту рѣчь, которую употребляетъ *огромное, всецѣло преобладающее большинство* малоруссовъ, т. е. рѣчь украинскую и обыкновенную галицкую (безъ горныхъ говоровъ). Вообще, въ цѣломъ мірѣ и ученые, и неученые люди при опредѣленіи типа какого-нибудь языка руководятся рѣчью огромнаго большинства, а не пограничными говорами. Что такое настоящій нѣмецкій языкъ?—языкъ большинства нѣмцевъ, а не пограничныхъ жителей. Что такое французскій языкъ?—языкъ большинства французовъ, а не тѣ пограничные говоры, которые близки къ нѣкоторымъ говорамъ итальянскимъ, и т. д., и т. д. А какимъ бы страннымъ показалось, напр., слѣдующее положеніе: „Если мы возьмемъ всю массу французскихъ говоровъ (со включеніемъ сюда и провансальскихъ, такъ-какъ провансальское нарѣчіе есть, *конечно*, часть французскаго) и сопоставимъ ихъ со всей массой итальянскихъ говоровъ, то обстоятельное сравненіе особенностей тѣхъ и другихъ не дастъ намъ основаній видѣть въ каждой группѣ особый самостоятельный языкъ“. Человѣка, который захотѣлъ бы такимъ образомъ отрицать самостоятельность итальянскаго языка, всѣ приняли бы или за шутника [1]) или за ненормально размышляющаго. А между тѣмъ это разсужденіе находится, *слово въ слово*, въ „Лекціяхъ“ г. Соболевскаго (стр. 2), только вмѣсто итальянскаго языка онъ говоритъ о малорусскомъ, вмѣсто провансальскаго—о бѣлорусскомъ, а вмѣсто французскаго о великорусскомъ. По мнѣнію г. Соболевскаго будетъ „крупная ошибка“—сопоставлять общеупотребительные говоры малорусскіе съ общеупотребительными говорами великорусскими: по его мнѣнію, если требуется производить сопоставленіе, то при этомъ непремѣнно надо съ великорусской стороны выставить окающіе говоры и бѣлорусское нарѣчіе („которое, *конечно*, есть часть великорусскаго нарѣчія“), а съ малорусской стороны—малоупотребительную и мало понятную прочимъ малоруссамъ рѣчь полѣсскую. Г. Соболевскій не скрываетъ отъ себя, что сѣверные малорусскіе говоры „по своимъ фонетическимъ особенностямъ *болѣе близки къ великорускимъ* окающимъ говорамъ, *чѣмъ къ* другимъ *малорусскимъ*—къ украинскому, галицкому“ (стр. 2), тѣмъ не менѣе даетъ имъ рѣшающую роль въ вопросѣ о *всей* малорусской рѣчи цѣликомъ и побѣдоносно заявляетъ, что *вся* она слишкомъ мало отличается отъ великорусской и не заслуживаетъ имени „языка“.

Эта игра въ дѣтское уравненіе съ „полумертвымъ“ и „полуживымъ“—чтó она такое? Насмѣшка надъ читателемъ? Шутка? Но нѣтъ! это не шутка: г. Соболевскій серіозно думаетъ, что онъ исправилъ „крупную ошибку“ своихъ предшественниковъ!

Я ужъ имѣлъ случай упомянуть выше, до какихъ курьезовъ можетъ довести сличеніе языковъ по методу г. Соболевскаго: напр., по этому методу итальянскій языкъ окажется тождественнымъ съ французскимъ. Болгарскій и сербскій языки, если дать по способу г. Соболевскаго рѣшающее значеніе рѣчи македонянъ, тоже окажутся очень близкими нарѣчіями, а не от-

[1]) Есть, напр., шутливое уравненіе: „полумертвый равенъ полуживому“, изъ котораго заключаютъ: „мертвый равенъ живому“. Заключать о тождествѣ двухъ языковъ по тождеству ихъ небольшихъ частей будетъ видоизмѣненіемъ этого шутливаго уравненія.

дѣльными языками. Но наибольшій курьезъ—тотъ, что малорусская рѣчь, такъ побѣдоносно введенная г. Соболевскимъ въ лоно великорусской, можетъ, благодаря тому же методу г. Соболевскаго, очутиться не менѣе побѣдоносно въ лонѣ всѣхъ другихъ ея сосѣдей. Если г. Соболевскій сличитъ говоръ малоруссовъ—лемковъ съ нѣкоторыми говорами мазурскими, то, оставаясь послѣдовательнымъ, онъ долженъ будетъ отнесть малорусскую рѣчь къ польскимъ нарѣчіямъ и подать руку галицкимъ полонизаторамъ. Сербы, сравнивши говоры Керештурскихъ или Рушевскихъ малоруссовъ съ сербскими, заявятъ, что *всѣхъ* малоруссовъ надо считать сербами (причемъ найдутъ нѣкоторую поддержку себѣ въ сочиненіяхъ Лавровскаго),—а г. Соболевскій долженъ будетъ признать, что и они правы. Чехи, словаки, даже румыны, чего добраго и нѣмцы—всѣ они могутъ, по методу г. Соболевскаго, присвоивать себѣ малоруссовъ!..

Таковъ-то способъ, предложенный г. Соболевскимъ для исправленія „крупной ошибки" другихъ ученыхъ, которые видятъ у малорусскаго нарѣчія серіозныя оригинальныя черты и склоняются признавать его за особый языкъ. Замѣчательно, что г. Соболевскій позволяетъ себѣ просто замалчивать имена тѣхъ ученыхъ. Въ 1-мъ изданіи „Лекцій" еще было упомянуто имя Миклошича, хоть въ скобкахъ, а во 2-мъ изданіи г. Соболевскій ужъ совсѣмъ не нашелъ нужнымъ съ нимъ считаться и неуважительно назвалъ его просто „кое-кто". Но, если мы будемъ поступать такъ съ Миклошичами и вычеркивать ихъ изъ области науки, то, по справедливому замѣчанію проф. Сумцова, въ концѣ концевъ останутся лишь „столь скромныя и неизвѣстныя въ наукѣ имена, какъ г. Соболевскаго" [1]).

Говоря объ отношеніяхъ г. Соболевскаго къ малорусскому нарѣчію, характеризующихъ научные пріемы его, не мѣшаетъ отмѣтить еще одну интересную черту научности г. Соболевскаго: малорусскаго нарѣчія, о которомъ онъ берется судить вкривь и вкось, онъ не знаетъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно взять наудачу нѣсколько примѣровъ изъ его „Лекцій".

[1]) „Кіевск. Стар." 1892, янв., стр. 8.

Извѣстно, что въ малорусскомъ нарѣчіи до сихъ поръ вполнѣ сохранилась особая форма для повелит. наклоненія 1-го лица мн. ч. и строго различается по смыслу и употребленію отъ изъявит. накл. Никто никогда не смѣшаетъ „будьмо братамы" съ „будемо братамы", „тикаймо" съ „тикаемо", „втечимъ" со „втечемо", „ходимъ„ съ „ходымо"; „заберимъ" съ „заберемо" и т. п. А г. Соболевскій на стр. 226 говоритъ: Формы 1-го мн. пов. н. на *ѣмъ*, живущія еще въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, исчезли почти совсѣмъ въ великорусскомъ и малорусскомъ, и ихъ, мѣсто заняли формы 1-го мн. настоящаго времени съ значеніемъ будущаго". Г. Соболевскій, значитъ, не знаетъ самыхъ общеизвѣстныхъ фактовъ малорусскаго нарѣчія, онъ даже не поинтересовался прочитать стр. 143 „Studien" Огоновскаго. Кстати: на той же 226-й страницѣ „Лекцій" г. Соболевскій сочиняетъ несуществующее повелит. наклоненіе: „ищіте".

Глаголъ „бути" до сихъ поръ сохранилъ свои формы наст. вр.—у западныхъ малоруссовъ. Первое лицо—„есьмъ", „емъ" (гуц. „сме" и „сми"); 2-е лице—„еси", „есь", „сь"; 1 л. мн. ч.—„есьмо", „смо"; 2-е л. мн. ч.—„есте", „сте" и т. п: Хотя это факты общеизвѣстные и о нихъ обстоятельно говорится въ „Studien" Огоновскаго (стр. 112, 138, 144), но г. Соболевскій ничего этого не знаетъ и заявляетъ, что въ малорусскомъ нарѣчіи изъ формъ 1-го и 2-го лица глагола „быть" есть только одна: „еси" (стр. 220).

На стр. 157-й „Лекцій" читаемъ: „Формы род. множ. на *овъ*, *евъ* имѣютъ широкое распространеніе во всемъ русскомъ языкѣ... Въ малорусскихъ говорахъ старыхъ формъ род. падежа мн. ч. больше: „годъ", „часъ", „конь", но они все таки являются исключеніями". Что въ малорусскомъ нарѣчіи еще попадаются старыя формы род. мн., сходныя съ имен. ед., это правда (напр: „шість візъ", „пъять годъ" и др.), но, вздумавши привести для примѣра слова „часъ" и „конь", г. Соболевскій обнаружилъ свое незнаніе малорусской рѣчи, такъ какъ эти слова имѣютъ род. пад. всегда „часівъ" и „коней". Форма „конь" уродлива еще и потому, что написана черезъ „*о*", тогда-какъ

въ этомъ словѣ малороссы имѣютъ „ô“ (т. е. „кіньь“ или „куонь“).

На стр. 171: „Вмѣсто древнихъ формъ мѣстоименій (им. п. мн. ч.) „ты“, „оны“, „одны“, „самы“, „ины“ и т. д. явились новыя формы: „*тѣ*, *онѣ*, *однѣ*, *самѣ*, *инѣ*. Формы *тѣ*, *онѣ* въ настоящее время свойственны всему великорусскому нарѣчію; одного образованія съ ними малорусскія: *ті*, *воні*, *самі* и т. д.“. По поводу мѣстоименія „воні“ (съ *і*, и притомъ съ *і* мягкимъ, ятевымъ) замѣтимъ, что оно всецѣло принадлежитъ фантазіи г. Соболевскаго (пожалуй, слово „воні“ существуетъ у малоруссовъ, но оно не имѣетъ никакого отношенія къ мѣстоименію „він“, а означаетъ „дурные запахи“). Форма „*ті*“ (съ ятемъ), которая, по словамъ г. Соболевскаго, тождественна съ великорусскимъ „*тѣ*“, также сочинена г. Соболевскимъ, потому что у малороссовъ въ формѣ „ті“ звучитъ не ять (т. е. мягкое *і*), но *і* твердое.

На стр. 167: „Современный языкъ знаетъ формы род. ед. твердыхъ основъ на *ѣ* вм. *ы*: у голодной кумѣ все хлѣбъ на умѣ, изъ Москвѣ; малорусское „справді“, „до торбинкі“ и т. п.“ Мнимоятевая форма „торбинкі“ —сочиненіе самого г. Соболевскаго: если бы онъ потверже зналъ малорусское нарѣчіе, то не упустилъ бы изъ виду, что передъ *ѣ* задненебные звуки смягчаются переходнымъ смягченіемъ и что „торбинкѣ“ должно было обратиться въ „торбинці“. (Если иногда слышится произношеніе „торбинкі“ вм. „торбинки“, то объясняется это присутствіемъ задненебнаго звука *к*, послѣ котораго *и* звучитъ мягче обыкновеннаго; срв. „кидати“, „кислий“, „кипіти“ и т. д.).

Таковы свѣдѣнія г. Соболевскаго въ самыхъ общеизвѣстныхъ вопросахъ малорусскаго нарѣчія! И въ слѣдующихъ главахъ намъ много разъ еще придется отмѣчать полное незнакомство г. Соболевскаго съ общеизвѣстными данными этого нарѣчія. А знакомства съ болѣе мелкими фактами—хоть и не спрашивай! Такъ, г. Соболевскій не подозрѣваетъ, что „заяць“ (въ Галичинѣ и Подоліи) имѣетъ косвенные падежи „заяця“,

„заяцеви“ и т. д. (стр. 94), что и въ малорусскомъ нарѣчіи (въ Угорщинѣ) есть „што“ (стр. 102), что твердое окончаніе 3-го л. („любит“, „люблят“ вм. „любить“, „люблять“) обширно существуетъ на Подольи и Волыни, а въ Кіевщинѣ большей частью отсутствуетъ (стр. 107), что малорусское „рятувáти“ (спасать) ни по значенію, ни по происхожденію не тождественно съ великорусскимъ „рáтовать“ и происходитъ очевидно отъ нѣмецкаго retten [1]) (стр. 121) и т. д. и т. д.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О способахъ, которые г. Соболевскій предлагаетъ, сверхъ сличенія рукописей, для поддержанія своей гипотезы.

Какъ извѣстно, главное оружіе г. Соболевскаго, изобрѣтенное имъ для защиты своей галицко-волынской гипотезы, это—сличеніе рукописей, которыя онъ признаетъ за кіевскія, съ рукописями, которыя онъ называетъ „галицко-волынскими“; разбору этого сличенія посвящена наша четвертая и пятая глава. Г. Соболевскій выступилъ также съ исторической статьей въ кіевскихъ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ (1885), гдѣ онъ пытался раскритиковать В. Б. Антоновича при помощи особаго истолкованія лѣтописей; этого „критикованія“ мы касаться не будемъ, такъ-какъ оно уже разобрано М. С. Грушевскимъ (въ „Очеркѣ исторіи Кіевской земли“). А кромѣ того г. Соболевскій посвятилъ соображеніямъ (преимущественно филологическимъ) о правильности своей гипотезы одну страницу „Лекцій“ [2]); ее мы здѣсь и разсмотримъ.

---

[1]) Это вполнѣ ясно изъ слова „ратунокъ“ (Rettung); срв. „рахунокъ“ (Rechnung), „гатунокъ“ (Gattung), „пакунокъ“ (Packung), „вербунокъ“ (Werbung и т. д.

[2]) См. по 1-му изданію между стр. 199-ой и 200-ой; по второму изданію—стр. 255—256.

Такъ-какъ ошибокъ, голословныхъ утвержденій и искаженій заключается въ той страницѣ столько же, сколько словъ, то не мѣшаетъ, чтобы читатель имѣлъ ее цѣликомъ передъ глазами: не то онъ невольно вообразитъ, что мы взводимъ напраслину на г. Соболевскаго. Вотъ эта замѣчательная страница:

„Во всякомъ случаѣ, если древній кіевскій говоръ еще сохранялся до XV вѣка, нашествія Эдигея и Менгли-Гирея на Кіевъ и вообще частыя вторженія крымской орды въ кіевскую область должны были уменьшить число говорившихъ имъ настолько, что они уже не могли устоять противъ ассимиляціи съ многочисленными выходцами изъ Волыни, Подолья и Галичины и должны были принять ихъ говоры, вмѣстѣ съ ихъ мѣстными словами и названіями. Отсюда около Днѣпра уменьшительныя собственныя имена на *сь*, *ся*: Петрусь, Маруся, которыхъ нѣтъ въ старыхъ кіевскихъ памятникахъ и вмѣсто которыхъ въ послѣднихъ употребляются чуждыя современному малорусскому нарѣчію уменьшительныя на *ша*: Мьсти*ша* (=Мьстиславъ?), Путь*ша* (=Путята?), Ратьша (=Ратьмиръ?), Волод*ша* (=Володиславъ, Ипатьев. списокъ лѣтоп. 34, 92, 229, 346), Свято*ша* (=Святославъ; сравни въ галицко-волынской лѣтописи: Волъдрисъ=Володарь? Ипат. сп. 509; сравни тамъ же: Блюсъ, Митуса=Блюсь, Митуся?). Отсюда у жителей Черкасскаго уѣзда кіевской губ. слово *гуцалй* (это—искаженное галицкое *гуцулй*), употреблямое ими для своихъ сосѣдей на востокѣ (т. е. полтавцевъ. А. К.), и слово *буцй* (это—искаженное старое галицкое *бойци*—бойки), которымъ они пользуются для означенія сосѣдей съ запада—подолянъ (Труды этнографич. статистической экспедиціи въ западно-русскій край, собр. Чубинскимъ, т. VII, вып. II, 463). Отсюда наконецъ для кіевской области („Руси“ по преимуществу древней эпохи) и для земель къ востоку отъ Днѣпра названіе „Малая Русь“, которое принадлежало первоначально западной части кіевскаго княжества—Галичинѣ (выдѣлилась изъ кіевскаго княжества въ концѣ XI в.) и Волыни (выдѣлилась около половины XII в.) и употреблялось уже въ XIII и

XIV столѣтіяхъ (Μικρὰ Ῥωσσία у грека Кодина, конца XIII в., Russia minor въ грамотѣ волынскаго князя Юрія 1335 г., Μικρὰ Ρωσσία въ документахъ на греческомъ языкѣ XIV в. Русск. Историч. Библ., VI, прилож.). Это названіе въ XIV в. то означало одну галицко-волынскую землю (грамота Ольгерда 1371 г.: „*Кіевъ*, Смоленскъ, Тверь, *Малая Русь*“. Русск. Истор. Библ. VI, прилож 140), то уже распространялось и на Кіевъ (постановленіе Константинопольскаго патріаршаго собора 1354 г.: „городъ въ *Малой Руси*, называемый *Кіевъ*“. Русск. Ист. Библ. VI, 63)“.

Разберемъ каждый пунктъ отдѣльно.

Объ именахъ на ша.

По словамъ г. Соболевскаго, современное малорусское нарѣчіе не знаетъ уменьшительныхъ именъ на *ша*, тогда какъ у старыхъ кіевлянъ такія имена существовали: Мьстиша (=Мьстиславъ?), Путьша (=Путята? [1]), Ратьша (=Ратьмиръ?), Володша (=Володиславъ [2]), Святоша (=Святославъ [3]);—изъ этого, на

---

[1]) Едвали отъ „Путята“,—скорѣе ужъ отъ „Путило“ или „Путиславъ“. А имя „Путята“ само похоже на ласкательное.

[2]) Почему Володиславъ, а не Володимиръ (какъ обыкновенно думаютъ).

[3]) Ставя при другихъ (открытыхъ по догадкѣ) именахъ вопросительные знаки, г. Соболевскій считаетъ возможнымъ обойтись въ послѣднемъ случаѣ безъ всякаго вопросительнаго знака; онъ не сомнѣвается, что „Святоша“ есть уменьшительное отъ „Святославъ“. Между тѣмъ именно здѣсь очень умѣстно сомнѣніе: имя „Святоша“ принадлежитъ *святому* князю, и потому есть нѣкоторое основаніе думать, что „Святоша“ есть эпитетъ, а не сокращеніе имени „Святославъ“; Карамзинъ (т. II, гл. VI), вѣроятно, правъ, толкуя „Святоша“ въ смыслѣ „святой“ (быть можетъ, онъ имѣлъ даже историческія свидѣтельства объ этомъ). Впрочемъ и насчетъ именъ Ратьша, Путьша и Мьстиша нельзя быть вполнѣ увѣрену, что они—уменьшительныя собственныя, а не нарицательныя (не прозвища). „Путьша“ могло бы означать просто „путникъ“, „Ратьша“—ратникъ“, „Мьстиша“—„мститель“, и т. д.; такое мнѣніе мнѣ пришлось однажды слышать. Ниже мы еще возвратимся къ этому вопросу (при разборѣ данныхъ современнаго малорусскаго нарѣчія), а пока-что будемъ вмѣстѣ съ г. Соболевскимъ считать имена вродѣ „Мьстиша“ за уменьшительныя, такъ-какъ это—правдоподобнѣе всего.

взглядъ г. Соболевскаго, ясно, что древніе кіевляне были не малоруссы.

Эти слова заключаютъ и въ методѣ, и въ утвержденіяхъ много путаницы. Коснемся сперва частностей, обнаруживающихъ у г. Соболевскаго недостатокъ научнаго метода, а потомъ перейдемъ къ сути и покажемъ, посредствомъ множества примѣровъ, что имена на *ша*—чисто малорусскія.

Маломальски свѣдущему въ исторіи читателю прежде всего бросится въ глаза, конечно, то обстоятельство, что г. Соболевскій, съ цѣлью увеличить бѣдное количество лѣтописныхъ древнихъ *кіевскихъ* именъ на *ша*, присоединилъ къ нимъ имена изъ области черниговской и полоцкой. Пріемъ этотъ, конечно, не наученъ, но, собственно, это еще мелочь: взамѣнъ Володши и Святоши, которыхъ приходится исключить, г. Соболевскій могъ бы назвать Ракошу (Глѣбъ Ракошичъ въ Ипат. лѣт. 341) и еще одного болѣе поздняго, но все же чистѣйшаго [1]) кіевлянина—воеводу Юршу (извѣстенъ въ 1438-мъ г.). Гораздо менѣе извинителенъ самый методъ, который положенъ г. Соболевскимъ въ основу его размышленій объ историческомъ значеніи древнихъ именъ: „если у *древнихъ* кіевлянъ были такія имена, какихъ (по мнѣнію г. Соболевскаго) нѣтъ у *современныхъ* малоруссовъ", то выходитъ, что древніе кіевляне не могли быть предками современныхъ малороссовъ. Методъ этотъ долженъ былъ бы показаться г. Соболевскому неумѣстнымъ ужъ по тому одному, что г. Соболевскій — филологъ, а вѣдь предложенное имъ разсужденіе противорѣчитъ одному изъ основныхъ наблюденій сравнительнаго языкознанія [2]). Но не нужно быть и филологомъ, чтобы увидѣть, къ какимъ несообразностямъ можетъ привесть подобный методъ. Есть у современныхъ малоруссовъ уменьшительныя на *но* (напр., „Михно" отъ „Михаилъ"), а у великоруссовъ—нѣтъ теперь такихъ уменьшительныхъ; между тѣмъ въ древней Суздали мы встрѣчаемъ имя Михно [1]); если методъ г. Соболевскаго правиленъ, то необходимо заключить, что старые суздальцы были не великоруссы, а малороссы. Малоруссовъ, по методу г. Соболевскаго, можно усмотрѣть и въ началѣ московскаго періода на Шекснѣ, такъ-какъ тамъ въ это время жилъ крестьянинъ—„старожилецъ" Гавшукъ [2]),—имя, которое теперь отсутствуетъ у великоруссовъ, а есть у малоруссовъ. Подражая г. Соболевскому, мы имѣли бы полное право заявить, что въ старыя времена въ Суздали и на Шекснѣ жили малоруссы, а потомъ были вытѣснены великоруссами. Конечно, сейчасъ же намъ при этомъ представится вопросъ: „но развѣ исторія говоритъ намъ о чемъ-нибудь подобномъ?" Если г. Соболевскій находитъ, что для опустошенія Кіева достаточно было татарскихъ нашествій, то и по отношенію къ сѣверо-восточной Руси его объясненіе не должно терять своей силы, тѣмъ болѣе, что сѣверо-восточная Русь потерпѣла отъ татаръ гораздо значительнѣе, чѣмъ южная [3]). Если читатель не удовольствуется такимъ объясненіемъ, но потребуетъ ясныхъ и прямыхъ свидѣтельствъ о томъ, что въ Суздали и на Шекснѣ жили прежде малоруссы, а потомъ на ихъ мѣсто пришли великоруссы, то и на это требованіе у г. Соболевскаго есть исто-

[1]) Мы позволяемъ себѣ сказать: „чистѣйшаго", потому что по грамотѣ Витовта, подтвержденной много разъ его наслѣдниками, полагалось „волости кіевскія кіяномъ держати, а иному никому". См. В. Б. Антоновичъ: „Кіевъ", въ „Кіев. Стар." 1882, янв., стр. 29.

[2]) Вѣроятно, въ каждомъ элементарномъ учебникѣ сравнительнаго языковѣдѣнія можно въ самомъ началѣ найти положеніе: въ теченіи своей исторической жизни языкъ не только развиваетъ свои старые факты, но и теряетъ нѣкоторые изъ нихъ, равно какъ пріобрѣтаетъ совсѣмъ новые.

[1]) Мечникъ Андрея Боголюбскаго. См. Ипатьевскій списокъ 388, 389, 390. Полное собраніе русскихъ лѣтописей II, 100 и слѣд. Соловьевъ (изд. 1869, т. II, стр. 462) думаетъ, что у Андрея Боголюбскаго служило даже два Михна, а не одинъ.

[2]) Описаніе Государственнаго Архива старыхъ дѣлъ, стр. 201.

[3]) Антоновичъ: Кіевъ, стр. 3. А. Соловьевъ въ IV т. (1863 г., стр. 242 и сл.) указываетъ, что въ упоминаемое время на сѣверную Русь приходится 133 непріятельскихъ набѣга; изъ этого числа на долю татарскихъ опустошеній приходится 48; „а если", говоритъ Соловьевъ, „приложимъ къ числу опустошеній отъ внѣшнихъ враговъ число опустошеній отъ усобицъ, то получимъ 232,—слѣдовательно, придется по опустошенію почти на каждый годъ". Кромѣ того Соловьевъ (loc. cit.) указываетъ на множество опустошительныхъ моровъ, голодовъ и т. п.

рическая „аксіома“: „Здѣсь мы стоимъ лицомъ къ лицу съ недостаткомъ историческихъ данныхъ,—явленіемъ обычнымъ, если мы имѣемъ дѣло съ движеніемъ народныхъ массъ“ („Лекціи“, стр. 257).—Но ясно, что никакіе подобные афоризмы не поддержатъ теоріи о малорусскости старыхъ суздальцевъ и пошексненцевъ, построенной на именахъ „Михно“ и „Гавшукъ“, точно такъ-же какъ не поддержатъ они теоріи о великорусскости старыхъ кіевлянъ, построенной на именахъ „Путьша“, „Ратьша“ и т. п. Дѣло въ томъ, что судьба именъ въ какомъ-нибудь языкѣ бываетъ такая же, какъ вообще всѣхъ формъ и звуковъ языка: одни подвергаются измѣненіямъ, другіе вовсе пропадаютъ, третьи рождаются вновь. Г. Соболевскій своими разсужденіями объ именахъ на *ша* повторилъ, въ обратномъ направленіи, старую ошибку Максимовича, давно изобличенную филологами. Максимовичъ однажды сказалъ: „Въ кіевской лѣтописи пишется: „въ дороѕѣ“; нынѣшній великорусъ сказалъ бы: „въ дороѓѣ“, а малоруссъ говоритъ и теперь: „въ дороѕи“;—поэтому, древніе кіевляне не могли быть великоруссами; и г. Соболевскій говоритъ: „Въ *старомъ* Кіевѣ было имя „Ратьша“; *теперь* уменьшительныя на *ша* (будто бы) не свойственны малоруссамъ, а свойственны только великоруссамъ,—поэтому, древніе кіевляне не были малоруссами“. Но ошибка Максимовича имѣетъ за собой то извиненіе, что въ его время исторія русскаго языка была неразработана, онъ вездѣ выступалъ, можно сказать, еще піонеромъ, и потому ему простительно было изрѣдка ошибиться въ своихъ разсужденіяхъ. А г. Соболевскій, изслѣдуя исторію русскаго языка, ступаетъ вѣдь по почвѣ вполнѣ разрыхленной (между прочимъ, усиліями того же Максимовича) и имѣетъ передъ собою труды многихъ талантливыхъ изслѣдователей; среди нихъ блещутъ, напримѣръ, имена Срезневскаго, Потебни, Ягича,—людей, у которыхъ можно было бы поучиться правильному научному методу.

И еще есть одно отличіе Максимовича отъ г. Соболевскаго,—отличіе, составляющее главную вину г. Соболевскаго въ его сужденіяхъ объ именахъ на *ша*. Когда Максимовичъ находилъ

для себя доказательнымъ ссылаться на современное малорусское смягченіе *г* въ *з* („въ дорози“), онъ не измышлялъ ничего отъ себя: малоруссы на самомъ дѣлѣ таки говорятъ „въ дорози“, и Максимовичъ ссылался на фактъ, существующій и всегда существовавшій у нихъ. Между тѣмъ г. Соболевскій, говоря, что уменьшительныя имена на *ша* не могутъ считаться малорусскими и чужды современному малорусскому языку, говоритъ не истину. Какъ раньше онъ произвольно навязывалъ малоруссамъ слова вродѣ „вонi“ и „ищіте“ [1]), такъ теперь произвольно отымаетъ у нихъ имена на *ша*.

Самое резонное было бы для г. Соболевскаго, встрѣтивши у старыхъ кіевлянъ имена на *ша*, обратиться не къ нынѣшнимъ малоруссамъ, а къ старымъ галичанамъ и волынянамъ, малорусскость которыхъ онъ же ставитъ внѣ всякаго подозрѣнія, да и справиться: не существовали ли у нихъ имена на *ша* въ то время, когда такія имена существовали въ старомъ Кіевѣ? Есть одинъ памятникъ не галицко-волынскій, но считаемый г. Соболевскимъ за галицко-волынскій: надпись на крестѣ Ефросиніи Полоцкой 1161-го года; тамъ мастеръ называетъ себя „Богъша“ (уменьшительное, вѣроятно, отъ Богуславъ). Надпись эта, какъ мы уже сказали, не галицкая и не волынская, но такъ-какъ г. Соболевскій называетъ ее галицко-волынскою, то мы можемъ только изумляться, почему онъ, встрѣчая имя „Богъша“ въ ней, можетъ видѣть въ старо-кіевскихъ именахъ на *ша* черту противо-малорусскую. Мы однако укажемъ старо-малорусскія имена на *ша* не въ подобныхъ памятникахъ, а въ дѣйствительно авторитетныхъ: въ Волынской лѣтописи. Тамъ мы прочитаемъ, напримѣръ (Ипат. спис. 600, нѣск. разъ), что у Владиміръ-Волынскаго князя Володимера былъ „слуга добрый, вѣрный, именемъ Рачьш*а*“ (то же имя, что и въ Кіевѣ!); тамъ же мы найдемъ (стр. 485), что въ 1208-мъ году жилъ галичанинъ Тъба*ша*, который во время войны угрину Микѣ „главу стялъ“.

Обратимся къ малорусскимъ именамъ на *ша* послѣ татарскаго погрома, вплоть до начала нынѣшняго вѣка. Беремъ на-

1) См. главу вторую, стр. 17 и 18.

удачу три—четыре изданія по исторіи Малороссіи (изъ тѣхъ, которыя имѣются у насъ подъ руками въ нашей дорожной библіотекѣ)—и встрѣтимъ имена на *ша* очень часто. Дочь луцкаго князя Льва Юрьевича (+ок. 1324 г.), которая вышла замужъ за Любарта Гедыминовича, называлась Буша [1]). Въ грамотѣ этого Любарта Гедыминовича 1366-го года упоминается въ числѣ жителей Луцка Иванъ Мьстишенскій [2]),—значитъ, было тамъ и имя Мьстиша, второе изъ трехъ лѣтописныхъ именъ, отмѣченныхъ г. Соболевскимъ какъ спеціально кіевскія [3]). Приблизительно лѣтъ черезъ сто послѣ того, или немного больше [4]), у Лазура Радіевскаго въ Барскомъ староствѣ была дочь Аннуша. Частое женское имя—это Маруша, уменьшительное и отъ „Марія" (какъ и въ н. вр.), и отъ „Марина" [5]). Въ началѣ XVI вѣка (1516 г.), мы встрѣчаемъ въ Подоліи Марушу Иляшовскую [6]). Тамъ же 1520—1522 г. была Маруша Володовская [7]). Въ томъ же 16-мъ-мъ вѣкѣ жена Брацлавскаго каштеляна и городничаго въ замкѣ Владимірскомъ—Василія Загоровскаго (извѣстнаго своей горячей любовью къ русской вѣрѣ и народности)—была княжна Маруша Збаражская [8]). Въ концѣ того же вѣка и началѣ слѣдующаго мы знаемъ на Подоліи Марушу Богдановну

---

[1]) Цитирую это имя просто по памяти и потому не дѣлаю ссылки на какую нибудь книгу. У Иванова эта княгиня названа Буча (стр. 219).

[2]) Ивановъ: Историческія судьбы Волынской земли. Одесса 1895, стр. 273.

[3]) Быть можетъ, мы не ошибемся, если въ виду существованія древняго волынскаго рода Путошинскихъ откроемъ на Волыни и третье (значитъ, послѣднее) изъ тѣхъ трехъ якобы спеціально-кіевскихъ лѣтописныхъ именъ: Путьша. См. Архивъ юго-зап. Россіи, т. 4-й, ч. I, к. 1871, введеніе В. Антоновича, стр. 48. Впрочемъ и безъ Мьстиши, и безъ Путьши Волынь и Галичина знаютъ много именъ на *ша*.

[4]) Грушевскій: Барское староство. К. 1884, стр. 209.

[5]) См. длинный процессъ въ „Архивѣ Ю.-З. Россіи", ч. III, т. 1-й (1863 г.) стр. 178.

[6]) Грушевскій: Барское староство, стр. 185.

[7]) Названное соч., стр. 199.

[8]) „Про шлюбъ на Руси-Украинѣ въ XVI—XVII столѣтю". Написавъ Левкко Маяченець (псевдонимъ). Зоря 1885, стр. 209. См. также „Мазепа и его прекрасная Елена" И. Каманина. Кіев. Стар. 1886, ноябрь, стр. 528.

изъ рода Слупицъ Лысогорскую [1]). Въ 1611-мъ г. въ Житомірѣ возбудила процессъ волынская пани Маруша (Марина) Пашкевичъ [2]). Черезъ семь лѣтъ (1618) въ томъ же житомірскомъ, замкѣ разбирается процессъ, въ которомъ упоминается жительница мѣстечка Студеная Вода—Маруша, жена Васька Винника [3]). За одно отмѣтимъ здѣсь и Марушу Багриновскую—въ жалобѣ овруцкихъ дворянъ 1718-го года [4]) и еще женское имя Ориша, попадающееся въ разводномъ дѣлѣ 1682-го года [5]). Въ Барскомъ староствѣ въ 1565-мъ г. жилъ Мурша [6]), по фамиліи Берлинскій, въ с. Берлинцахъ [7]). Опись Овруцкаго замка 1545-го года [8]) показала, что между прочимъ тамъ живутъ: земянинъ панъ Павша [9]), крестьянка Катюша—вдова [10]), земянинъ Тыша Быковскій [11]). Около того же времени какой то (вѣроятно, овруцкій) панъ Михаилъ Павша посылалъ „листъ" въ Кіево-Печерскую лавру [12]). Въ 17-мъ и 18-мъ вѣкѣ фамилію Павшей [13])

---

[1]) „Старинный родъ Слупицъ и ихъ помѣстье Куна". Кіев. Стар. 1886, іюль, стр. 568.

[2]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, т. 1-й, ч. III. Ея имя на стр. 168, 182, 183, 184, 185.

[3]) Тамъ же, стр. 241 и 251.

[4]) Архивъ юго-зап. Россіи, т. 1-й ч. IV, (Кіевъ 1867). стр. 288.

[5]) Тамъ же, стр. 151.

[6]) Болѣе обычная форма этого имени—на ко: Мурко.

[7]) Грушевскій: Барское староство, стр. 182.

[8]) Архивъ юго-зап. Россіи, т. 1-й ч. IV, (Кіевъ 1867).

[9]) Назв. изданіе, стр. 37.

[10]) Названное изданіе, стр. 43.

[11]) Тамъ же, стр. 48.

[12]) Кіев. Старина 1886, іюнь, стр. 197.

[13]) Что касается соотношенія между личнымъ именемъ и фамиліей, то читатель долженъ вспомнить, что у малоруссовъ, какъ вообще у славянъ, въ роли потомственнаго фамильнаго прозвища сплошь да рядомъ фигурируетъ личное имя предка, особенно уменьшительное. Каждый изъ читателей можетъ среди своихъ знакомыхъ найти немало лицъ съ такими фамиліями. Я могу напомнить, напр., о знаменитомъ галицкомъ литераторѣ Иванѣ Франко, о его соварищѣ Михайлѣ Павликѣ, о литераторѣ Іеронимѣ Луцыкѣ и т. п., и т. п. Даже при современномъ, оффиціальномъ фиксированіи одного какого-нибудь прозвища (путемъ внесенія въ документы) еще не исчезаетъ старинный обычай обращать личное имя въ потомственную фамилію. По поводу процесса возникновенія малорусскихъ фамильныхъ прозвищъ существуетъ общеизвѣстная статья проф. Н. Ѳ. Сумцова (оттискъ изъ „Кіев. Стар." 1885, февр.; см. особенно стр. 217 и 219) и новѣйшая—В. Охримовича: „Про сильські прозвища", въ журналѣ „Житье и Слово" 1895, т. III, стр. 302—307.

встрѣчаемъ чрезвычайно часто,—таковы, напримѣръ, дворяне, упоминаемые множество разъ въ овруцкихъ книгахъ гродскихъ [1]). Попадающееся въ овруцкой описи имя Тыша [2]) встрѣчается и въ другихъ документахъ не разъ; такъ, въ Житомірскомъ процессѣ 1618-го г. выступаетъ цѣлая семья Тышей [3]); въ житомірской актовой книгѣ 1664-го года говорится о дворянинѣ Львѣ Тышѣ Быковскомъ [4]); въ 1727 г. въ м. Фастовѣ [5]) былъ староста Якубъ Тиша [6]). Въ войскѣ Богдана Хмельницкаго отличался козакъ Тиша [7]); (здѣсь „Тиша", очевидно, ужъ личное имя, а не фамилія). Въ думахъ о Хмельницкомъ и Барабашѣ полковникъ Бѣлоцерковскій 1637-го г. называется то своимъ полнымъ именемъ—Климъ, то уменьшительнымъ—Клиша [8]). Въ 1649-мъ г. сотникъ Оржицкой сотни Кропивянскаго полка назывался Матюша [9]). При Выговскомъ былъ козакъ Груша [10]).

---

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи т. 4-й, ч. I, (Кіевъ 1871), стр. 108, 232—235, 243—247, 381—384, 443, 596; Архивъ т. 1-й, ч. IV, (Кіевъ 1867), стр. 333, 335. Было это имя и въ Галичинѣ, гдѣ до сихъ поръ есть село Павшевка.

[2]) Пишется то „Тыша", то „Тиша"; имя „Тихонъ" и его другія уменьшительныя (Тихно, Тишко) пишутся въ малорусскихъ документахъ такъ же то съ *и* то съ *ы*.

[3]) Архивъ юго-зап. Россіи т. 1-й, ч. III, (Кіевъ 1863), стр. 210, 211, 212.

[4]) Кіев. Стар. 1882, нб., стр. 357.

[5]) Фастовъ находится, конечно, въ Кіевщинѣ, но вѣдь по мнѣнію Соболевскаго она не только въ 1727-мъ году, но еще за долго до того времени была лишена своего старо-кіевскаго населенія, и въ ней жили пришлые галичане и волыняне, такъ что и по его мнѣнію ссылаться на Кіевщину того времени—все равно, что ссылаться на Галичину и Волынь.

[6]) Архивъ юго-зап. Россіи, т. 4-й, ч. I (Кіевъ 1871), стр. 518.

[7]) Ригельманъ: лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, изд. 1848 (Москва), часть I, стр. 121.

[8]) Антоновичъ и Драгомановъ: Историческія пѣсни малорусскаго народа, т. II, (Кіевъ 1875), стр. 3, 8, 17. Теперь есть фамилія Клыша: Тымохвій Клыша—козакъ Лубенскаго уѣзда. См. „Полтавскія Губер. Вѣдомости" 15 іюля 1898 г № 151.

[9]) Максимовичъ: Собраніе сочиненій, т. I (Кіевъ 1876), стр. 714.

[10]) Конечно, имя Груша могло бы происходить просто отъ нарицательнаго „груша" (die Birne). Но у Ригельмана (II, стр. 6) сказано такъ: „Виговскій послалъ трехъ козаковъ: Павла, Петра и Грушу". Употребленіе имени „Груша" наряду съ „Павло" и „Петро", думаемъ, ясно показываетъ, что имя третьяго казака есть имя крестное,—то самое, которое имѣетъ еще другія уменьшительныя формы: Грушъ, Грунь, Грушко, Грунько. (Кіевскій мѣщанинъ Грунь Ивановичъ или Грушъ Ивановичъ упоминается въ актѣ Бориспольскаго мѣйскаго уряда „Кіев. Стар." 1892, апрѣль, приложеніе, стр. 4 и 5).

Приблизительно въ то же время жилъ въ Брацлавѣ протопопъ Ракуша [1]),—имя, напоминающее лѣтописное имя Ракоша [2]), а если удареніе на „Ра", то и совпадающее съ нимъ [3]). Въ началѣ 17-го вѣка жилъ недалеко отъ мѣстечка Черемошны (Бердич. уѣзда) панъ Завиша [4]). Въ Пирятинской описи 1690-го года значится Ярема Буша, господарь въ Пирятинѣ [5]). Въ запорожскихъ походныхъ журналахъ прошлаго вѣка записанъ судебный процессъ (съ 1745-го г.), герой котораго—войсковой писарь (впослѣдствіи войсковый товарищъ) Петруша [6]). Въ показаніяхъ уніатскихъ священниковъ 1752—1768 г. отмѣчается галицкій русинъ Порвиша (иначе—Порвишко) [7]). Въ купчихъ записяхъ полтавскихъ козаковъ прошлаго вѣка встрѣчаются имена: Кируша [8]), Куруша [9]), Труша [10]). Такимъ образомъ мы, взявши нѣсколько первыхъ попавшихся книгъ и раскрывая ихъ наудачу то на той, то на другой страницѣ, легко могли ука-

---

[1]) Ригельманъ, II, 123 и 124.

[2]) Глѣбъ Ракошичь жилъ въ Кіевѣ при князѣ Изяславѣ Давидовичѣ. Ипат. лѣт. 341; Соловьевъ: Исторія Россіи (1869), II, 230.

[3]) Потому что неударное *о* во второмъ слогѣ легко могло перейти въ *у* по законамъ малорусской фонетики. Имя „Ракуша", впрочемъ, не характерно и можетъ быть исключено изъ нашего списка.

[4]) Отъ какого имени происходитъ уменьшительное „Завиша" и его разновидность „Завихно", мы не знаемъ въ точности. Вѣроятнѣе всего отъ имени „Завидъ", которое великорусскіе этнографы относятъ къ числу т. н. некалендарныхъ именъ.

[5]) Кіев. Стар. 1890, дек., стр. 446.

[6]) „Какъ судили и рядили съ запорожской сѣчи" А. Скальковскаго. Кіевск. Стар. 1886, мартъ, стр. 604 и сл. Документы о Петрушѣ—стр. 608—609.

[7]) Архивъ юго-зап. Россіи, т. 4-й, ч. I, стр. 535.

[8]) И. Лучицкій: Сборникъ матеріаловъ для исторіи общественныхъ земель и угодій въ Лѣвобережной Украинѣ (Полтав. губ.). Универ. Извѣстія 1883 и 1884 г., стр. 119.

[9]) Тамъ же, стр. 92.

[10]) Тамъ же, стр. 53. Въ настоящее время, какъ извѣстно, обычное малорусское уменьшительное отъ „Трохимъ" будетъ „Трушко" и „Трушъ" (съ окончаніемъ мужескаго склоненія). Такъ, одинъ извѣстный кобзарь (о немъ статья въ „Кіевск. Стар" 1882, т. III, стр. 262 и сл.), учитель Остапа Вересая, назывался Трушъ. Въ документахъ, изданныхъ г. Лучицкимъ, встрѣчается и „Труша" и „Трушъ", —напр., на стр. 29. Къ этой нашей замѣткѣ мы еще разъ возвратимся ниже.

зать г. Соболевскому (въ параллель къ его тремъ старо-кіевскимъ именамъ) десятка четыре малорусскихъ именъ на *ша* изъ разныхъ періодовъ малорусской исторіи [1]). Укажемъ здѣсь же нѣсколько малорусскихъ фамилій, которыя существуютъ и теперь, но образовались раньше нынѣшняго вѣка. Въ Черниговщинѣ есть фамиліи: Борейша [2]), Дейша [3]), Корейша [4]), Тыша-Тыщинскій [5]), Петруша [6]). Въ Кіевщинѣ есть фамиліи: Кате-

[1]) Просимъ читателей помнить, что мы ограничились именно первыми попавшимися книгами и лишь бѣгло ихъ перелистали: не то могли бы свободно представить г. Соболевскому нѣсколько *сотенъ* такихъ малорусскихъ именъ. Жалѣемъ, что у насъ нѣтъ здѣсь въ Сиріи „Указателя собственныхъ именъ (Новицкаго) къ изданіямъ Временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ". Изъ него, очевидно, можно было бы почерпнуть немало данныхъ.

[2]) Напр., Вѣра Борейша, попечительница народной школы въ Пирятинскомъ у. Полтав. губ. отмѣчена въ памятной книжкѣ Кіевскаго учебнаго округа за 1896-й годъ. Фамилія старинная. Панъ Иванъ Борейшевичъ послалъ, вѣроятно, около половины XVI в., „листъ" въ Печерскую Лавру (Кіев. Стар. 1886, іюнь, стр. 298).—Отъ того же имени, отъ какого образовано уменьшительное „Борейша" (т. е., очевидно, отъ Борисъ), производится уменьшительное съ окончаніемъ *ко*. Напр., Dyarynsz Сярчинскаго въ концѣ прошлаго вѣка называетъ подолянина Борейка, посла на сеймъ 1791-го года (Универ. Извѣстія, 1883, октябрь, приб. IV, стр. 219); въ половинѣ 18-го в. извѣстенъ подолянинъ Фелиціанъ Борейко (Кіев. Стар. 1886, іюль, 569); въ православномъ волынскомъ съѣздѣ 1710 г. участвовалъ волынскій дворянинъ Янъ Борейко Кнерульскій (Архивъ юго-зап. Р., т. I, ч. IV, стр. 362); въ овруцкихъ книгахъ гродскихъ записанъ въ числѣ протестующихъ православныхъ 1699-го года Самуэль Борейко (Арх. ю.-з. Р., т. 1-й ч. IV стр. 348).

[3]) Въ той же Черниговской губ., а кромѣ того въ Полтавской, есть фамиліи того же корня: Дейко, Дейкунъ, а въ Проскуровѣ (Под. губ.)—Дейчукъ. Чубинск., т. VI, стр. 266.

[4]) Иванъ Корейша—народный учитель въ Борзенскомъ у. Черниговской губ.; Ефимъ Корейша—народный учитель въ Константиноградскомъ у. Полт. губ. См. памятную книжку Кіевск. учебн. округа на 1896-й годъ.

[5]) Извѣстенъ малорусскій писатель этой фамиліи, умершій года два назадъ. „Тыщинскій" произведено отъ „Тышко", и такимъ образомъ въ обѣихъ составныхъ частяхъ фамиліи „Тыша-Тыщинскій" заключается указаніе на имя „Тихонъ". Срв. подобное же образованіе въ двойныхъ фамиліяхъ: Ворона-Воронинскій, Дробышъ-Дробышевскій, Гарничъ-Гарницкій и др.

[6]) Козакъ Анастасій Петруша—попечитель народной школы въ Борзенскомъ у. Черниг. губ (Пам. книжка Кіев. уч. округа на 1896-й г.). Въ г. Васильковѣ Кіев. губ. живетъ крестьянинъ Петруша (сообщ. Г. А. Иванецъ).

руша [1]), Бутша [2]), Поликша и Кукша [3]). Въ Подольской губ.: Садоша [4]), Конша [5]), Макейша [6]), Матюша [7]) Въ Харьковщинѣ – Хоша [8]).

Переходимъ къ современнымъ малоруссамъ, относительно которыхъ г. Соболевскій прямо утверждаетъ, что имъ уменьшительныя имена на *ша* чужды. Пожалуй, можно отмѣтить то обстоятельство, что въ настоящее время уменьшительныя на *ша* вытѣсняются именами съ мужескимъ окончаніемъ *шъ* (Дорошъ, Илляшъ, Степашъ, Грушъ, и пр.) [9]), *усь* (Петрусь, Павлусь и др.) и въ особенности именами на *ко* (Илько, Степко, Грицько и т. п.) [10]), но утверждать, будто у малороссовъ

[1]) Крестьянинъ Черкасскаго уѣзда Кіев. губ. См. Б. Гринченко: Этнографическіе матеріалы, т. II (Черниговъ 1896), стр. 339.

[2]) Чубинскій, т. VI, стр. 167. Выше было нами указано имя Буша у старинныхъ малоруссовъ, напр. въ 1690-мъ г. Происходитъ оно, очевидно, отъ Буславъ (Богуславъ).

[3]) Жители Таращанскаго уѣзда Кіев. губ. Поликша—волостной писарь въ с. Жидовская Гребля.

[4]) Сообщено покойнымъ Ю. Карповичемъ (родомъ изъ Ямпольскаго у.) Срв. великорусскія имена Садко и Садошка („Этнограф. обозрѣніе", кн. IX, стр. 169)

[5]) Сообщеніе Ю. Карповича. Это имя, не какъ фамильное, а какъ личное (очевидно, отъ Кондратъ) существовало и у великоруссовъ. „Этнограф. обозрѣніе", кн. XVI, стр. 126.

[6]) Крестьянинъ Макейшенко упомянутъ у Чубинскаго, т. VI, стр. 312. У великоруссовъ въ 16-мъ в. было имя Макуша или Макоша, которое г. Чечулинъ считаетъ некалендарнымъ. „Библіографъ" 1890, № 8, стр. 83.

[7]) Чубинскій, VI, стр. 365.

[8]) Степанъ Хоша—крестьянинъ купянскаго уѣзда. „Харьк. губ. Вѣд". 1897 с. 17 дек. № 324. „Хоша" отъ „Фотій".

[9]) Суфиксъ *шъ* (грамматичнѣе—*шь*) есть по мнѣнію Миклошича чисто малорусскій; по мнѣнію галицкаго ученаго А. Петрушевича онъ заимствованъ у западныхъ славянъ—мнѣніе высказано въ Przeględzie Archeologicznym. См. Кіев. Старина 1885, янв., 173; а вѣрнѣе будетъ считать его общерусскимъ. Суфиксъ *шь* охотно употребляется вм. *ша* въ силу того безсознательнаго соображенія, что именамъ мужескаго рода болѣе подобаетъ мужеское окончаніе, чѣмъ женское.

[10]) Выше мы имѣли случаи отмѣтить въ старыхъ малорусскихъ документахъ нѣсколько образчиковъ параллельнаго и довольно аналогичнаго образованія обоихъ уменьшительныхъ: и на ша и на ко (напр., Борейша и Борейко).

вовсе нѣтъ теперь уменьшительныхъ на *ша*, значитъ показывать свое незнаніе малорусскаго языка. Въ наибольшемъ ходу уменьшительныя на *ша* (напр. Иванюша) у сѣверо-восточныхъ малоруссовъ [1]), но, въ силу странной случайности, г. Соболевскій помнитъ объ этихъ малоруссахъ только тогда, когда ему хочется провозглашать тождество малорусскаго нарѣчія съ великорусскимъ [2]), и забываетъ ихъ тогда, когда такое забвеніе полезно для его гипотезы о великоруссизмѣ старыхъ кіевлянъ. Въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи уменьшительныя на *ша* не такъ обычны, но все же часты. Возьмемъ, напримѣръ, Полтавщину. Въ селахъ Лохвицкаго и Лубенскаго уѣзда [3]) еще можно встрѣтить отъ „Тымохвій" уменьшительное „Тымоша", хотя, разумѣется, господствуетъ „Тымишъ". Въ Кременчугскомъ уѣздѣ [4]) иногда еще слышится отъ „Матвій" уменьшительное „Матюша" [5]), отъ „Карпо"—„Карпуша" [6]), отъ „Тыхонъ"—„Тыша" [7]), отъ „Свырыдъ"—„Свырыдуша" [8]) отъ „Андрій"—„Андріяша" [9]). Въ южной Черниговщинѣ есть имя „Маша" [10]). Въ Харьковской губ,—„Горпуша" (Горпина) [11]). На Подольи въ

[1]) Чубинскій, т. VII, стр. 531.

[2]) См. Кіев. Стар. 1898, іюнь, стр. 361.

[3]) Сообщилъ Вас. Павлов. Цымбалъ, близко стоящій къ народу, уроженецъ с. Ковалей Лохвицкаго уѣзда. Въ настоящее время находится въ г. Звенигородкѣ Кіевской губ.

[4]) Сообщилъ мѣстный уроженецъ Григ. Антонов. Иванецъ, живущій теперь въ Васильковѣ Кіев. г.

[5]) Матюша Кулида, по уличному Лелекъ, живетъ на хуторѣ Кривуши Кременч. уѣзда.

[6]) Карпуша Кукоба—наймитъ, извѣстный г. Иванцу.

[7]) Тыша Сурыжыкъ, по уличному Куршакъ, живетъ теперь въ заштатномъ городкѣ Градижскѣ.

[9]) Свырыдуша Сурыжыкъ—братъ Тыши.

[9]) Г. Иванецъ подчеркиваетъ, что „Андріяша"—уменьшительное именно отъ „Андрій", а не отъ „Андріанъ".

[10]) Имя это фигурируетъ въ старой малорусской пословицѣ: „Поговорымо Машко, про людей, а люды про насъ ще й бильше". См. малорусскій журналъ „Зоря" 1894 г., № 23, стр. 505.

[11]) Ивановъ: Изъ области народныхъ малорусскихъ легендъ въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губ., стр. 126 и сл. („Этнографич. обозр.", кн. IX).

Ямпольскомъ уѣздѣ отъ „Кипріанъ" образуютъ уменьшительное „Кыша" [1]), а отъ „Антонина„—„Антоша" (при болѣе частомъ „Антоха"). На Волыни въ 60-хъ годахъ употреблялось имя „Улыша" и, вѣроятно, употребляется до сихъ поръ [2]), а я въ дѣтствѣ зналъ тамъ [3]) крестьянскаго мальчика Куземшу. И въ Галичинѣ не отсутствуютъ уменьшительныя на *ша*; такъ, есть тамъ имя „Маруша" [4]), „Грабынюша" (болѣе нѣжно „Грабынятко") [5]) Насколько близки для галицкаго русина имена на *ша*, можно судить по слѣдующему факту: въ „Кіевской Старинѣ" 1895-го года была статья г. Беньковскаго объ одномъ разбойникѣ по имени «Добрушъ»,—галичанинъ, рецензировавшій въ „Запискахъ Товарыства имени Шевченка" упомянутую статью, передѣлалъ „Добрушъ" въ „Добруша" [6]). Какъ видимъ, уменьшительныя имена на *ша*, въ изобиліи существовавшія у малоруссовъ въ прежнее время, продолжаютъ существовать у нихъ и теперь.

Въ заключеніе считаемъ умѣстнымъ коснуться еще малорусскихъ *нарицательныхъ* именъ на *ша*. Нижеслѣдующая таблица покажетъ намъ, что, будемъ ли мы видѣть въ «Мостиша», «Ратоша» уменьшительныя (вмѣстѣ съ г. Соболевскимъ), будемъ ли мы принимать ихъ за слова самостоятельнаго образованія, выражающія постоянное качество (подобно слову «святоша»),—и въ томъ и въ другомъ случаѣ имена «Мостиша» и прочія будутъ соотвѣтствовать духу малорусскаго языка [7]).

[1]) Сообщилъ мѣстный уроженецъ Луковскій (теперь учитель въ г. Васильковѣ Кіев. губ.).

[2]) Ив. Левицкій-Нечуй: Причепа. Львовъ 1889, стр. 209.

[3]) Съ с. Грозовѣ Острожскаго уѣзда.

[4]) См. статью В. Охримовича: „Про сільські прозвища". Житье і Слово 1895, т. III, стр. 304.

[5]) См. пѣсни, собранныя Теод. Анастазіевскою изъ Сапогова въ „Жіночій бібліотеці" (видае Н. Кобриньска), кн. III, Львовъ 1896, ст. 89—90. Контекстъ ясно показываетъ, что „Грабынюша" имя личное (произведенно, вѣроятнѣе всего, отъ „Евграфъ").

[6]) „Записки", т. XII, наукова хроніка, стр. 24.

[7]) Нижеломѣщенный списокъ составленъ мною всего изъ пятидесяти словъ,—количество, которое мнѣ кажется вполнѣ достаточнымъ; если бы оказалось нуж-

Билявша (и билявка)—особое насѣкомое (Libellula по Желеховскому); у великоруссовъ этого слова нѣтъ [1]).

Благоша—юродивый, «дурепыще» (Цымб.) [2]). Срв. великорус. «благуша» (дурачекъ, малоумный) Даль I, 80.

Бокша и бокуша (иначе: бочуля, бочыста корова)—см. объясненіе у Желех. I, 38. По-великорусски нѣтъ.

Брендуша (брендуля, брендушка)—а) изящная, опрятная женщина (срв. глаголъ «брендуваты», у Желех. «брындуваты»), б) цвѣтокъ Crocus vernus [3]). По великорусски нѣтъ; есть только „брындикъ" (ряз. и владим.) въ значеніи „щеголекъ", „франтикъ". Даль I, 117.

Брандюша [4])—crocus reticulatus [5]). По-великор. нѣтъ.

Братывша—переборчивый въ ѣдѣ (у Желеховскаго—братившлывый) [6]). По-великор. нѣтъ.

Волокуша — большой неводъ (Желех.). У великоруссовъ „волокуша" и „волока" (Перм. губ.)—нѣчто вродѣ саней и повозки для таски бревенъ. Даль I, 209.

Гнылоша и гнылуша. По-великор. перваго нѣтъ, а второе означаетъ „гниль" (Даль I, 319). Малорусскій словарь Желеховскаго показываетъ для обоихъ словъ свое спеціальное значеніе (прозвище третьей четверти мѣсяца и лѣнивая женщина), но

нымъ, то списокъ можетъ быть увеличенъ ad libitum. Составивши списокъ, я провѣрилъ его по словамъ Желеховскаго: оказывается, у Желеховскаго найдется половина приведенныхъ здѣсь словъ; я къ такимъ словамъ не буду давать подробныхъ объясненій, такъ-какъ читатель можетъ найти самъ нужныя свѣдѣнія у Желеховскаго. Правописаніе Желеховскаго переведено на то, которое принято въ Россіи.

[1]) Выраженіе: „у великоруссовъ этого слова нѣтъ" означаетъ и здѣсь, и ниже только то, что даннаго слова нѣтъ въ великорусскомъ *словарѣ Даля*.

[2]) Вас. Павл. Цымбалъ сообщилъ мнѣ, по-малорусски, толкованіе нѣсколькихъ словъ на ша, и я привожу его толкованія буквально.

[3]) Желеховскій пишетъ въ этомъ корнѣ то е, то ы,—смѣшеніе вполнѣ понятное, такъ-какъ неударныя е и ы у малоруссовъ обыкновенно не различаются.

[4]) Звукъ а (точнѣе: я, отвердѣвшее послѣ р) вм. е—обычное явленіе малорусской фонетики. Объ этомъ подробно см. ниже, въ главѣ четвертой.

[5]) Словарь Роговича въ запискахъ юго-зап. отдѣла Имп. Геогр. общ., т. I, стр. 120.

[6]) Желеховскій пишетъ „братівшливий".

извѣстно, что и по-малорусски они могутъ означать то же, что и великорусское „гнилуша". „Гнилушею" называется село, подаренное Мазепою Лизогубу въ 1689-мъ году [1]).

Гаркуша—то же, что „гаркавый", т. е. картавый [2]). Много историческихъ лицъ носили прозвище Гаркуша, напр., черниговскій полковникъ при Богданѣ Хмельницкомъ (въ 1651-мъ г.), извѣстный разбойникъ и др. У великоруссовъ „гаркуша" значитъ „крикунъ" (Даль I, 304).

Горбаша—холмистое мѣсто, „де скризь горбы" (Цымб.), иначе—горбатка. На Волыни есть село Горбаша [3]). У великоруссовъ, вѣроятно, нѣтъ этого слова.

Гопша—по значенію немного сильнѣе, чѣмъ „гопка". Чубинскій (т. VII, стр. 262) объясняетъ, что гопшею называется „худая, высокая и неуклюжая *женщина*" (що гопае), но на самомъ дѣлѣ это существительное общаго рода [4]). По-великор. нѣтъ.

Гудеша—особый видъ жука (гудыкъ, по Верхратскому, Melolontha solstitialis, у Желех.) Лаврентій Гудеша—житель г. Умани Кіев. губ. [5]).

Довбеша—„довбня", „довбешка".

Довгуша—особая муха. Есть въ Харьковщинѣ крестьянинъ Довгуша [6]).

Доброша—добрячище. Великор. „добруша". Даль I, 395.

Дядюша—„дядына" (тетка). Въ Полтавщинѣ есть фамилія Дядюша [7]).

[1]) Кіев. Стар. 1882, янв., стр. 105.

[2]) Россійсько-украінський словарь М. Уманця і Спілки (Львів 1894), т. II, стр. 10.

[3]) Упоминается въ жалобѣ 1611-го года. Архивъ Юго-Зап. Россіи, т. I, ч. 3, стр. 155.

[4]) По крайней мѣрѣ мнѣ приходилось слышать его въ муж. родѣ на Волыни. То же подтверждаетъ полтавецъ г. Цымбалъ.

[5]) „Кіевлянинъ" 1898, № 147.

[6]) Сообщилъ Г. А. Иванецъ.

[7]) Иванъ Яковлевичъ Дядюша живетъ въ Хорольскомъ уѣздѣ. См. „Полтав. губ. Вѣдомости" 1898 г. 5-го февр. № 28.

Катуша—пыточное орудіе (Желех.). У великоруссовъ только „катушка". Даль II, 713.

Кывша—кывунъ, кывуха, кывлывый (кокетливый). Есть фамилія Кывшенко (по-русски пишется „Кившенко",—напр., живописецъ). Великор. „кивуша" (=кивунья). Даль II, 721.

Кедруша (Жел.)—птица-кедровка, Corvus caryocatactes [1]). По великорусски нѣтъ.

Клапша—оборванецъ (клаптуля, клаптавый, клапшывый—у Жел.). По великор. нѣтъ.

Кобоша (Жел.)—круглая корзина (коба, кобка, кобеля). По великор. нѣтъ

Колоколуша—черемуха (Prunus padus). Въ словарѣ Даля (II, 751) это слово указано, какъ существующее у западныхъ великоруссовъ.

Кокоша. Обыкновенно это слово—женскаго рода и значитъ курица (срв. великорусское новгородское „кокша" въ томъ же значеніи, Даль II, 746; старорусское и соврем. галицкое кокошь, польск. kokosz). Въ Полтавщинѣ же „кокоша"—общаго рода, и такъ называется очень хорохорящійся человѣкъ; говорятъ пренебрежительно: „у, ты! кокоша убогый!" (Цымб.); срв. „кекотъ", „кокотень" (рѣзвушка), „кокотиты" (хорохориться).

Колотуша—кушанье, приготовленное изъ взбитаго творога и сметаны (Желех.). По великорусски это слово значитъ „водяная мельница". Даль II, 752.

Красоша—красавецъ, „красоха". По великор. нѣтъ.

Крывша и крывуша—кривногій. Михаилъ Крывша—житель г. Василькова Кіев. губ. [2]); Иванъ Крывуша—священникъ въ Черниговскомъ уѣздѣ [3]); Иванъ Крывуша—козакъ-помѣщикъ Прилукск. у. Полтав. губ. [4]). И по великорусски есть „кривуша". (Даль, II, 800, 2-й столб.).

[1]) По объясненію, полученному г. Верхратскимъ въ Десятинѣ (Галичинѣ), названіе это дано птицѣ за то, что она „йисть насинье кедры". Правда 1878, т. II, стр. 237.

[2]) Сообщилъ Г. А. Иванецъ.

[3]) См. Памятную книжку Кіевск. учебн. округа на 1896-й годъ.

сообщилъ Г. А. Иванецъ. Кромѣ того онъ знаетъ крестьянъ съ подобными прозвищами въ Харьковщинѣ.

Крякша — кряква. Великор. „крякуша". Даль II, 799, столб. 2-й.

Кукша—неуклюжій человѣкъ (общаго р.) По великорусски это слово ж. р. (Даль II, 819).

Крыкуша. См. разсказъ: „Черезъ крыкушу. Зъ народнихъ устъ" [1]).

Ливша—а) лѣвая рука, б) человѣкъ, дѣйствующій лѣвою рукой [2]),

Лукша—прибрежная кора подъ корнемъ дерева. Срв. старинное „лукно" (бобровая нора).

Макуша (Желех. по Федьковичу)—старая кокетка („макуха"). По великорусски значитъ „маковка". Даль II, 891.

Малюша—то же, что великор. „малуша" и западно-великорусское „малюшка". Даль II, 893.

Матуша—а) матушка, б) тетка (Желех.), вѣроятно, съ материнской стороны.

Мылуша—милочка. Есть въ Полтавщинѣ фамилія Мылуша [3]).

Мурмоша (иначе «мурмоса»)—дующійся и ворчунъ. Срв. „балакае, якъ мурма" (Цымб.).

Паноша—баричъ (иронич.). У Желеховскаго (вѣроятно, подъ польскимъ вліяніемъ) истолковано, какъ собирательное. По великор. нѣтъ.

Пакыша—неуклюжій. По-великорусски „пакша", „пакуша". Даль III, 5. Срв. „пакля" (неуклюжая рука).

Перкоша—драхва. По объясненію, записанному г. Верхратскимъ, „самець (драхвы), якъ токуе, крычыть: перкъ, перкъ!" [4]) По-великорусски нѣтъ.

Правоша (иронич.)—хозяйничающій, заправило. (Отсюда глаголъ „правошыты"). По-великорусски нѣтъ.

[1]) Правда (галицкая) 1895, См. „Зара" 1895, стр. 340.

[2]) Примѣчаніе Желеховскаго, что „ливша" есть несклоняемое, простая описка, или опечатка.

[3]) Данило Мылуша—крестьянинъ Золотоношскаго уѣзда. „Полтав. Губ. Вѣд." 1898 г. 13 янв. № 9.

[4]) Правда 1878, т. II, ст. 240.

Правша—а) противоположность лѣвшѣ, б) правая рука. У Желеховскаго первое значеніе не показано.

Пукыша—толстый ребенокъ (срв. напу́катысь—наѣсться до-отвалу, „пукатый"—толстый). У Желех. „пукишка" [1]) съ *і* вѣроятно, въ силу небнаго произношенія *к*, хотя возможно, что „пукишка"=„пукôшка" (въ такомъ случаѣ это послѣднее слово происходитъ отъ предполагаемаго „пукоша"). По-великор. нѣтъ, а слово „пукша" означаетъ птицу сою. Даль III, 492.

Ревша—рева, ревунъ. По великор. „ревуша". Даль IV, 46.

Ропша (отъ „ропа")—торфъ (Желех). По-великор. нѣтъ.

Серуша—is, qui saepe cacat.

Сыводракша—птица Coracias qarrula, „сыводрака" [2])

Скупоша—скупецъ (Жел).

Смакоша—любитель смаковать („смакунъ").См. „Жиноча библіотека", кн. III, стр. 107. Польск. smakosz.

Святоша—то же, что и по великор. Срав. Б. Гринченко: Этнографич. матеріалы, т. II, стр. 153; Рудченко: Сказки: т. I стр. 46.

Сынаша (и „сынашъ", съ муж. оконч.)—сынокъ. [3])

Трабша—бѣгущій рысью („трабомъ") Фамилія „Трабша" распространена въ Малороссіи [4]).

Черкуша—особая порода сливъ. По великорусски такъ называется сошка съ желѣзнымъ зубомъ. Даль IV, 542.

Юноша—а) молодой человѣкъ (Желех.), б) холостякъ (сообщено г. А. Борковскимъ изъ народныхъ устъ. См. Желех. II· 1109). Въ великорусскомъ употребленіи это слово, кажется' заимствовано изъ церковнаго языка.

Достаточно просмотрѣть эту полусотню малорусскихъ словъ на *ша*, чтобы составить заключеніе о ихъ смыслѣ: а) они

[1]) Записано г. Верхратскимъ.

[2]) Форма, записанная г. Верхратскимъ въ Подольской губерніи. Правда 1878, т. II, стр. 237.

[3]) Г. Иванецъ пишетъ мнѣ „Сынашею меня называли въ дѣтствѣ дома, и въ другихъ семьяхъ въ Кременч. уѣздѣ я слышалъ эту форму, употребляемую для выраженія ласки".

[4]) Напр., Владиміръ Трабша—б. учитель Лубенской гимназіи. Есть Трабши въ Кіевѣ Кіев. Стар. 1895. янв., отд. II, стр. 18.

бываютъ формой ласкательной,—не то уменьшительной, не то скорѣе увеличительной, [1]), б) они выражаютъ усиленное, интенсивное, постоянное качество или дѣйствіе (подобно словамъ на *тель* и *унъ*). Оба значенія въ тѣсной связи между собою, и напримѣръ „благоша" одинаково служитъ ласкательнымъ къ „благый", какъ и обозначеніемъ человѣка, всегда благого Старокіевскія имена „Мстиша", „Ратьша" „Путьша", понимать ли ихъ какъ прозвища, обозначающія постоянное качество („мститель", «воитель», «путникъ», или „путный—порядочный"),—во всякомъ скучаѣ они вполнѣ въ духѣ малорусскаго языка.

Итакъ, достаточно было бы г. Соболевскому взглянуть въ Волынскую лѣтопись, въ нѣсколько книгъ или документовъ по исторіи Малороссіи, да въ словарь Желеховскаго, и ему стало бы ясно, что странно говорить, будто имена на ша чужды малоруссамъ [2]). Г. Соболевскаго ослѣпило и лишило проницательности тенденціозное, предвзятое мнѣніе о великорусскости древнихъ кіевлянъ, и сбылось предсказаніе незабвеннаго Потебни, что „предположеніе, закинутое далеко напередъ болѣе

[1]) Что увеличительная форма имени выражаетъ ласку, вещь общеизвѣстная Слуга Андрея Боголюбскаго назывался Кузьмище (Ипат. лѣт 400—401). Въ былинахъ встрѣчаются ласкательныя названія: „сильный Иванище" (Кирѣевскій, 1, стр. 18); Илья Муромецъ (Гильфердингъ, № 4 и № 48) привѣтливо величаетъ калику: „Ты, Иванищо, да е могучіи" или „здравствуй, сильноё, могучо ты Иванище". См. еще у Гильфердинга № 245: „славно Иванище"; также № 15 у Рыбникова, и пр., и пр., и вездѣ къ этому Иванищу пѣвцы относятся сочувственно. Увеличительный суффиксъ *ина* (великор. „домина", малор. „хлопчына") образуетъ ласкательную форму именъ собственныхъ: Кузьмына (заглавіе одной сказки В. Чайченка), Иванына, (Иванина, или Иванъ Берлинскій—подолянинъ около 1551 года, —Грушевскій: Барское староство, стр. 182), Федына (въ документѣ 1767 г., — Лучицкій: Сборн. матер. для истор, общ. землевл., стр. 190), Грыцына(такъ называется одинъ галичанинъ,—Зоря, 1885, стр. 84), Марусына (т. е. Маруся) — имя, встрѣчающееся въ пѣсняхъ. Увеличит. суффиксъ *ища* (срв. малор. „хлопыця"—мужичище, „братыця"—братище) встрѣчается въ собственныхъ именахъ: Иваныця (Полт. актъ прошлаго вѣка,—Лучицкій, назв. соч., стр. 250), попъ Микулиця (во Владимірѣ на Клязьмѣ при Андреѣ Боголюбскомъ,—Ипат. лѣт. 402). Собственныя имена: Сашура, Матюра (въ актѣ 1650 г., Кіев. Стар., мартъ, 489) составлена по образцу: „ципура" (цѣпище), „чапура" (цаплища, отъ „чапля").

[2]) Это утвержденіе находится въ обоихъ изданіяхъ „Лекцій": 1888 и 1891 гг.

основательныхъ фактическихъ изслѣдованій, по свойственной людямъ склонности поставить на своемъ, можетъ дать одностороннее пристрастное направленіе будущимъ работамъ автора" [1]).

Объ именахъ на сь и ся.

Въ параллель къ старокіевскимъ мнимо-немалорусскимъ именамъ на *ша* г. Соболевскій находитъ или старается найти старыя галицкія и волынскія имена: Волъдрись (и производитъ его отъ „Володарь"), Блюсь и Митуса (въ нихъ онъ видитъ „Блюсь" и „Митуся"). Имена на сь, ся, по мнѣнію г. Соболевскаго, спеціально малорусскія, и разъ ихъ нѣтъ въ старо-кіевскихъ памятникахъ, то это должно доказывать, что старые кіевляне не были малоруссами, а если теперь такія имена есть „около Днѣпра", то это значитъ, что современные жители Кіевщины пришли изъ Галичины и Волыни.

Для оцѣнки общенаучныхъ пріемовъ г. Соболевскаго обратимъ вниманіе на два пункта: 1) Самъ г. Соболерскій (ставя вопросительный знакъ при „Володарь") питаетъ нѣкоторое сомнѣніе на счетъ „Волъдрися", а имена „Блюсь" и „Митуся" прямо создаетъ отъ себя, какъ гипотезу, а затѣмъ, чтобы доказать другую гипотезу о великорусскости старыхъ кіевлянъ, ссылается на первую гипотезу, т. е. доказываетъ неизвѣстное неизвѣстнымъ. 2) Видитъ онъ доказательство въ умолчаніи. Ну, а если въ старомъ Кіевѣ *были* таки ласкательныя на сь, то развѣ они *непремѣнно должны были* попасть и въ лѣтопись?

Филологическія знанія и филологическіе пріемы г. Соболевскаго характеризуются здѣсь тоже двумя обстоятельствами: 1) онъ говоритъ, что уменьшительныя на сь, ся—спеціально малорусскія, тогда какъ они общерусскія, 2) въ созданіи именъ

[1]) Извѣстія Академіи Наукъ (отдѣл. русск. языка и слов.) 1896, т. I, кн. 4. стр. 807. Наклонность настаивать на своемъ до того сильна у г. Соболевскаго, что во 2-мъ изданіи „Лекцій" сохранены странности 1-го изданія, указанныя съ полной очевидностью такимъ авторитетнымъ лицомъ, какъ Ягичъ.

„Волъдрись", „Блюсь" и „Митуся" допущенъ г. Соболевскимъ рядъ грубыхъ ошибокъ и странностей.

Уменьшительныя на сь, ся (напр., Петрусь, Маруся), дѣйствительно, существуютъ въ малорусскомъ нарѣчіи [1]). Но они въ изобиліи существуютъ также въ нарѣчіи бѣлорусскомъ, „которое, *конечно*, есть часть великорусскаго нарѣчія" [2]), существуютъ и въ великорусскомъ. Въ словарѣ Даля (I, 29) отъ „баба" показано великорусское уменьшительное „бабуся", „бабусенька" и приведена также пословица: „Была бъ моя бабуся—никого не боюся". Отъ „дѣдъ" (Даль I, 454) уменьшительное „дѣдуся"; твердое слово „дидко" Даль поясняетъ (I, 387) словомъ: „дѣдусь",—значитъ, на его взглядъ форма „дѣдусь"—одна изъ наиболѣе обычныхъ и удобопонятныхъ для великорусса. Отъ „мать" (Даль II, 905)—великорусское уменьшительное „матуся" (южн. и зап.) и отъ „мама"—„мамуся"; отъ „мама" есть еще уменьшительное „мамусь" или "мамысь" (костромское,—Даль II, 895). Въ параллель къ „мамысь" укажемъ московское слово „мурысь", т. е. малорослая женщина (Даль II, 954, 2-ой столб.) [3]). Отъ—„тетка"—уменьшительное „тетуся" (Даль IV, 369, 1-й ст.). Отъ „тата" [4]) уменьшительное „татуся" (Даль IV, 417). Въ Москвѣ употребляются ласкательныя: „милуся" (и „милушка") и „дуся" [5]). И такъ, эта

[1]) Замѣтимъ кстати, что уменьшительныя на сь, ся (Петрусь, Маруся), чрезвычайно распространенныя въ Полтавской губ., очень рѣдки въ *Кіевской* губ., и насколько мнѣ извѣстно, среди *крестьянъ* Кіевщины они и вовсе не встрѣчаются. Должно быть, это обстоятельство извѣстно было и г. Соболевскому, когда онъ вмѣсто „Кіевская губ." употребилъ неопредѣленное выраженіе: „около Днѣпра" (Лекціи, 2-е изд., стр. 255).

[2]) Выраженіе самого г. Соболевского „Лекціи", стр. 2.

[3]) При случаѣ отмѣчаемъ, что подобно тому, какъ окончаніе ся (ж. р.) чередуется у великоруссовъ съ сь, окончаніе ша чередуется у нихъ съ шь. Напр., наряду съ „матуша" есть калужское „матушь". Даль II, 905.

[4]) Для тѣхъ, кто вообразилъ бы, будто это слово не чисто великорусское, сообщимъ (по Далю IV, 359), что оно употребляется даже въ губерніи архангельской и псковской.

[5]) Фабричная подмосковная пѣсня поетъ:

Два годочка миновало,
Съ милымъ я въ лѣсу гуляла.

форма уменьшительныхъ именъ не есть исключительно малорусская, но есть *общерусская*; присутствіе ея въ галицко-волынской лѣтописи само по себѣ не могло бы еще служить доказательствомъ малорусскости старыхъ галичанъ и волынянъ, равно какъ присутствіе этой общерусской формы теперь около Днѣпра не можетъ свидѣтельствовать о галицко-волынскомъ происхожденіи современныхъ приднѣпровцевъ.

Но этой формы вовсе и нѣтъ въ галицко-волынской лѣтописи. Присмотримся ко всѣмъ тремъ именамъ, которыя предлагаетъ г. Соболевскій: 1) Волъдрись, 2) Блюсъ и 3) Митуса.

1) *Волъдрись*. Г. Соболевскій думаетъ, что отъ „Володарь" можетъ быть уменьшительное „Волъдрись". Не такъ еще давно А. Вельтманъ [1]) доказывалъ, что если съ умѣньемъ прочитать имя „Кыяне", то выйдетъ „Guni" и „Huni", и поэтому гунскаго царя Аттилу онъ титуловалъ: „Аттила, великій князь Кіевскій и всея Руси самодержецъ" [2]). Г. Соболевскій, образуя отъ „Володарь" уменьшительное „Волъдрись", показалъ, что попытки гг. Вельтмановъ еще не отошли въ область преданія: ни одинъ филологъ не пойметъ, почему звукъ *о* (Вол*о*дарь) перешелъ въ *ъ* (Вол*ъ*дрись), куда дѣвалось *а* послѣ *д* (бывшее въ Волод*а*рь) и откуда передъ *сь* появилось *и* (Волъдр*и*сь). Но на самомъ дѣлѣ имени „Волъдрись" и не было никогда. Единственное мѣсто Ипатьевскаго списка лѣтописи, содержащее въ себѣ имя даннаго лица, читается вотъ какъ [3]): „посла сѣдѣльничего своего по невѣрныхъ Молибоговичихъ и по Волъдрисѣ". Не трудно сообразить, что „по Волъдрисѣ" значитъ: „по Ольдрихѣ" [4]), причемъ начальный призвукъ *в*, чрезвычай-

---

Онъ шепталъ мнѣ: „Моя дуся!
На тебѣ, ей-ей, женюсь я".

Хотя ш въ „душа" принадлежитъ корню, но отношеніе между „дуся" и „душа" совершенно такое же, какъ напримѣръ, между „Маруша" и „Маруся".

[1]) А. Вельтманъ: Аттила и Русь IV и V вѣка. Москва 1858.

[2]) Назв. соч., стр. 119.

[3]) Это стр. 509-ая; на нее ссылается и г. Соболевскій.

[4]) Если-бы имен. падежъ былъ Волъдрись, то мѣстный падежъ, по правилу, оканчивался бы не на *ѣ*, но на *и* и былъ бы: по Волъдриси. Правда, Ипатьевскій

но любимый малоруссами, здѣсь почти неизбѣженъ, ради устраненія зіянія между двумя *о* („по *О*лъдрисѣ"). Имя „Ольдрихъ"—совершенно обычное имя у западныхъ славянъ [1]). Въ Галичинѣ и на Волыни, какъ извѣстно, всегда въ изобиліи циркулировали западныя имена, а тѣмъ болѣе при Даніилѣ, при которомъ происходилъ цѣлый наплывъ иноплеменниковъ, и среди бояръ были и чехи, и ляхи, и угры; Ольдрихъ жилъ при Даніилѣ и былъ, судя по лѣтописи, бояриномъ.

2) *Блюсъ*. Г. Соболевскій понимаетъ это начертаніе какъ „Блюсь". Начнемъ съ того, что въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи, въ которомъ встрѣчается это имя и на который ссылается г. Соболевскій, написано не „Блюсъ", а „Блусъ", съ *у* послѣ *л* (585). Умышленно ли совершилъ г. Соболевскій это искаженіе [2]) или неумышленно, мы во всякомъ случаѣ должны принять къ свѣдѣнію, что на ссылки г. Соболевскаго не всегда можно полагаться [3]). Во вторыхъ отмѣтимъ, что къ предложенной

списокъ изрѣдка (какъ исключеніе) предлагаетъ *ѣ* и въ мягкомъ склоненіи, но филологу необходимо имѣть предвзятую мысль, чтобы видѣть исключеніе какъ-разъ въ начертаніи „по Волъдрис*ѣ*", если въ *сосѣднемъ* же „Молибоговичихъ" вполнѣ правильно соблюдено окончаніе мягкаго склоненія. Пожалуй, имя „Волъдрись" усмотрѣлъ и составитель печатнаго указателя къ Ипатьевскому списку, но у того это вышло по его филологическому невѣжеству, равно какъ и много другихъ ошибокъ (напр., отъ дат. падежа „Орева" онъ образовалъ имен. пад. не „Орь" но „Орева"; отъ вин. пад. „Митусу" им. падежъ у него не „Митуса", но „Митусъ", и т. д., и т. д.); весь указатель переполненъ ошибками.

[1]) Напримѣръ, всѣмъ извѣстенъ изъ исторіи чешскій князь Oldřich, который въ 1012-мъ г. изгналъ брата своего Яроміра, сталъ одинъ царствовать надъ чешскою землею и умеръ въ 1037-мъ г.,—тотъ Otdřich, о которомъ первый номеръ краледворской рукописи говоритъ:

veleslwny kniéže!
Bóh ti buiarost da u wše údy,
Bóh ti da viehlasy w buinu hlavu!

(Rukopis Kralodworsky, od Wáclawa Hanky, w Praze. 1835, стр, 1).

[2]) Дѣйствительно, форма „Блюсь" звучала бы какъ-то больше въ малорусскомъ духѣ, чѣмъ „Блусь".

[3]) Въ такомъ случаѣ его „Лекціи", лишенныя значенія своими невѣрными толкованіями фактовъ, не имѣютъ большого значенія даже какъ сборникъ сырыхъ матеріаловъ.

г. Соболевскимъ формѣ „Блюсь“ трудновато подыскать основную, не уменьшительную форму имени; г. Соболевскій, обращая „Блусъ“ въ „Блюсь“ и считая „Блюсь“ за *уменьшительное*, долженъ былъ высказать соображенія, по которымъ „Блюсь“ могло бы дѣйствительно считаться за уменьшительное; а то вѣдь если уменьшительною формою мы будемъ считать всякое слово съ окончаніемъ сь, то старинное сѣверно-русское имя города Олоньсь (соврем. Олонецъ) тоже должно быть признано за уменьшительное. Далѣе спросимъ: имѣлъ ли г. Соболевскій какія-нибудь основанія считать окончаніе съ въ „Блусъ“ за сь. Нѣтъ, не имѣлъ: лѣтопись вѣдь пишетъ: „Блусомь“, т. е. склоняется „Блусъ“ по твердому склоненію, а не по мягкому. Если же по мнѣнію г. Соболевскаго достаточно какому-нибудь имени имѣть окончаніе съ, чтобы считаться за уменьшительное на сь, то филологическому произволу открывается такой просторъ, при которомъ не только въ Галичинѣ и на Волыни, но и во всякой русской области отыщутся уменьшительныя на сь, въ томъ числѣ въ Кіевской, и такимъ образомъ галицко-волынская гипотеза г. Соболевскаго будетъ поражена его же принципами, а кромѣ того возникнетъ множество филологическихъ странностей. Въ старомъ Кіевѣ было, напр., имя Борисъ; кто принимаетъ „Блусъ“ за уменьшительное, тотъ съ еще большимъ правомъ долженъ принять „Борисъ“ за уменьшительное отъ „Борихъ“ [1]). Имя бога Волоса придется, по методу г. Соболевскаго, считать за уменьшительное отъ „володь“ (волосы) [2]), или отъ «володарь» (властелинъ); или отъ „волотъ“ (исполинъ); а другая форма этого божьяго имени „Велесъ“ окажется уменьшительнымъ отъ «велетъ» (исполинъ) или отъ „велеславъ“, и эта гипотеза привлекательнѣе „блюсевской“ ужъ

[1]) Борихомъ называется Борисъ въ угорскихъ лѣтописяхъ. См., напр., у Туроца (Turocz: chron. Hung., c. LXIV): „Borich, itaque ascito Ruthenorum Polonorumque auxilio“... и т. д. Рѣчь идетъ о князѣ Борисѣ Коломановичѣ, сынѣ дочери Владиміра Мономаха.

[2]) Матеріалы для словаря древне-русскаго языка—И. Срезневскаго. СПБ 1893, т. I, стр. 291 („густою володію“).

по тому, что у малоруссовъ дѣйствительно существуетъ имя „Велесь“ [1]). Имя бога солнца „Хръсъ“ также окажется уменьшительнымъ (срв. зендское hvare, санкр. svar, перс. chûr). Найдутся такія уменьшительныя и на далекомъ сѣверѣ: лѣтописный „Синеусъ“ [2]), былинный „Бермасъ“ [3]). Филологъ осторожный, конечно, не найдетъ возможности видѣть въ „Блусѣ“ и въ подобныхъ именахъ уменьшительныя типа „Петрусь“; но г. Соболевскій, для котораго Блусъ=Блюсь, долженъ признать перечисленныя нами имена какъ разъ за уменьшительныя типа „Петрусь“ и, тѣмъ самымъ, признать форму на сь за *общерусскую*, не исключительно галицко-волынскую.

3) *Митуса* (Ипат. 528). Еще Максимовичъ [4]) предположилъ, что „Митуса“ есть сокращеніе имени „Димитрій“; но, зная хорошо малорусское нарѣчіе, онъ и не подумалъ сказать, чтобъ окончаніе *са* нужно было принимать за *ся*. Г. Соболевскій, напротивъ, принимаетъ „Митуса“ за „Митуся“, не зная или упуская изъ виду, что суфиксы *са* и *ся* далеко не тождественны по значенію. Имена на *ся* имѣютъ смыслъ уменьшительный, тогда-какъ имена на *са* бываютъ: а) обозначеніемъ предметовъ, въ которыхъ какое-нибудь качество очень прочно, или которые постоянно повторяютъ одно и то же дѣйствіе, б) формой увеличительной, или ласкательной. Вотъ примѣры какъ малорусскіе, такъ и великорусскіе: плакса, крикса, рюмса, бекса, хныкса, кукса, мытуса [5]), лытуса, мурмоса (бурмоса), мом-

[1]) Встрѣчается въ актѣ 1596-го года. Архивъ Юго-Зап. Россіи, т. I, ч. 3-я, стр. 102.

[2]) Русская передѣлка скандинавскаго имени Сніо или Синніутеръ. Погодинъ. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи. М. 1846, т. II, стр. 68—69.

[3]) Вав. Миллеръ и Н. Тихонравовъ: Русскія былины старой и новой записи М. 1894, II, стр. 169, 170, 171. Обыкновенно же Бермасъ называется въ былинахъ Бермятою или Берметею.

[4]) Основа 1861, іюнь, VI, 19 и въ Собраніи сочиненій, т. I (Кіевъ 1876), стр. 129.

[5]) Суетливый, непосѣда, егоза. Не исключена возможность, что и лѣтописное имя Митуса образовалось отъ нарицательнаго, а не отъ „Димитрій“.

са, мамса, мамыса (костромское) [1]), стырса (=стырта), кырса (=кырта), дудаса, выкрутаса, малюса, дубаса [2]), мордаса и т. д., и т. д. Какъ видимъ, образованіе именъ на *са* аналогично съ образованіемъ на *ша*; а у нѣкоторыхъ именъ параллельно существуютъ въ одномъ и томъ же значеніи обѣ формы, на *ша* и на *са*, (напр., бекса и бекша [3]) кукса и кукша, мурмоса и мурмоша, лытуса и лытуша [4]), изъ чего дѣлается еще болѣе ясною взаимная близость этихъ формъ и отдаленность *са* отъ *ся*.

О буцахъ и гуцалахъ.

„Отсюда (т. е. оттого, что Кіевщину заполнили галицкіе переселенцы) у жителей Черкасскаго уѣзда Кіевской губерніи слово гуцалы́ (это—искаженное галицкое гуцулы), употребляемое ими для своихъ сосѣдей на востокѣ, и слово буцы́ (это—искаженное старое галицкое бо́йци—бойки), которымъ они пользуются для означенія сосѣдей съ запада—подолянъ. См. Труды этнограф.—статистич. экспедиціи въ западно-русскій край, собр. Чубинскимъ, т. VII, вып. II, стр. 463".—Ссылку г. Соболевскаго на Чубинскаго необходимо немножко поправить. У Чубинскаго ничего не говорится о „западныхъ и восточныхъ сосѣдяхъ", а просто сказано: „Жители Черкасскаго уѣзда называютъ подолянъ буцами, полтавцевъ—гуцала́ми"; и странно было бы называть подолянъ „сосѣдями" черкасцевъ да еще западными, если Черкассы находятся на восточной границѣ Кіевщины, а Подолія прилегаетъ къ ея юго-западу, и если Черкащина отдѣлена отъ Подоліи всѣмъ пространствомъ Кіевской губерніи.

---

[1]) Отъ „мама". См. Даль II, 895.

[2]) Слово „дубоса" (съ *о* вм. *а*) мнѣ лично не пришлось слышать, но глаголъ „дубосыты" (вм. „дубасыты")—приходилось. Онъ есть и въ печати,—см. Бораковського: Збирныкъ драматычныхъ творивъ, Львовъ 1883, № 3, стр. 9.

[3]) Андрей Бекша—народный учитель въ Радомысльскомъ у. Кіев. губ. См. Памятную книжку Кіевск. уч. округа на 1896 г.

[4]) Даль II, 873; IV, 448, столб. 2-й.

Разсужденія г. Соболевскаго по поводу „буцовъ" и „гуцаловъ" можно формулировать въ видѣ слѣдующаго силлогизма:

Въ Подоліи и Полтавщинѣ живутъ пришлые галичане.

Кіевщина не есть ни Подолія, ни Полтавщина.

Ergo: Въ Кіевщинѣ живутъ пришлые галичане.

Въ этомъ „силлогизмѣ" и первая посылка не вѣрна, и выводъ сдѣланъ не по правиламъ логики. Сначала коснемся первой посылки.

По малорусски слово „гуцало" означаетъ: увалень, неповоротливый, а „буцъ"—задора, но неуклюже-комичный [1]). Въ глазахъ дѣятельнаго, живого черкасца флегматичный полтавецъ крайне неповоротливъ, а живость подолянина напоминаетъ черкасцу смѣшную задирчивость барана, и поэтому полтавца черкасецъ насмѣшливо называетъ гуцаломъ, а подолянина—буцомъ [2]). Это объясненіе, съ большими или меньшими варіаціями [3]) услышитъ каждый, кто вздумаетъ на мѣстѣ разспросить крестьянина о причинахъ насмѣшливаго прозванія подолянъ „буцами" и полтавцевъ „гуцулами". Догадка же г. Соболевскаго, будто „буцы" и „гуцалы" означаютъ бойковъ и гуцу-

---

[1]) И одно и другое слово чрезвычайно часты и имѣютъ много производныхъ. Гуцаты—неуклюже топтаться на одномъ мѣстѣ, а съ вин. падежемъ—покачивать ребенка на рукахъ или на колѣнѣ. „Пидгуцькуваты"—въ томъ же смыслѣ:

То якъ не хоче втыхнуть (ребенокъ)—не кладуся:
И дгуцкуючи вздовжъ по хати перейдуся.

(Фаустъ, переводъ И. Франка, Львовъ 1882, стр. 132). „Гуцымъ"—то же, что „гуцало" (сообщилъ В. П. Цымбалъ, сказавши, что одинъ лично знакомый ему крестьянинъ села Козловки Лохвиц. у. получилъ уличное прозвище „гуцымъ"). Междометіе „буцъ!" выражаетъ баранье боданіе. „Буц(ь)каты", „буцнуты"—бодать, боднуть. „Ходыть якъ овечка, а буцькае якъ баранъ" (послов.) „Буцьо"—все, что выпячиваютъ впередъ, и поэтому „буцьо" можетъ обозначать и бодливаго быка, и ребенка съ туго набитымъ желудкомъ или надутыми щеками, и яблоко (Желех.); „буцыкы"—родъ галушекъ (Закрев.).

[2]) Полтавецъ тоже называетъ „гуцаломъ" неуклюжаго человѣка (свидѣтельство В. П. Цымбала), а подолянинъ говоритъ черкасцу въ отвѣтъ: „Самъ ты буцъ!"

[3]) Напримѣръ, мнѣ однажды пришлось слышать объясненіе на счетъ подолянина: „Та вы на його пыку подывиться! якъ не (=вотъ-вотъ) буцне!"—объясненіе, касающееся даже внѣшняго вида подолянина.

ловъ, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія въ народномъ поясненіи этихъ прозвищъ, а со стороны филологической возвращаетъ насъ въ тѣ, казалось бы, прошедшія времена, когда люди позволяли себѣ понимать „кыяне" какъ „гуны". Въ самомъ дѣлѣ: если форма бойци и существовала когда-нибудь въ старину [1]), то вѣдь родит. падежъ былъ отъ него всегда „бойковъ", дательный—„бойкамъ" и т. д.; и могъ ли малоруссъ, столь чувствительный къ переходному и непереходному смягченію задненебныхъ, упустить изъ виду это *к* и перенести *ц* во всѣ падежи?! Передѣлка *ой* въ *у* (*бойци—буцы*) такъ же невѣроятна, какъ невѣроятна Вельтмановская передѣлка *ыя* въ *у* (кыяне—гуны). Да и обращеніе „гуцулы" въ „гуцалы" трудновато предположить, такъ-какъ малорусское нарѣчіе любитъ ассимилировать сосѣдніе гласные звуки (срв. „*багатый*" изъ „богатый"), а не диссимилировать ихъ, и скорѣе можно было бы ждать передѣлки „гуцаловъ" въ „гуцуловъ", чѣмъ наоборотъ. Прибавимъ еще, что ни рѣчь полтавская не похожа на гуцульскую, ни подольская на бойкскую. Итакъ, нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы поддерживать самоувѣренное утвержденіе г. Соболевскаго, будто прозвища „буцы" и „гуцалы" представляютъ искаженіе словъ „бойци" и „гуцулы".

Но если г. Соболевскій и былъ увѣренъ, что въ Полтавщинѣ и на Подольи живутъ потомки галичанъ, то переносить этотъ выводъ на Кіевщину онъ не имѣлъ права. Нелогичность

[1]) Бойки въ своемъ говорѣ употребляютъ нарѣчіе „бойе", неизвѣстное другимъ говорамъ. Точное значеніе слова „бойе" подвергалось многократному обсужденію этнографовъ—филологовъ и вызывало споры, но одна вещь вполнѣ ясна: что именно отъ этого страннаго слова бойки получили свое названіе. См. статью Верхратскаго въ Archiv für slavische Philologie 1894, потомъ полемику его и Партыцкаго въ „Дили" № 255, 256, 263, 264, 278, статьи Охрымовыча и Франка въ „Жытти и слови" 1895, кн. I; см. еще Желех. I, 37 и Огоновскаго: Studien 160. Предполагать, что нарѣчіе „бойе" и прозвище „бойки" очень стары, нѣтъ достаточныхъ основаній. Г. Соболевскій, такъ безповоротно заявляя, будто „буцы" есть старое галицкое „бойци", долженъ былъ бы указать хоть одинъ старый памятникъ, гдѣ встрѣчалось бы „бойци".

его вывода до того очевидна, что распространяться объ этомъ не стоитъ.

Объ имени Малая Русь.

Имя Малой Руси сперва (съ конца XIII в.) принадлежало только Галичинѣ и Волыни, а Кіевская земля прежде называлась просто Русью. Въ XIV в. и къ Кіевской землѣ начали примѣнять имя „Малая Русь". Этого обстоятельства г. Соболевскій иначе объяснить себѣ не можетъ, какъ при томъ условіи что въ XIV в. исчезло старинное населеніе Кіевской земли и замѣнилось пришлымъ галицкимъ и волынскимъ. Что сѣверная Русь усвоила себѣ одно *общее* названіе Великой Руси, хотя состояла изъ *нѣсколькихъ* племенъ, этого г. Соболевскій не находитъ неестественнымъ [1]), а если немного позже южноруссы западные (галичане и волыняне) и южноруссы восточные (потомки старыхъ полянъ, не истребленные никакимъ татарскимъ нашествіемъ) также поняли свою національную близость и получили всѣ одно общее имя „Малой Руси", то этого обстоятельства г. Соболевскій не можетъ взять себѣ въ домекъ. Мы очень сожалѣемъ, что г. Соболевскій безъ своей галицко-волынской гипотезы не можетъ понять очень простой вещи, и только напомнимъ ему, какъ человѣку занимающемуся исторіей русскихъ нарѣчій, что въ XIV-мъ вѣкѣ существовали особыя обстоятельства, понуждавшія исконное кіевское населеніе принять имя Малой Руси. Старинное имя Кіевщины „Русь", принадлежавшее до XII в. исключительно ей, еще подъ конецъ удѣльнаго періода потеряло свой исключительный характеръ, а въ періодъ монгольскій распространилось безусловно на всякую русскую область; между тѣмъ нарѣчія русскія къ XIV вѣку пріобрѣли значительныя *отличія* другъ отъ друга (это очень хорошо извѣстно г. Соболевскому), и нарѣчія „Великой Руси" стали рѣзко отличаться отъ нарѣчій Галичины, Волыни и Кіевщины. Что жъ удивительнаго, если въ противовѣсъ „Великой

[1]) Названіе Великороссіи (Μεγάλη Ῥωσία) встрѣчается, напримѣръ, около 1347-го года въ грамотѣ Византійскаго императора. См. Русская Историч. Библ., т. VI, столб. 21—34.

Руси" Кіевщина, сверхъ имени „Русь", давно ужъ потерявшаго свой исключительный характеръ, начала и отъ чужихъ, и отъ своихъ получать имя „Малая Русь",—то имя, которое носили сосѣдніе Волынь и Галичина, очень близкія къ ней по языку [1])?

О „должны были".

„Во всякомъ случаѣ, если древній кіевскій говоръ еще сохранялся до XV вѣка", говоритъ г. Соболевскій, какъ бы сознавая слабость своихъ аргументовъ объ исчезновеніи кіевлянъ послѣ Батыя, „то нашествія Эдигея и Менгли-Гирея на Кіевъ и вобще частыя вторженія крымской орды въ кіевскую область *должны были* уменьшить число говорившихъ имъ на столько, что они уже не могли устоять противъ ассимиляціи съ многочисленными выходцами изъ Волыни, Подолья и Галичины".

Немногочисленная народность, грузинская на Кавказѣ и румынская да болгарская на Балканскомъ полуостровѣ въ теченіи многихъ вѣковъ стояли передъ варварами въ худшемъ положеніи, чѣмъ кіевляне передъ крымцами, и однакожъ не были истреблены. Резонъ „*должны* были" не есть резонъ, разъ мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ фактомъ, что вещь, долженствовавшая по чьему-либо мнѣнію случиться, *не* случилась.

---

[1]) Первый разъ имя „Малая Русь" прилагается къ Кіевской области не въ какомъ-нибудь южно-русскомъ памятникѣ, а въ греческой грамотѣ цареградскаго синода 1354-го года, на которомъ присутствовалъ великорусскій митрополитъ Алексѣй; Ἔιχε μὲν ἡ ἁγιωτάτη μητρόπολις Ῥωσίας, μετὰ καὶ τῶν ἄλλων κάστρων καὶ χωρῶν ὑπὸ τὴν ἐναρίαν ταύτης τελούντων, καὶ τὸ ἐν τῇ Μικρᾷ Ῥωσίᾳ κάστρον τὸ Κίεβον ἐπονομαζόμενον (т. е. „Святѣйшая русская митрополія, вмѣстѣ съ другими городами и селеніями, находящимися въ ея предѣлахъ, имѣла еще въ Малой Руси городъ, именуемый Кіевъ"). Быть можетъ, и сами греки изъ частыхъ сношеній съ Русью хорошо знали, что языкъ Кіевщины въ это время выработалъ такія особенности, которыя его дѣлали довольно или очень близкимъ къ языку Галичины и Волыни и отличнымъ отъ языка Великороссіи; но гораздо вѣрнѣе, что причисленіе Кіева къ Малой Россіи состоялось въ грамотѣ со словъ великорусса Алексѣя, ставленника Москвы, которая въ это время считала себя не только Великой Русью, но и Русью по преимуществу (Напр., Симеонъ Гордый, 1341—1358, въ договорной грамотѣ съ братьями (Собр. Грам. и Догов. I, № 23) называетъ себя Великимъ княземъ всея Русіи).

Мы посвятили разбору аргументовъ г. Соболевскаго довольно много мѣста не столько ради ихъ опроверженія (ихъ опровергнуть можно было бы гораздо короче), сколько для выясненія научныхъ пріемовъ г. Соболевскаго, берущагося писать исторію малорусскаго нарѣчія. Тенденціозность (заставляющая г. Соболевскаго забывать законы и логики, и здравой филологіи), сообщеніе невѣрныхъ данныхъ, неправильное толкованіе и извращеніе несомнѣнныхъ фактовъ—вотъ отличительные признаки разсужденій г. Соболевскаго, когда онъ касается вопроса о происхожденіи современныхъ малоруссовъ. Зловѣщее предчувствіе Потебни на счетъ г. Соболевскаго сбылось какъ нельзя печальнѣе. Можемъ безъ преувеличеній сказать: когда г. Соболевскій коснется своей галицко-волынской гипотезы, тогда весь его научный методъ заключается въ томъ, чтобы не имѣть никакого научнаго метода.

Что же касается незнакомства г. Соболевскаго съ малорусскимъ нарѣчіемъ, то это было отмѣчено нами въ предыдущей главѣ, отмѣчено въ настоящей и будетъ еще много разъ отмѣчено въ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Кіевскіе и мнимо-кіевскіе памятники XI—XV вв.

а) Домонгольскіе.

Памятниковъ, писанныхъ въ домонгольскомъ Кіевѣ, сохранилось только два: *Изборники Святослава 1073 г. и 1076 года.* Оба они относятся къ тому періоду, когда русскій языкъ, собственно еще не распался на нарѣчія великорусское и малорусское. Конечно, онъ не былъ уже однимъ языкомъ „въ полномъ смыслѣ этого слова", но во всякомъ случаѣ приходится соглашаться съ замѣчаніемъ г. Шахматова, что въ XI и XII в. нельзя еще говорить о полномъ обособленія великорусскаго нарѣчія [1]), такъ-какъ самой существенной черты малорусскаго нарѣчія (*ô* и *ê*) тогда еще не было. Все таки извѣстныя діалектическія данныя въ Изборникахъ Святослава ужъ есть. Ихъ

---

[1]) А. Шахматовъ: Изслѣдованія въ области русской фонетики. Варшава, 1893, стр. 132, 138, 139.

разсмотрѣніе показываетъ намъ, что кіевская рѣчь XI вѣка не заключала въ себѣ никакихъ элементовъ противомалорусскихъ, а напротивъ—имѣла въ себѣ въ зачаточномъ видѣ почти всѣ черты современнаго малорусскаго нарѣчія, кромѣ той одной, которая образовалась послѣ XI вѣка. Какъ же относится къ Изборникамъ г. Соболевскій?

Г. Соболевскій, касаясь правописанія Изборниковъ Святослава, отмѣчаетъ въ нихъ два начертанія, которыя онъ ясно [1]) называетъ немалорусскими особенностями: 1) *тобѣ* дѣлѣ (=для тебя), причемъ понимаетъ „*тобѣ*“ какъ разновидность или неправильное написаніе вмѣсто „*тобе*“, и 2) начертаніе *я* вм. *е*: поямлються, Елисавять, кажаника, [2]). Разсмотримъ эти мнимые немалоруссизмы.

Въ параллель къ единичному *тобѣ дѣлѣ* укажемъ: 1) сѣверно-малорусское „край собѣ“ [3]), 2) угорско-малорусское „въ тобе“ [4]), 3) въ Энеидѣ Котляревскаго: тобе [5]), 4) въ Кременчугскомъ уѣздѣ Полтавской губ.: поверхъ собе [6]), 5) у галицкаго наборщика: коло собе [7]). Не считаемъ нужнымъ пускаться

[1]) Прибавляемъ слово „ясно“ во избѣжаніе недоразумѣній. Въ „Ж. М. Н. Пр.“ (1885, февр., ст. 352—353, въ статьѣ: „Источники для знакомства съ древнекіевскимъ говоромъ“) г. Соболевскій отмѣчаетъ въ Изборникахъ Святослава нѣсколько особенностей, которыя онъ считаетъ мѣстными кіевскими, напр. „чоловѣка“ вм. „человѣка“, „волоба“ вм. „зълоба“ и др. Такъ какъ онъ не говоритъ ясно, что считаетъ ихъ всѣ за немалоруссія, то было бы несправедливо съ нашей стороны приписать ему такое утвержденіе и показывать, напр., что *о* въ „чоловѣка“—вполнѣ въ духѣ малорусскаго нарѣчія. Но начертаніе „тобѣ“ прямо объявлено г. Соболевскимъ за антималоруссизмъ.

[2]) См. „Очерки изъ исторіи русскаго языка“, стр. 84. И въ устномъ диспутѣ съ П. И. Житецкимъ въ 1883-мъ году г. Соболевскій прямо заявилъ, что начертаніе *я* вм. *е* въ такихъ случаяхъ, какъ „поямлються“—рѣзкій антималоруссизмъ.

[3]) Довнаръ-Запольскій: Пѣсни Пинчуковъ, стр. 56 (К. 1895).

[4]) Угрорусскія народныя пѣсни Де-Воллана (СПБ. 1885, стр. 33): „Гей, козаче черноусый! Чому в тобе жупанъ кусый?“

[5]) Виргиліева Энеида, вновь исправленная самимъ авторомъ и дополненная противу прежнихъ изданій, СПБ. 1809, ч. I, стр. 25: „то тутъ тобе лызне и чортъ“.

[6]) Громада, № 2, стр. 72.

[7]) Передѣлка наборщика вм. написаннаго „себе“. Зоря 1897, № 20, стр. 399, столб. 2-й. Добавимъ, что слово „цобе“ (влѣво) многими объясняется какъ „одъ собе“, т. е. „отъ себя“. Въ Галичинѣ слышится и „цебе“ съ *е* (словарь Закревскаго, 576).

въ разборъ всѣхъ этихъ начертаній (это насъ слишкомъ далеко отвлекло бы въ въ сторону),—одно лишь отмѣтимъ: писецъ Изборника Святослава, будучи малоруссомъ, прекрасно могъ написать «тобѣ».—См. еще стр. XIV.

Другая якобы немалорусская особенность Изборниковъ—написаніе *я* вм. *е*: поямлються 212, ꙗ *жя* 219, Елисавять 254 об., кажаника 262; къ этимъ четыремъ случаямъ г. Соболевскій по своему произволу прибавляетъ еще два, встрѣчающіеся въ Галицкомъ евангеліи, но, по его мнѣнію, заимствованные изъ какого-нибудь кіевскаго оригинала: изъ даляча и ꙗща [1]). Ужъ одно то обстоятельство, что *я* вм. *е* попадается въ памятникѣ галицкомъ, должно было бы внушить г. Соболевскому мысль о невеликорусскости этой черты [2]), но онъ вмѣсто того предпочитаетъ утверждать, будто малорусскому нарѣчію такой переходъ *е* въ *я* не свойственъ, и этимъ онъ обнаруживаетъ свое незнакомство съ однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ явленій малорусской фонетики. Приведемъ полторы сотни примѣровъ, въ которыхъ у малоруссовъ слышится то *е*, то *я* (или *а*, послѣ шипящихъ, послѣ *р* и въ кое-какихъ другихъ случаяхъ).

Отмѣтимъ чередованіе *е* и *я* прежде всего а) см. стр. XV, б) въ страд. причастіяхъ и въ тѣхъ существительныхъ, которыя отъ нихъ производятся. Говорится, напримѣръ: плетяный, паляный, зведяный, крышаный, прынесяный, зачыняный, зробляный, прядяный, выполяный (=выполотый), зміняный [3]), напояный, похожано-поброжано, зложаный [4]) и т. д.; плетянка, плетяныця, палянка, паляныця, зведяныця, крышанывъ [5]) и т. д. Очень

[1]) Очерки стр. 84.

[2]) Напротивъ, г. Шахматовъ прекрасно подмѣтилъ, что это черта общерусская. См. его Изслѣдованія въ области русской фонетики, стр. 63—64.

[3]) Срв. „Обмѣняный“—въ протоколѣ магистрата Стародубскаго суда 1690 года. См. Кіев. Стар. 1886, нб., 568.

[4]) „Што было зложане“—въ книгѣ гродской Луцкой 1596 г. Архивъ юго-зап. Россіи. т. I, ч. 3-я. К. 1863, стр. 92.

[5]) „Кажаникъ“ въ Изборникѣ Святослава 1073 относится именно къ этому роду явленій.

вѣроятно, что въ такомъ образованіи страдательныхъ причастій мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ нефонетическимъ: какое-нибудь «зачыняный» (отъ «зачыныты») или «зминяный» (отъ «зминыты») могли образоваться подъ вліяніемъ глаголовъ пятаго класса («зачыняты», «зминяты»), послѣ чего и при «печеный» могло возникнуть «печáный» (Ogonowskij: Studien, 109).

Изъ другихъ случаевъ чередованія *е* и *я* укажемъ слѣдующіе [1]):

а) Послѣ шипящихъ. Часнык (галицкое чоснык, великорусское чеснокъ). Щабель. Очаретъ. (Руска Библіотека 1884, т. III, стр. XLI). Чарствый (Рудченко, II, 160). Чахоня (Cyprinus cultratus). Чапытыся (Жел.). Зачапка (у Іоанна Вышенскаго). Кочатъ (въ сказкѣ, записанной Костомаровымъ. «Саратов. малор. литер. сборн.» 1859, стр. 366). Щапыты (Желех.). Защапка. Печарыця. Дочарми (въ дневникѣ Ханенка 1719 г. Кіев. Стар. 1896, іюль—авг., 169) [2]). Жавриты. Аджа (на Волыни) [3]). Жалаты. Жарнивкы (у Квиткы). Жавкаты. Жажкый (у Старицкаго очень часто вм. обычнаго «жежкый»). Шамранье (въ Апокрисисѣ Христофора Филалета. Русск. Истор. Библ. VII, 1512). Чапыга (Кіев. Ст. 1900, февр., 258). См. еще стр. XVI.

б) Послѣ йоты. Явдокымъ. Явтухъ. Явдоха. Явреи. Явхымъ [4]). Ядвабный (Чайковскій: Олюнька. Л. 1895, ст. 149). Ядвабъе (Чайковскій: Въ чужимъ гнизди. Л. 1896, ст. 175). Ямлю [5])

[1]) При этомъ не будемъ дѣлать различія между *е*, которое происходитъ отъ стараго є, и между тѣмъ, которое происходитъ изъ ѣ: въ совершенномъ языкѣ законъ ихъ перехода въ *я* — одинъ, общій.

[2]) Кстати отмѣтимъ еще Чарнятинци въ Ипат. Лѣт. 555.

[3]) Именно съ этой фонемой слѣдуетъ сопоставлять старокіевское ꙗ ꙗ и также, вѣроятно, галицкое ꙗ.

[4]) Есть и въ дневникѣ Евлашевскаго подъ 1587-мъ г. Кіев. Стар. 1886 янв., 149.

[5]) Срв. старокіевское „поямлються". Довольно правдоподобно, что звукъ *я* развился здѣсь не фонетически, но подъ вліяніемъ неопр. наклоненія *яти*. Впрочемъ въ пользу фонетическаго образованія этого слова говоритъ форма слѣдующаго у насъ слова („ямъ" изъ „ꙗмь"), которую едва ли можно объяснить путемъ аналогіи. Объяснить современное *ямлю* и *ямлити* иначе, чѣмъ изъ *емлю*, намъ кажется труднымъ.

=набираю), — откуда образовано и неопр. н—ніе „ямлыты" (напр., у Макаровскаго въ „Наталѣ": Наямлыла грушъ сушеныхъ, терну, слывъ въ базари). Ямъ (т. е. есмь,—Огоновскій: Studien 144). Якономія (очень часто у Чайченка-Гринченка). Ягыпетъ. Яхыдна. Ялыця, ялына, яловець (=можжевельникъ). Ярема. Ярмола [1]), Ярмолынци. Ярошъ. Ярына. Ярусалымъ [2]), Ярусланъ (Гринченко: Этн. Мат. I, 189). Яретычый. Ясетръ. Ясокиръ. Суятытыся, суятный, суятъ [3]).

Послѣ *л*. Лящъ [4]). Лядащый. Зблякнуты (=поблекнуть). Лягомыны (Шевченко, т. III, стр. 6) [5]). Лямпачи (Lehmpatze). Холяра (записалъ В. Охрымовичъ у гуцуловъ или бойковъ. Житье и Слово 1895, т. I, стр. 144; и у Франка: „Въ поти чола", стр. 72). Облясныкъ (Тобилевичъ: Драмы и комедіи, II, 411). Пидлястытысь (Збирныкъ творивъ Кропывныцького, друге выдання, ст. 47). Склянъ (склепка. Бытъ русскаго народа— Терещенко, 65; Чуб. III, 98). Глякъ (Жел. I, 143 и 145). Галяра (въ Подоліи. Кіев. Стар. 1884, сент. 59). Шпаляры (Громада № 5, стр. 110, письмо изъ Полтав. губ.). Куляша (им. п.=кулеша. „Въ Карпатахъ" Ив. Левицкаго. Львовъ 1885, стр. 50). Лягавый (лѣнивый, legawy). Голяныща. Малячъ. Далячъ [6]). Плясканка (Жел. II, 662). Каляндаръ (Руданскій, III, 139). Палястына. Таляры (им. множ.,—„Богданъ Хмельныцькый" Старыцького. Кіев. Стар. 1896, май, 280) [7]). Слово

[1]) См. въ Батуринской купчей 1671 г.—Кіев. Стар. 1883, іюль, 509.

[2]) Г. Соболевскій въ рецензіи на трудъ г. Шахматова отмѣчаетъ начертаніе Ярусалимъ въ Галицк. Еванг. Ж. М. Н. Пр. 1894, апрѣль, стр. 432.

[3]) Въ полтавскомъ сборникѣ 1679-го года читаемъ: „суѧта суѧтствуй, всѧческаѧ суєта" (Поповъ: Библіографическіе Матер., II, 69).

[4]) Интересно, что Котляревскій въ изданіи Энеиды 1809-го года (ч. I, стр. 25), напечатавши „лещъ" (съ е), считаетъ это за неправильность и, въ спискѣ опечатокъ, исправляетъ на „лящъ". Но форма съ е также употребительна. См. Желех.

[5]) Въ переводѣ (повѣсти „Художникъ") А. Конисскаго.

[6]) Срв. начертаніе „изъ даляча" въ Галицкомъ ев., приписанное г. Соболевскимъ Кіеву.

[7]) „Талярей" въ записи Ивана Малашкевича 1735 года. Кіев. Стар. 1898, пб. II, 36.

„телеграмма“ произносятъ въ Кіевщинѣ „теляграма“; такъ набрано и въ газетѣ „Буковына“ (1897, № 175, стр. 2, столб. 3-й). Халя́та (записалъ отъ галицкихъ крестьянъ Франко, Желех. II, 1033). Хля́статы, (въ Сѣдлецк. губ.,—сообщ. Н. А. Янчукъ). Пля́каты (Желех. II, 661). Коля́йка (изъ польск. kolejka,—у Желех.). Alaxandra Skarżyńskiego (имя овруцкаго русина, писанное русиномъ же, въ жалобѣ 1648-го года. Архивъ юго-з. Россіи, т. I, ч. IV, 277).

в) Послѣ губныхъ. Грабъяжлывый (хищный). Любъязный. Свяпка (Желех. 854). Лыпъяшка (лепешка). П'ятербургъ (нѣсколько разъ наряду съ Петербургъ у Осташевскаго: Пивъ сотни казокъ. Кіевъ 1869, № 35). Мъятлыця (метелыця,—у Желех.). Замъятня (рѣдкое, у Желех., вм. заметня). Схамъянутыся (откуда, затѣмъ, схаманутыся, Жел.). Семъянъ (=Семенъ См. Жытье и Слово III, 305 и 307). Пымъянъ (срв. Пимянъ въ протоколѣ магистрата Стародубскаго суда 1690 г. Кіев. Стар. 1886, ноябрь, 568).

г) Послѣ *н*. Жовняръ. Панянка. Сонячко. Поняхаты (Желех.). Унява (род. падежъ отъ Унивъ, у Головацкаго,—см. Русалку Днѣстровую 122 № 9, и въ „Рускій Библіотеци“ III, 355). Сопротывнячыще (въ малорусской рукописи 18-го вѣка,—Гринченко: Этнографич. матеріалы II, 220) [1]).

д) Послѣ зубныхъ. Навстя́жъ (Котляревскій, изд. Катранова, 130; Тобилевичъ: Драмы и Комедіи, II, 152; Гринченко: Этногр. Матер. I, 246). Серда́чко (Жел. II, 861,=Herzchen). Тячынка (изъ тычинка, течынка,—Чубинскій IV, 281, № 711). Стябло (плетенка изъ стеблей. Стороженко II, 150). Застяжка (застежка). Тясомка, тясмыця. Тябрычыты (изъ тебрычыты тербычыты. Номисъ, стр, 9, № 426).

е) Послѣ свистящихъ. Сячъ (у Верхратскаго,—см. Желех. II, 943, вм. обычнаго сечъ,—моча). Осятръ. Цякавый (изъ польскаго ciekawy, Желех.).

[1]) Здѣсь *я* изъ неударнаго *ы*, которое, какъ извѣстно, у малоруссовъ всегда смѣшивается съ *е*.

ж) Послѣ *р*. Рямин, ряминный (раминный у Руданскаго: «Царъ-соловей», ч. II, гл. 1-я и гл. 3-я). Рамъя (=ремье. Кулишъ: Иовъ, стр. 49: «ты зъ голого здіймавъ остатнье рамъя». Также у Квитки, по Желех.). Тряба (въ Житом. уѣздѣ, сообщилъ Е. К. Тимченко). Тралиственъное (въ виршахъ буковинца В. Фирлеевича 1841 г.—см. статью проф. Смаль-Стоцкаго. «Буковына» 1897, № 138, стр. 3). Трямкый (Зоря 1896, стр. 249, изъ трымкый, черезъ тремкый). Гряхитъ (срв. grzechotać,—у Чайковскаго: «Въ чужимъ гнизди», Льв. 1896, стр. 260). Дряготиты, дрягитъ, дряговына, дрягли (срв. Дреговичи и Дряговичи). Шкрябаты (гораздо чаще, чѣмъ шкребаты). Ра́ндаръ (arendarz). См. еще стр. XVI.

Переходъ малорусскаго *е* (произносящагося твердо, за э) въ мягкій звукъ *я* есть, разумѣется, отголосокъ той старой эпохи, когда старорусское є еще не отвердѣло и произносилось за *je*. Но случается въ настоящее время, что малорусское *е* (э) переходитъ уже прямо въ *а*. Таковы, напримѣръ: Оксана (при Ксена), Ма́хтодъ (Меѳодій), Харсонъ (Гринченко: Этн. Мат. II, 120), сардакъ, до та́бе, царква, тепа́р, мане́ (Огоновскій: Studien, 42), парыверненый (перевернутый), парысоленый (Studien, 207), вынъ ида́ (=идетъ,—сообщилъ В. Щуратъ), хлопацъ (=хлопець,—Огоновскій: Studien, 235), дащо (Желех.); по сообщенію Е. К. Тимченка, въ Житомірскомъ уѣздѣ вмѣсто звука *е* часто слышится звукъ, близкій къ *а*. Въ письмѣ В. Шевченка къ Т. Г. Шевченку село Кереловка наз. и Кареливка (Кіев. Ст., 1904, февр., II, 62--63), что бываетъ тамъ и теперь.

Намъ не представляется необходимымъ уклоняться здѣсь слишкомъ въ сторону для освѣщенія всѣхъ этихъ фактовъ путемъ сравнительной филологіи и ссылокъ на старинные памятники [1]): и безъ того читатель видитъ, что появленіе звука *я*

[1]) Если мы и дѣлали по временамъ ссылки на документы, то лишь мимоходомъ, случайно,--просто потому, что кое-какія показанія памятниковъ вспоминались сами собою.—Въ извѣстномъ количествѣ фактовъ, собранныхъ здѣсь нами, звукъ *я* можетъ еще быть объясненъ какъ явленіе нефонетическое, но для общей массы пригоденъ только тотъ законъ *прарусской* фонетики, который предложенъ г. Шахматовымъ. (Изслѣдованія 62—64; Къ исторіи звуковъ—Извѣстія отд. русск. яз. Акад. Наукъ, 1896, кн. IV, стр. 732 и слѣд.). Рецензія г. Соболевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1894, апр., 431—432) не можетъ поколебать этого закона—особенно те-

вмѣсто *е*, считаемое г. Соболевскимъ (по незнанію малорусскаго нарѣчія) за немалорусскую черту, есть черта безусловно малорусская.

Итакъ въ Изборникахъ Святослава нѣтъ великоруссизмовъ. А какіе есть въ нихъ малоруссизмы?

Самой характерной особенности современнаго малорусскаго нарѣчія—звуковъ *ô* и *ê* (т. е. уо, у, і, юо, ю, і, іе)—странно было бы и искать въ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 года. Откуда возникли малорусскіе *ô* и *ê*? Эти долгіе звуки (и ихъ позднѣйшій потомокъ—*і*) явились какъ результатъ паденія глухихъ гласныхъ ъ и ь,—какъ замѣнительная долгота. А вѣдь въ XI вѣкѣ глухія гласныя русскаго языка были въ полной сохранности,—обстоятельство, отмѣченное въ свое время г. Соболевскимъ [1]) и особенно рельефно выдвинутое его ученикомъ г. Волковымъ [2]).—Для г. Соболевскаго видимымъ знакомъ замѣнительнаго удлиненія служило бы написаніе *ѣ* вм. *ê*,—такое, какое бываетъ въ такъ называемыхъ «галицко-волынскихъ» памятникахъ со второй половины XII вѣка; разъ такого ятя въ Святославовыхъ Изборникахъ нѣтъ, г. Соболевскій отказывается считать старыхъ кіевлянъ предками малоруссовъ. Ниже, въ главѣ пятой и шестой, мы покажемъ, что «галицко-волынское» написаніе *ѣ* не есть выраженіе замѣнительной долготы; но если-бъ эта буква и въ самомъ дѣлѣ была обозначеніемъ

перь, когда г. Шахматовъ, въ дополненіе къ своимъ двумъ десяткамъ фактовъ можетъ воспользоваться тѣми полутораста примѣрами, которые привели мы (число ихъ можетъ быть увеличено). Отмѣтимъ для свѣдѣнія г. Шахматова, что, по сообщенію г. Щурата, звукъ *е* переходитъ въ *а* преимущественно тогда, когда онъ оказывается подъ удареніемъ (срв. Огоновскаго Studien, 42).

[1]) Очерки, стр. 71.

[2]) Къ исторіи русскаго языка. Ж. М. Н. Пр. 1894, янв., стр. 214—221. Памятники XI вѣка плохо различаютъ юсы, вводятъ въ церковно-славянскій текстъ русское полногласіе, Ж и Ѵ вм. ЖД и ШТ и т. д., а между тѣмъ строго и послѣдовательно пишутъ Ъ и Ь; ясно отсюда, что правильное употребленіе Ъ и Ь не могло быть результатомъ церковно-славянской традиціи, но было отраженіемъ факта живой рѣчи. „Но какъ только перейдемъ за рубежъ XI в.“, прибавляетъ г. Волковъ, „то начинаютъ попадаться чистые вмѣсто глухихъ,—вслѣдствіе требованій живой рѣчи“.

замѣнительной долготы, то и въ такомъ случаѣ требованіе г. Соболевскаго крайне странно: едва успѣвши сказать, что до конца XI вѣка глухіе гласные еще не пали [1]), т. е. другими словами, что „галицко-волынскаго ѣ въ XI вѣкѣ еще и не могло быть, г. Соболевскій требуетъ отъ Изборниковъ 1073 и 1076 года, чтобы въ нихъ попадалось „галицко-волынское“ ѣ [2])!—не то кіевляне XI вѣка будутъ для г. Соболевскаго предками великоруссовъ, а не малоруссовъ!

Другія, менѣе характерныя, но все таки очень выразительныя особенности малорусской рѣчи: смѣшеніе ѣ съ и, смѣшеніе и и ы и смѣшеніе в съ оу—въ Изборникахъ Святослава ужъ отразились.

Вмѣсто ѣ мы находимъ и въ Изборникѣ 1073 года: инции л. 5; въ вѣрн, л. 17 об.; оутишенія, л. 100; ви́даюши боудѧщая, л. 124 об.; видыи 149; нимая 142; пламенниє(ть) 153 об.; исцили 162; многыи (вм. многыѣ) 253; Андрия [3]) 261 об.;

[1]) Это онъ сказалъ въ упомянутомъ мѣстѣ „Очерковъ“, печатаніе которыхъ закончилось только къ 1885-му году (послѣдній листъ вышелъ въ февральской книгѣ „Университетскихъ Извѣстій“ 1885 года).

[2]) Именно въ февралѣ 1885 года въ Ж. М. Н. Пр. Кстати отмѣтимъ, что г. Колесса въ своей статьѣ (Archiv XVIII, стр. 492) таки старается доказать, что въ Изборникѣ 1076 года есть „галицко-волынское“ ѣ: онъ его усматриваетъ въ „трѣзвѣниє“ и „прилѣжъно“. Но вѣдь трѣзвѣниє прекрасно можетъ быть произведено отъ трѣзвѣти (тогда какъ трѣзвєниє отъ трѣзвити), а въ прилѣжънъ пишется ѣ иногда даже въ церковно-славянскихъ памятникахъ. Кто желаетъ искать въ Святославовыхъ сборникахъ „галицко-волынскаго“ ѣ, тому мы можемъ указать слѣдующія начертанія: сѣмь (Изб. 1073, л. 47 а), бѣзмѣрьноє (Изб. 1076 г., л. 237 а), бѣсѣда (тамъ же, л. 147 б), бѣж нєго (1073 г., л. 24), нѣ дниѭ, нъ ношти ѭ (тамъ-же, л. 131 об.) Пожалуй, въ изд. Общ. Любит. Древ. Письменности нельзя найти двухъ изъ этихъ фактовъ (въ то изданіе внесены поправки издателей), но ѣ въ бѣж нєго и нѣ дниѭ указано по подлинной рукописи Горскимъ и Невоструевымъ (Описаніе рукоп. Синод. библ. II, 394) и Буслаевымъ (Историч. Хрестом., 278 и 263).—Конечно, подобныя начертанія могутъ считаться за малорусскія только съ точки зрѣнія г. Соболевскаго; объ истинномъ ихъ значеніи мы будемъ говорить въ 6-й главѣ нашей работы.

[3]) Что въ этомъ имени былъ въ старину ѣ, видно изъ малорусскаго Андрій, Андріи и т. д.

въразоуминіе 263 об.; въ Изборникѣ 1076 года: волѧ [1]) ієн (вм. ієѣ) л. 111 об.; въ мироу (κατὰ τὸ μέτρον) л. 237 об. [2]).— Отсюда видимъ, что еще въ XI вѣкѣ старорусское ѣ (звучавшее, по многимъ признакамъ, какъ двуглассный їє) частенько переходило у кіевлянъ въ звукъ ї.

Само по себѣ, смѣшеніе ѣ съ ї не есть исключительно малорусская черта (въ Новгородѣ тоже было такое смѣшеніе). Логика говоритъ, что, если древніе кіевляне были предками малоруссовъ, то, допуская, смѣшеніе ѣ съ ї, они должны были тогда же произносить основное и потверже, чѣмъ ї, и что, слѣдовательно, въ Изборникахъ Святослава мы смѣемъ искать смѣшенія и съ ы [3]). И оно дѣйствительно оказывается: неправьдн (Изб. 1073 г., л. 104 об., при сосѣднемъ начертаніи: неправьды), запони (Изб. 1073, л. 116) [4]), милостинѧ (Изб. 1076, л. 13 б., наряду съ милостыни, л. 13 а), осырѣѩ (Изб. 1076, л. 112 б., при сирота 192 б). Не такъ характерны: риба (Изб. 1073, л. 251, при рыба на томъ же листѣ), прикриваѥ (1073 г., л. 185).

Замѣчается въ Святославыхъ Изборникахъ и смѣшеніе звуковъ ꙋ и в,—смѣшеніе пока-что зачаточное: какъ разъ въ такихъ словахъ, гдѣ употребленіе предлога въ и оꙋ не обусловливаетъ большой разницы въ смыслѣ. Такъ, въ Изборникѣ 1076 года

[1]) Въ подлинникѣ юсъ не йотированъ.

[2]) Что «въ мироу» здѣсь значитъ „въ мѣру", ясно изъ контекста: авторъ восхваляетъ „питіѥ мѣрьноѥ" и находитъ, что люди, *въ мѣру* пьющіе вино, лучше людей, безмѣрно пьющихъ воду.

[3]) Допустить, что предки малороссовъ, произнося *ѣ* за *і*, могли въ то же время произносить *и* какъ совсѣмъ мягкій звукъ *і*, вещь немыслимая. Вѣдь если-бы *ѣ* и *и* отождествились въ старину, то къ 14-му вѣку, когда у малороссовъ *ы* и *и* окончательно слились въ одинъ довольно твердый звукъ, *ѣ* также обратилось бы въ твердый звукъ, и мы бы теперь говорили не „хлібъ", но „хлыбъ".

[4]) Въ виду этого окончанія *и*, Миклошичъ (Lexicon, стр. 215) рѣшилъ образовать имен. пад. ед. числа не „запона", но „запонъ" (слово, нигдѣ не встрѣчающееся). Однако, Востоковъ въ своемъ словарѣ не сдѣлалъ чего-нибудь подобнаго. Въ словарѣ Срезневскаго форма „запонъ" приводится съ ссылкой на Миклошича а самъ Срезневскій понималъ *и* въ данномъ начертаніи Святославова Изборник какъ результатъ смѣшенія *и* и *ы*. (Славяно-русская палеографія. Спб. 1885, стр. 115)

мы съ одной стороны находимъ: оугодивъ 130 б., оугодить 168—169, оугодьна 74 а, а съ другой стороны на томъ же 74-мъ листѣ—въгодити. При оучиненъ (Остром. Еванг.=τασσόμενος) видимъ въ Изборникѣ 1976 года: въчиненъ 218 а. При въселиса 82 а-б, въселю 115 б. находимъ: оуселихъ 81 б., оуселиться 168 б. [1]). То же явленіе въ Изборникѣ 1073 года: оуселяться (л. 36 и 37), оуселенѩ (л. 9 об. и 78 об.), оуселєнѣи (л. 48 об.), оуселєныє (л. 23); въгодити 91 об., въгожьша, въгаждали (тамъ же), въгодьно (л. 35, 82); въчинены (95 об., 97 об.) [2]).

Читатель видитъ, что въ Изборникахъ Святослава достаточно ясно отразилась малорусская рѣчь,—конечно, не наша современная, а только такая, какая была у малорусскихъ предковъ въ XI вѣкѣ. Очевидно, что будь у насъ кіевскіе памятники отъ второй половины вѣка XII и отъ вѣка XIII, въ нихъ бы все съ большей и большей рельефностью выступали малорусскія черты. Къ сожалѣнію, кіевскихъ памятниковъ XII—XIII вѣка, достовѣрныхъ хоть сколько-нибудь, нѣтъ у насъ ни одного, а тѣ десять рукописей XII—XIII вѣка, которыя г. Соболевскій рѣшилъ приписать Кіеву и въ которыхъ онъ не могъ усмотрѣть никакихъ малорусскихъ особенностей, отнесены имъ

[1]) Срв. введеніе Шимановскаго къ первому изданію Сборника 1076-го года стран. 54.

[2]) Г. Соболевскій отказывается видѣть здѣсь смѣшеніе в и ꙋ и говоритъ, что во **въгодьнъ** начальное **въ** надо понимать какъ особый предлогъ, а не какъ фонетическую замѣну предлога **оꙋ**, и т. д. Но Срезневскій (Палеографія, 115) и Ягичъ (Критич. замѣтки, 84), филологическій авторитетъ которыхъ всякій, понятно, поставитъ несравненно выше авторитета г. Соболевскаго, видятъ въ данныхъ случаяхъ какъ-разъ смѣшеніе **въ** и **оꙋ**. Г. Соболевскій для доказательства вѣрности своего утвержденія ссылается на то, что и въ староцерковныхъ памятникахъ попадаются подобныя же начертанія,—напр. **въгодьникъ** въ Супрасльской рукописи (Древній церковно-слав. языкъ, стр. 29). Но отсюда слѣдуетъ только то, что въ дошедшихъ до насъ староцерковныхъ памятникахъ также есть смѣшеніе **въ** и **оꙋ**. И дѣйствительно, въ той самой Супрасльской рукописи, гдѣ есть **въгодьникъ** есть также **оꙋ остатъкы** 321[15], **въражденію** 416[3].

къ Кіеву совсѣмъ произвольно: или безъ всякой мотивировки, или съ такой мотивировкой, которая противорѣчитъ основнымъ правиламъ логики. Эти десять памятниковъ слѣдующіе: 1) Пандекты Антіоха XI—XII в., 2) Мстиславово евангеліе начала XII в., 3) Юрьевское евангеліе 1119—1128 г., 4) Юрьевская грамота ок. 1130 г. (аттестуется, какъ „самый авторитетный" памятникъ), 5) Успенскій Сборникъ XII—XIII в., 6) Архангельское евангеліе XII—XIII в., 7) Румянцевская Лѣствица XII—XIII в., 8) Сказаніе Ипполита объ антихристѣ XII—XIII в., 9) Оршанское евангеліе XIII в. и наконецъ 10) Тріодь новгородца Моисея Кіянина XII—XIII в.,—второй „самый авторитетный памятникъ". Посмотримъ, годятся ли они для изученія кіевской рѣчи.

---

1) *Пандекты Антіоха XI—XII вѣка* [1]). Мѣсто написанія не отмѣчено, и нѣтъ никакихъ указаній, чтобы рукопись когда-либо находилась на югѣ. Почему г. Соболевскій считаетъ Пандекты за памятникъ кіевскій, не извѣстно [2]). Въ языкѣ Пандектовъ есть одна особенность, чуждая Святославовымъ Изборникамъ и переносящая насъ на сѣверъ,—смѣшеніе шипящихъ и свистящихъ: црьньць 84 и 98 [3]), съпътьная 53 (наряду съ обычнымъ шъпътаниѥ, шъпътьникъ и т. д.). Эта черта, въ связи со смѣшеніемъ ѣ и и [4]), вполнѣ подтверждаетъ наблюденіе архим. Амфилохія, что Пандекты писаны въ Новгородской области. Замѣчается также употребленіе ѣ, а не є въ сьдѣ 26, 69, отъсждѣли 53,—употребленіе, которое и г. Соболевскій

[1]) Обширныя извлеченія изданы архимандритомъ Амфилохіемъ въ М. 1880: „Изслѣдованіе о пандектѣ Антіоха XI в." Въ томъ же году имъ изданъ „Словарь изъ Пандекта Антіоха"

[2]) Онъ просто говоритъ: „Пандекты Антіоха, писанные едва ли не въ Кіевѣ". Лекціи, 1-е изд., стр. 11, 2-е изд. стр. 12.

[3]) Цифра указываетъ страницу „Изслѣдованія" Амфилохія.

[4]) Видниниѥ 64, нистъ 69, пнва ьѥ 95 (μελῳδία), въ грънилн 95.

признаетъ за невозможное для кіевскихъ памятниковъ [1]). Какъ же изучать кіевскую рѣчь по новгородскому памятнику? Каковы-то будутъ результаты такого изученія?

---

2) *Мстиславово евангеліе* (до 1117 г.) Изъ приписки [2]) видно, что оно писано Новгородскому князю Мстиславу для Новгородской Благовѣщенской церкви. Тѣмъ не менѣе г. Соболевскій по немъ изучаетъ кіевское нарѣчіе! Пока у него не явилось желанія обратить кіевлянъ въ великоруссовъ, онъ заявлялъ, про *Мстиславово* евангеліе писано *несомнѣнно* въ Новгородѣ [3]).

---

3) *Юрьевское евангеліе* 1119—1128 г. Приписка свидѣтельствуетъ, что оно написано между 1119—1128 г. монахомъ Новгородскаго Юрьевскаго монастыря, для монастырскаго употребленія. Писано не тщательно, а потому оказались въ немъ новгородскія особенности: мѣна ѣ и и, мѣна ѵ и ц, мѣна къ и оу; отъ оумыти будущее время оумъж (срв. соврем. умью). [4]) Но г. Соболевскому необходимо было обратить кіевлянъ въ великоруссовъ, и потому онъ рѣшилъ считать Юрьевское евангеліе за памятникъ кіевскій.

---

[1]) Лекціи, 1-е изд., стр. 37; 2-е изд. стр. 64; срв. Изслѣдованія въ области русской грамматики. В. 1881, стр. 2.

[2]) См. у Срезневскаго: Древніе памятники русскаго письма. СПБ. 1882, ст. 49; Палеографія, стр. 142—146.

[3]) Изслѣдованія, стр. 4.

[4]) См. Срезневскаго: Древніе памятники, 2-е изд., 50; его же: Палеографія, 146—148; Амфилохій: Описаніе Юрьевскаго евангелія. М. 1877; вкратцѣ евангеліе характеризовано у Воскресенскаго: Евангеліе отъ Марка, Сергіевъ посадъ 1894. стр. 41.

4) *Юрьевская грамота* (1128—1132 г.), т. е. дарственная грамота князей Мстислава и Всеволода [1]), данная новгородскому Юрьевскому монастырю. Срезневскій (въ 1861 г.), принимая въ соображеніе, что грамота дана не только отъ имени новгородскаго князя Всеволода, но и отъ имени кіевскаго князя Мстислава, дѣлаетъ предположеніе, что она написана въ томъ году, когда оба князя сошлись вмѣстѣ, т. е. въ 1130-мъ г.; по лѣтописи, это было въ Кіевѣ. Понятно однако, что Мстиславъ могъ совершить даръ и заочно, а Всеволодъ, давая грамоту въ Новгородѣ, все таки долженъ былъ упомянуть имя Мстислава. Поэтому гипотеза Срезневскаго не имѣетъ неоспоримой убѣдительности, и г. Соболевскій въ 1881-мъ году утверждалъ, что Юрьевская грамота «писана *несомнѣнно въ Новгородѣ*» [2]). Но когда г. Соболевскій задумалъ обратить старыхъ кіевлянъ въ немалоруссовъ, онъ рѣшилъ воспользоваться догадкой Срезневскаго и торжественно заявилъ: „по даннымъ, собраннымъ И. И. Срезневскимъ, грамота писана въ 1130-мъ году въ Кіевѣ“ [3]). Можно подумать, что Срезневскій произвелъ впослѣдствіи цѣлыя новыя изслѣдованія для подкрѣпленія своей скромной гипотезы 1861-го года, которыя ужъ не могли не переубѣдить г. Соболевскаго!

Съ своей стороны г. Соболевскій выставляетъ одну такую черту правописанія Юрьевской грамоты, которая будто бы свойственна только кіевскимъ памятникамъ и совершенно не свойственна новгородскимъ. Эта черта—постановка буквы **о** вм. **ъ** передъ слѣдующимъ **о**: изоѡстанеть. Но развѣ въ кіевскихъ Святославовыхъ Изборникахъ есть такая особенность?—Нѣтъ, въ нихъ такого **оо** нельзя найти. Эта особенность извлечена г. Соболевскимъ изъ Успенскаго Сборника XII в. и изъ Тріоди новгородца Моисея Кіянина XII—XIII в.,—памятниковъ, кіевское происхожденіе которыхъ—болѣе чѣмъ сомнительно; въ нихъ то есть: изо олтаря [1]), изо о(ть)ца 42, 62, 79, 102, изообильно 101 об., безо о(ть)ца 123 и др. Ужъ одно то обстоятельство, что указанный признакъ попадается въ рукописяхъ сомнительныхъ и отсутствуетъ въ подлинныхъ кіевскихъ (Изборникахъ 1073 и 1076 г.), служитъ доказательствомъ, что онъ не можетъ быть сочтенъ за кіевскую примѣту. А кромѣ того мы можемъ указать г. Соболевскому еще цѣлый рядъ памятниковъ не кіевскихъ, въ которыхъ вмѣсто **ъо** пишется **оо**. Въ новгородской Минеѣ 1096-го г.: изообразилъ (окт. 56), изоѡбрѣтоша (сент. 106). Въ словахъ Григорія Богослова XI в.: изо обоѭ 154 β, безо о(ть)ца 148. Въ Рязанской кормчей 1284 года: безоѡбразия, л. 119. Въ Новгородскихъ Пандектахъ Никона Черногорца 1296 года: со ороужьи 141 об., ко обоимъ 144 об. [2]). Въ бѣлорусскомъ [3]) Житіи Саввы Освященнаго XIII в.: безо оуса 391, безо оуспѣха 503, прѣдо олтаремъ 453. Въ грамотѣ полоцкаго епископа Іакова около 1300 г. [4]): во отца. Въ лѣтописи Лаврентьевской: во о(ть)ца 77, ко ѡ(ть)цю 62, ко ѡлгови 17, со ѡгнемъ 20. Въ Ипатьевской изоострился 540 (подъ 6759 г.). Въ Никоновской: изооруживъ (собр. лѣт., VII, 340). Въ Псковской I: воополчився (подъ 6831 г.). Въ договорѣ 1437 года Бориса Александровича Тверского съ Витовтомъ [5]): со ѡ(ть)чиною (два раза), во ѡ(ть)чинѣ. Въ Пансіевомъ Изборникѣ XV вѣка [6]): ізоѡбретено. Очевидно, такихъ примѣровъ можно подыскать въ русскихъ памятникахъ множество; мы ограничились тѣми двадцатью двумя, которые были намъ ужъ извѣстны, но и это количество показываетъ, что начертаніе **оо** вмѣсто **ъо**, неизвѣстное кіевскимъ сборникамъ 1073—1076 г., встрѣчается всюду (преимущественно въ Новгородѣ) и не даетъ права и Юрьевской грамотѣ считаться за кіевскую.

[1]) Г. Соболевскій въ своихъ „Лекціяхъ“ изгналъ общеупотребительное названіе этой грамоты „Юрьевская“, равно какъ избѣгаетъ упоминать имя новгородскаго князя Всеволода. Онъ называетъ эту грамоту просто грамотой Мстислава.

[2]) Изслѣдованія, стр. 4.

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1885, февр., стр. 352.

[1]) Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древностей 1870, № 1, 11 об.

[2]) Интересно, что оба эти случая извѣстны и г. Соболевскому. Лекціи стр. 50

[3]) Галицко-волынскомъ, по увѣренію г. Соболевскаго.

[4]) По Исторической Хрестоматіи Буслаева, стр. 421.

[5]) Срезневскій: Свѣдѣнія и замѣтки, т. II, стр. 215.

[6]) Въ Исторической Хрестоматіи Буслаева, стр. 528.

Впрочемъ, если догадка Срезневскаго вѣрна и грамота писалась дѣйствительно въ Кіевѣ 1130-го года, то и въ такомъ случаѣ она еще можетъ быть памятникомъ не кіевскимъ. Вѣдь когда Всеволодъ пріѣхалъ въ 1130-мъ году погостить въ Кіевъ, то были же съ нимъ новгородскіе спутники? Одинъ изъ нихъ могъ написать грамоту,—напримѣръ, какой-нибудь монахъ Юрьевскаго монастыря, въ интересахъ котораго и составлялась грамота [1]).

Значитъ, Юрьевская грамота не только не заслуживаетъ эпитета, даннаго ей г. Соболевскимъ: „самый авторитетный памятникъ кіевскаго говора", но напротивъ—оказывается совсѣмъ не авторитетнымъ. Пользоваться ею для рѣшенія серіозныхъ діалектологическихъ вопросовъ—по меньшей мѣрѣ, неблагоразумно. Великоруссизмовъ-то, во всякомъ случаѣ, въ ней нѣтъ, какъ нѣтъ и малоруссизмовъ [2]).

---

5) *Успенскій Сборникъ XII—XIII вѣка*, гдѣ переписаны произведенія Нестора (составленныя лѣтъ пятнадцать спустя послѣ Изборниковъ Святослава). Мѣсто переписки не отмѣчено. „Откуда былъ родомъ Несторъ—не извѣстно", говоритъ г. Соболевскій [3]), „но нѣтъ основанія считать его не кіевскимъ уро-

[1]) Послѣдній резонъ долженъ имѣть сугубо убѣдительную силу собственно для г. Соболевскаго. Вѣдь, по его мнѣнію, Апостолъ 1307 года, написанный *для* Псковскаго монастыря, долженъ *поэтому* считаться памятникомъ псковскаго говора. По той же причинѣ къ памятнику псковскаго говора г. Соболевскимъ отнесенъ и Прологъ 1383 года. См. его Очерки, ст. 142.

[2]) Въ Юрьевской грамотѣ есть извѣстная доза церковно-славянщины, что ужъ отмѣчено Буслаевымъ (Ист. Хрест., 347). Къ числу славянизмовъ относится начертаніе ѣ вм. ꙗ БРАТНѢ,—черта, которую г. Соболевскій, въ противоположность Буславу, объясняетъ произношеніемъ ѣ какъ є! Звательный падежъ этого слова очень часто сходенъ въ древнихъ памятникахъ съ падежемъ именительнымъ напр. въ XIII словахъ Григорія Богослова XI в., 291; въ Арханг. Еванг. 1092 года, л. 174—175 (Амфилохій: Описаніе Евангелія 1092-го года, стр. 4).

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1885, февр., 354.

женцемъ". Конечно, нѣтъ основанія, но вѣдь въ Сборникѣ помѣщены его произведенія не въ оригиналѣ, а въ болѣе позднемъ спискѣ, изготовленномъ не извѣстно гдѣ. Списки, вообще, довольно вѣрно отражаютъ только тѣ стороны оригинала, которыя при списываніи не такъ легко поддаются безсознательному извращенію, напримѣръ,—лексическую часть; такъ, и Успенскій сборникъ сохранилъ малоруссизмы Нестора;—въ родѣ слова пригъріа 29 б.; что же касается чертъ правописанія, то разумѣется, нѣкоторыя могутъ перейти изъ оригинала въ копію [1]), но вообще переписчики очень многое измѣняютъ въ правописаніи и вносятъ черты своего собственнаго говора. Все это—вещи, вполнѣ извѣстныя г. Соболевскому, и не будь онъ ослѣпленъ тенденціей—онъ никогда не рѣшился бы назвать Успенскій сборникъ „вполнѣ достовѣрнымъ источникомъ для знакомства съ кіевскимъ говоромъ домонгольской эпохи" [2]). Опять намъ вспоминается предчувствіе Потебни: „предположеніе, закинутое далеко напередъ болѣе основательныхъ фактическихъ изслѣдованій, по свойственной людямъ склонности поставить на своемъ, можетъ дать одностороннее пристрастное направленіе будущимъ работамъ автора".

Г. Соболевскій говоритъ, что онъ причисляетъ Успенскій сборникъ къ кіевскимъ памятникамъ „вмѣстѣ съ г. Ягичемъ". Рѣчь идетъ о „четырехъ палеографическихъ статьяхъ" г. Ягича [3]); въ нихъ говорится объ Успенскомъ сборникѣ на стра-

[1]) Напримѣръ, окончаніе ТИ вмѣсто ТЬ (передъ слѣдующимъ И), часто встрѣчающееся въ кіевскихъ Изборникахъ Святослава, могло перейти въ Успенскій сборникъ изъ предполагаемаго кіевскаго оригинала; впрочемъ это ТИ попадается и въ галицкихъ, и въ смоленскихъ, и въ новгородскихъ памятникахъ. Могло перейти въ Успенскій сборникъ изъ кіевскаго оригинала смѣшеніе Ы и И, извѣстное Святославовымъ Изборникамъ. Такъ, уже г. Шахматовъ (Archiv, VII, 77.) отмѣтилъ въ житіи Ѳеодосія по Успенскому списку: тИ (—ты) и СИ (вм. СЫ; пожалуй, во второмъ начертаніи можно видѣть не СЫ, а СЫИ, съ пропускомъ средней буквы). Также—смѣшеніе КЪ и ОУ въ словѣ КЪГОДЬИИКЪ.

[2]) Ж. М. Н. Пр., 1885, февр., стр. 351.

[3]) Въ 33-мъ томѣ сборника отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, 1884 г.

ницѣ 95-ой. Но г. Ягичъ не называетъ Успенскаго сборника прямо кіевскимъ: онъ въ немъ видитъ черты малорусскія и называетъ его „южнорусскимъ", что можетъ означать и кіевскій, и галицкій, и волынскій. Это одно. Во-вторыхъ, въ чемъ видитъ г. Ягичъ южнорусскую черту Успенскаго сборника? Въ окончаніи хоуть имперфекта [1]). Будь эта черта даже дѣйствительно южнорусской, то и въ такомъ случаѣ нельзя опредѣлить, переписчикъ ли внесъ ее отъ себя, или же она была заимствована изъ кіевскаго оригинала. Но вѣдь она встрѣчается и въ памятникахъ новгородскихъ. Г. Соболевскій началъ свою статью (направленную противъ г. Ягича) заявленіемъ, что окончаніе хоуть не относится къ числу характерныхъ особенностей южнорусскихъ говоровъ [2]). Но черезъ нѣсколько страницъ онъ «вмѣстѣ съ Ягичемъ» называетъ Успенскій сборникъ кіевскимъ памятникомъ.

Отъ себя г. Соболевскій указываетъ въ Успенскомъ сборникѣ „спеціально кіевскую особенность: вставочное о въ золодѣй". Правда, въ Изборникѣ Святослава 1073 года попадается о въ золоба,—возможно, что и Несторъ такъ писалъ; но вѣдь ясно, что будь это „вставочное" о въ самомъ дѣлѣ *исключительною* особенностью кіевскою, присутствіе ея въ Успенскомъ Сборникѣ, въ этой *копіи*, все таки нисколько не говоритъ въ пользу кіевскаго происхожденія кописта. Однако г. Соболевскій ошибается, называя „вставочное" о въ золодѣй *спеціально* кіевскою чертою: оно встрѣчается въ разнообразныхъ русскихъ памятникахъ,—напримѣръ въ новгородскихъ Пандектахъ Антіоха XI вѣка: съ золобоѭ 288, зольѭ [3]), въ новгородскомъ Евангеліи XIV в. золыи [4]), въ Часословѣ XIV в. („галицко-волынскомъ" по Соболевскому) бе золобы [5]); у Іоанна Дамаскина по переводу Іоанна Экзарха: золяще κακίζοντες [6]).

[1]) По крайней мѣрѣ другихъ резоновъ онъ не приводитъ.

[2]) Ж. М. Н. Просв. 1885, февр., ст. 349.

[3]) См. Словарь Срезневскаго 995 и Миклошича 233.

[4]) Купріяновъ: Обозрѣніе пергаменныхъ рукописей новгородской Софійской библіотеки, № XXI. СПБ. 1857 (или въ извѣстіяхъ VI, 278).

[5]) „Очерки" Соболевскаго, 46.

[6]) Словарь Востокова 142 а.—Кромѣ того см. данныя въ Словарѣ Срезневскаго, стр. 1003.—Повидимому, сюда относится и современное малорусское слово: „золокъ" (Желех. 312), означающее самый больной пунктъ раны, опухоли и т. п.

Итакъ, Успенскимъ Сборникомъ XII—XIII вѣка если и можно пользоваться для изученія кіевскаго говора, то только для говора временъ Нестора (до 1091-го года), да и то съ величайшей осторожностью; а предполагать, чтобы переписчикъ XII—XIII в. былъ кіевлянинъ, нѣтъ никакихъ основаній.

Самъ г. Соболевскій, съ теченіемъ времени, все больше и больше умѣрялъ свое сужденіе насчетъ Успенскаго Сборника: въ 1885-мъ году онъ его считалъ „вполнѣ достовѣрнымъ источникомъ", въ 1888-мъ году—„едва ли не кіевскимъ", а въ 1891-мъ году—ужъ просто русскимъ, безъ болѣе подробнаго опредѣленія.

6) *Архангельское евангеліе.* Извѣстно, что въ немъ (изъ 178 листовъ) надо отличать: а) вторую часть, писанную въ 1092-мъ (или 1097-мъ) году двумя писцами—Мичькою и пресвитеромъ ...томіемъ (л. 77—176) и б) первую часть (л. 1—76), писанную по разслѣдованію академика Бычкова, „въ концѣ XII-го, если не въ XIII вѣкѣ" [1]). Болѣе древнюю часть (1092 года) г. Соболевскій признаетъ за новгородскую [2]), а болѣе позднюю часть (XII—XIII в.) предлагаетъ считать за кіевскую и включаетъ въ число источниковъ для изученія старокіевскаго говора [3]). Діалектологическихъ описокъ Архангельское евангеліе XII—XIII в. даетъ слишкомъ мало: среди церковнаго языка и церковнаго правописанія попадаются, конечно, руссизмы, но все такіе, которые одинаково встрѣчаются и въ малорусскихъ, и въ бѣлорусскихъ, и въ великорусскихъ памятникахъ; харак-

[1]) Сборникъ Акад. Наукъ, т. 17-й, стр. XXXV. Мнѣ доступно было еще „Описаніе еванг. 1092-го г." архим. Амфилохія (М. 1877). Двѣ страницы посвящено этому евангелію у Воскресенскаго: „Евангеліе отъ Марка" (Сергіевъ Посадъ, 1894. стр. 15).—Кромѣ названныхъ двухъ частей, рукопись имѣетъ въ концѣ еще два листка, принадлежащіе опять другимъ писцамъ.

[2]) Изслѣдованія въ области русской грамматики. Варш. 1881, стр. 2.—Г. Колесса не обратилъ на это вниманія и старается доказать (стр. 500), что въ этой (новгородской!) части есть малоруссизмы.

[3]) Ж. М. Нар. Пр. 1895, февраль, стр. 356.

тернѣе прочихъ чертъ—смѣшеніе ѣ и н [1]),—черта, которая дѣйствительно была свойственна старому Кіеву (какъ видно изъ Святославовыхъ сборниковъ), но и она мало характерна, потому что, кромѣ Кіева, она была свойственна и Галичинѣ, и Волыни, и сѣверной Руси. На рукописи Архангельскаго евангелія нѣтъ ни одного замѣчанія, говорящаго о Кіевѣ. Быть можетъ, оно какъ разъ галицкое! (Антималоруссизмовъ въ немъ нѣтъ).

---

7) *Румянцевская лѣствица XII—XIII в.* О ней Срезневскій говоритъ: „Это—произведеніе, важное потому, что въ немъ русскій переписчикъ *сохранилъ древнее правописаніе* нерусскаго подлинника“ [2]). Другими словами, для русской діалектологіи этотъ памятникъ вообще не пригоденъ. О Кіевѣ въ немъ ничто не говоритъ, и мы низачто не могли понять, почему это г. Соболевскій можетъ считать данный памятникъ за кіевскій, если бы самъ г. Соболевскій не потрудился объяснить того принципа, которымъ онъ руководится при классификаціи рукописей. Вотъ его точныя слова: „Для знакомства съ древнекіевскимъ говоромъ могутъ служить тѣ рукописи XII—XIII вѣка, которыя не имѣютъ въ своемъ правописаніи ни новгородскихъ, ни галицко-волынскихъ особенностей“ [3]). По этому интересному принципу можно искать кіевскія черты въ памятникахъ бѣлорусскихъ, суздальскихъ, рязанскихъ, московскихъ, а затѣмъ, на основаніи ихъ, смѣло заявлять, что старокіевскій говоръ былъ великорусскій.

---

[1]) По описанію архим. Амфилохія можемъ отмѣтить: вѣдѣла (стр. 9, вм. вѣдѣла), ѣ (αὐτόν, стр. 10), гадарѣньскоу (стр. 17), въ цркѣ (стр. 19); впрочемъ, быть можетъ, эта послѣдняя форма произведена отъ именит. падежа „церква“).

[2]) Древніе памятники русскаго письма и языка, 2-е изд. Спб. 1882, стр. 121.

[3]) Ж. М. Нар. Пр. 1885, февр., стр. 356.

8) *Сказаніе Ипполита объ Антихристѣ XII—XIII* в. [1]). Въ настоящее время рукопись находится въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ, а попала туда не позже, чѣмъ при Димитріи Донскомъ [2]). На оборотѣ перваго листа помѣщено, съ церковью въ рукахъ, изображеніе святого псковскаго князя Всеволода-Гавріила [3]), строителя многихъ церквей въ Новгородѣ и Псковѣ, умершаго въ 1132-мъ году; въ 1192-мъ году обрѣтены его нетлѣнныя мощи [4]). И эту то рукопись, явно относящуюся къ произведеніямъ Новгорода или Пскова и ничего не говорящую о Кіевѣ, г. Соболевскій считаетъ критеріемъ для сужденія о кіевскомъ говорѣ [5])!

---

9) *Евангеліе Церковно-археологическаго музея* при Кіевской духовной академіи, XIII в. Болѣе короткое его названіе—*Оршанское евангеліе.* Пожертвовано оно въ музей помѣщикомъ Меленевскимъ, которому оно досталось изъ разнаго хлама церковныхъ вещей и бумагъ, выброшенныхъ французами изъ монастырей г. Орши Могилевской губерніи послѣ разграбленія этихъ монастырей въ войну 1812—1814 года [6]); значитъ, найдено оно въ Бѣлоруссіи. Палеографическія особенности Оршанскаго еван-

---

[1]) Издано Невоструевымъ: „Слово святаго Ипполита объ Антихристѣ“ (М. 1868) и Срезневскимъ въ „Отчетѣ о 15-мъ присужденіи наградъ графа Уварова“ (Спб. 1874, стр. 140—362).

[2]) См. приписку, сообщенную у Невоструева, стр. 3.

[3]) Срезневскій: Свѣдѣнія и замѣтки, т. I, № XIV, стр. 47. Невоструевъ, стр. 2—3.

[4]) Невоструевъ, стр. 3.

[5]) Г. Соболевскій, какъ на образецъ чертъ кіевскаго говора, указываетъ въ Словѣ Ипполита на три особенности. (Ж. М. Н. Пр. 1885, февраль, 356). Но эти всѣ три особенности отмѣчены бывали самимъ г. Соболевскимъ и въ псковскихъ памятникахъ, а именно: 1) *е* вм. *я* и наоборотъ самъ г. Соболевскій включилъ въ число „видныхъ псковскихъ особенностей“ (Очерки, 145); 2) *и* вм. *ѥ* отмѣчается г. Соболевскимъ почти въ каждой псковской рукописи (Очерки 120, 123, 126, 129, 133, 137, 141); 3) *о* вм. *е* послѣ шипящихъ и *ц*—также (Очерки 130, 133).

[6]) Г. Крыжановскій: Рукописныя евангелія кіевскихъ книгохранилищъ. Кіевъ 1889, стр. 3.

гелія, по наблюденію г. Крыжановскаго, приближаютъ Оршанское евангеліе къ новгородской Кормчей около 1281 года, рязанской Кормчей 1284 года, западно-русской Псалтири 1296 г. Патерику Скитскому 1296 года, грамотѣ смоленскаго князя Александра 1297—1298 г., рядной грамотѣ Тѣшаты до 1299-го года и друг. [1]), т. е. къ памятникамъ, далекимъ отъ Кіева. „Изслѣдуя языкъ Оршанскаго евангелія", говоритъ г. Крыжановскій, „мы видимъ въ немъ множество руссизмовъ, но недостаточно опредѣленныхъ. Преобладающій элементъ, впрочемъ, великорусскій (сѣверно-русскій или вѣрнѣе — бѣлорусскій" [2]). Въ немъ есть аканье [3]), но „прежде всего обращаетъ на себя вниманіе употребленіе *ц* вмѣсто *ч* и наоборотъ" [4]),—черта, неизвѣстная кіевскимъ изборникамъ Святослава. Г. Крыжановскій добавляетъ наконецъ, что противъ южно-русскаго происхожденія Оршанскаго евангелія говорятъ и календарныя особенности рукописи: „Нужно замѣтить, что мѣсяцесловъ Оршанскаго евангелія—одинъ изъ полнѣйшихъ между древними русскими мѣсяцесловами. Не смотря на это, въ немъ не упоминаются многіе изъ такихъ южныхъ праздниковъ и святыхъ, которые часто встрѣчаются въ памятникахъ не только южно-русскаго, но и сѣверно-русскаго письма. Такъ, въ немъ не упоминаются: Ѳеодосій, игуменъ печерскій (3 мая), Перенесеніе его мощей (31 мая), Освященіе храма пресвятой Богородицы въ Кіевѣ княземъ Владиміромъ (12 мая), Кириллъ, учитель славянскаго языка (14 февраля). Память Кирилла и Меѳодія не показана въ мѣсяцесловѣ ни разу, а праздникъ въ честь кн. Владиміра, опущенный въ текстѣ, дописанъ потомъ сбоку, на полѣ (15 іюля). Напротивъ, въ мѣсяцесловѣ упоминается *Обрѣтеніе честнаго телесе св. Леонтія, епископа Ростовскаго* (24

[1]) Тамъ же, стр. 22.

[2]) Стр. 24.

[3]) Со араматы, Ареста, Патапия. См. назв. изслѣдованіе г. Крыжановскаго, стр. 24.

[4]) Назв. сочиненіе, стр 24. Можно пожалѣть, что г. Крыжановскій не позаботился, для большей наглядности, перечислить случаи такого смѣшенія шипящихъ.

мая),—праздникъ, установленный ,можно думать, въ концѣ XII в., но во всеобщее употребленіе вошедшій много спустя, такъ-какъ, по свидѣтельству историковъ, первоначально имѣлъ только мѣстное значеніе. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ мѣсяцесловов Московской Синодальной библіотеки, Румянцевскаго музея и другихъ книгохранилищъ этотъ праздникъ упоминается только въ двухъ: въ мѣсяцесловѣ при Евангеліи XVI в. Москов. Синод. библіотеки [1]) и при Апостолѣ XVI в. той же библіотеки [2]). Естественно поэтому думать, что Оршанское евангеліе писано гдѣ нибудь на сѣверѣ или сѣверо-западѣ въ XIII вѣкѣ" [3]).

Обратимся наконецъ къ десятой рукописи, къ той рукописи, которую г. Соболевскій относитъ къ числу *„самыхъ авторитетныхъ"* [4]) памятниковъ кіевскаго говора домонгольскаго періода. Это—

10) Новгородская *Тріодь Моисея Кіянина* XII — XIII в. Слово „Кіянинъ" можетъ имѣть два значенія: во-первыхъ, оно можетъ означать „кіевлянинъ", во-вторыхъ, оно можетъ быть именемъ не то некалендарнымъ личнымъ (равносильнымъ крестному „Иванъ", „Петръ", „Моисей"), не то прозвищемъ или именемъ фамильнымъ у людей, которые вовсе и не жили въ Кіевѣ [5]). Такъ какъ Моисей (это видно изъ записи) былъ пов-

[1]) Описаніе рукописей Московской Синодальной библіотеки, отд. I, стр. 339.

[2]) Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV вѣка.—Воскресенскаго, стр. 179.

[3]) Крыжановскій, названное сочиненіе, стр. 26—27.

[4]) Лекціи, изд. 2-е, стр. 40.

[5]) У сѣверскаго князя Святослава Всеволодовича былъ бояринъ, по имени Кіянинъ, и только подъ этимъ однимъ именемъ, безъ прибавки всякаго другого имени, онъ упоминается (Ипат. лѣт. 341) въ перечнѣ пословъ, гдѣ остальные послы названы Гаврило, Онофрій, Жирославъ и т. п.;—ясно, что и Кіянинъ было здѣсь имя личное, изъ разряда т. н. некалендарныхъ, вродѣ Черемисинъ Ивановичъ, Чувашинъ Мироновичъ и т п.—Когда устанавливалась Русская Правда дѣтьми Ярослава, тогда на съѣздѣ былъ переяславецъ Микыфоръ Кыянинъ; это „Кыянинъ" очень похоже на имя фамильное или на прозвище (или опять таки на личное, некалендарное имя), и въ указателѣ къ „Древнимъ памятникамъ" Срезневскаго оно появляется не подъ буквою *м* или *н* (не на ряду съ другими Никифорами), а подъ буквою к („Кіянинъ Никифоръ, бояринъ"). У Андрея Боголюбскаго, не терпѣв-

городскимъ старожиломъ и притомъ обнаружилъ въ своей рѣчи яркое смѣшеніе *ч* и *ц* (характерную черту новгородскую, неизвѣстную Кіеву), то является основаніе подумать, что „Кіянинъ“ есть другое имя Моисея или его прозвище, которое еще не означаетъ непремѣнно кіевскаго происхожденія Моисея Кіянина. Но г. Соболевскій, кажется, не желаетъ даже того, чтобы подобное соображеніе приходило въ голову читателю: въ своихъ „Лекціяхъ“ [1]) онъ избѣгаетъ названія „Кіянинъ“ и титулуетъ Моисея не иначе, какъ „кіевляниномъ“. Въ статьѣ же „Источники для знакомства съ кіевскимъ говоромъ“ онъ увѣряетъ, что хотя Моисей „жилъ, вѣроятно, въ Новгородѣ, но говорилъ по-кіевски“ [2]). Посмотримъ же на запись, которую сдѣлалъ Моисей на Тріоди [3]): „**Съконьчашася книгы сиа ѿца генъкра къ ст҃го апла Тимофеа, зимѣ. А Стефанъ далъ лежень, стымъ [мунцамъ?] и (бр)атии своего дѣла спсенна и всѣхъ стынхъ. А лежалъ сорокъ лѣтъ. А вдалъ стынмъ мунцамъ двери да блаждорезъ коваль, а Бг҃ дѣла. И бѣше Марна бг҃ородица и холюбива, болящаса Бг҃, пре-**

шаго кіевлянъ, былъ (въ Суздалѣ) любимый слуга Кузмище Кіянинъ (Ипат. лѣт. 400 и слѣд.),—можно здѣсь очень сомнѣваться въ кіевскомъ происхожденіи Кузмища и видѣть въ „Кіянинъ“ прозвище, вовсе не означающее, что Кузмище былъ родомъ изъ Кіева. Какой былъ смыслъ этого прозвища, теперь рѣшить трудно; по мнѣнію Н. Н. Харузина (который читаетъ этнографію въ Московскомъ университетѣ и Лазар. институтѣ и спеціально занимался некалендарными именами древней Руси), „Кіянинъ“ могло бы обозначать что-нибудь вродѣ „искусникъ“ (въ противность именамъ типа „Черемисинъ“, „Чувашинъ“, которыя давались, какъ личныя коренным русскимъ, должно быть, за отрицательныя качества). Не надо также забывать, что иной человѣкъ, въ томъ числѣ и Моисей, писецъ Тріоди, могъ быть прозванъ Кіяниномъ просто въ силу какой-нибудь спеціальной причины, о которой теперь мы и догадываться не можемъ вслѣдствіе ея случайности.—Отмѣтимъ еще близкую къ „Кіянинъ“ фамилію „Кіяниновъ“; Гаврилой Кіяниновымъ назывался какой-то вліятельный человѣкъ въ Новгородѣ XIII вѣка,—туземецъ, который былъ однимъ изъ первыхъ пріятелей тысяцкаго Ратибора и оказался зачинщикомъ въ мятежѣ противъ князя Ярослава Ярославича (упоманутъ подъ 6778 годомъ=1270 г.).

[1]) 1-е изд., стр. 12 и 36; 2-е изд., стр. 13 и 40.

[2]) Ж. Мин. Нар. Просв., 1885, февр., стр. 355. Въ „Лекціяхъ“ ужъ нѣтъ ни слова о томъ, что Моисей былъ новгородцемъ.

[3]) Приводимъ эту запись изъ Срезневскаго: „Древніе памятники русскаго письма и языка“. Спб. 1882, стр. 77—78.

бывающа съ страхомъ и Бг҃ молящаса по вся дни, а за миръ молящи“ (далѣе подпись Моисея „**Моиси псалъ, грѣшъныи Кияниинъ**“). Въ тонѣ этой записки такъ и чувствуется человѣкъ, издавна жившій въ Новгородѣ и знакомый съ разными мелкими обстоятельствами мѣстной жизни; поэтому, если бъ Моисей родился даже въ Кіевѣ [1]), то долгое пребываніе въ Новгородѣ все равно измѣнило бы его языкъ на новгородскій ладъ и затерло бъ особенности кіевскія. И дѣйствительно въ Тріоди мы видимъ антикіевскую, новгородскую черту: смѣшеніе *ч* и *ц* (велицающе, ученици и т. д.). Какой же это „самый авторитетный“ источникъ для изученія рѣчи кіевской!

Г. Соболевскій, чтобы подорвать значеніе вышеотмѣченной новгородской черты и сдѣлать языкъ Моисея критеріемъ для сужденія о *кіевской* рѣчи, говоритъ, будто Тріодь Моисея Кіянина распадается на двѣ части: на первую (до листа 222-го), гдѣ (будто бы) нѣтъ смѣшенія *ч* и *ц*, и на вторую (л. 222—257), гдѣ такое смѣшеніе есть; каждая часть писана, будто бы, разнымъ почеркомъ. Вторую часть, по мнѣнію г. Соболевскаго, писалъ какой-то новгородецъ [2]), и только первую половину да запись написалъ Моисей „кіевлянинъ“ [3]). Но, во-первыхъ, Срезневскій, съ которымъ въ дѣлѣ палеографіи трудно спорить, никакихъ *двухъ* почерковъ въ Тріоди не замѣтилъ, хотя, по увѣренію г. Соболевскаго, они якобы „*ясно* различаются“. Во-вторыхъ, признавши за Моисеемъ только первую часть и запись, г. Соболевскій проявилъ съ своей стороны большую небрежность: запись („Моиси псалъ Кияниинъ“) помѣщена не въ первой части Тріоди, а на листѣ 257-мъ [4]), т. е. какъ разъ *во второй* части (которая, по признанію самого г. Соболевскаго писана *по-мов-*

[1]) Во избѣжаніе неразрѣшимыхъ споровъ мы охотно готовы и это принять.

[2]) Интересно однако, что въ „Лекціяхъ“ (1-ое изд., стр. 12; 2-е изд., стр. 13) г. Соболевскій не включаетъ этой второй части Тріоди въ списокъ источниковъ для ознакомленія съ новгородскимъ нарѣчіемъ, а всю Тріодь цѣликомъ приписываетъ Моисею „кіевлянину“, безъ раздѣленія на какія бы то ни было части.

[3]) „Источники“, стр. 355.

[4]) См. Срезневскаго: „Древніе пам. р. письма“, стр. 77. А г. Соболевскій утаиваетъ отъ читателя этотъ фактъ.

городски)! И притомъ въ записи вполнѣ точно указано, что Моисей Кіянинъ довелъ переписку Тріоди *до конца* („*сконьчашася* книгыи сия")!

Какъ видимъ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Моисею принадлежитъ не только первая половина Тріоди, а сполна *вся* Тріодь, со второй частью, новгородскій языкъ которой не оспаривается и г. Соболевскимъ. Но для лучшей характеристики интересныхъ научныхъ особенностей г. Соболевскаго не мѣшаетъ еще упомянуть, какъ онъ препарируетъ первую часть Тріоди. Дѣло въ томъ, что и въ первой части также есть новгородское, антикіевское смѣшеніе *ч* и *ц*; такъ, на л. 21 об. написано: „о(ть)*ц*ьнями млъниими". Г. Соболевскій упоминаетъ объ этомъ фактѣ какъ бы не придавая ему значенія, мимоходомъ, въ сноскѣ [1]) и старается его затушевать особымъ образомъ. Именно, рядомъ съ „о(ть)*ц*ьними млъниими" онъ пишетъ по-гречески „ταῖς τῶν πατέρων ἀστραπαῖς" и заявляетъ, что повидимому Моисей сперва хотѣлъ поставить родительный падежъ множественнаго числа (о(ть)ць), а ужъ потомъ измѣнилъ родительный падежъ существительнаго на прилагательное, причемъ *ц* такъ и осталось. Значитъ, Моисей не просто списывалъ Тріодь, а переводилъ вновь?! Онъ зналъ греческій языкъ?! Да кто далъ право г. Соболевскому на эти гипотезы? И какъ же понимать въ такомъ случаѣ его же утвержденіе, высказанное и неоспоримо доказанное всего двадцатью строчками выше: „оригиналъ у Моисея былъ поздній церковно-славянскій"?—или мы должны предполагать такую мудреную вещь, что полуграмотный Моисей, переписывая „поздній церковно-славянскій" текстъ, свѣрялъ его съ греческимъ оригиналомъ?! И можемъ ли мы приписать такое тщаніе именно Моисею, о которомъ и г. Соболевскій (на той же страницѣ) констатируетъ, что „Моисей работалъ чрезвычайно небрежно"?!

Таковъ то „*самый авторитетный*" источникъ г. Соболевскаго для знакомства со старо-кіевскимъ говоромъ. Онъ не

[1]) Ж. М. Нар. Пр., назв. статья, стр. 355.

можетъ выдержать легчайшаго прикосновенія критики: сразу же выясняется, что эта новгородская Тріодь Моисея Кіянина такой же неавторитетный источникъ, какъ и девять предыдущихъ (тоже преимущественно новгородскихъ), и даже, пожалуй, еще неавторитетнѣе [1]). Г. Соболевскій, на основаніи ихъ, „счелъ для себя возможнымъ остаться при своей гипотезѣ о большей близости древнекіевскаго говора къ говорамъ великорусскимъ, чѣмъ къ малорусскимъ" [2]). Выраженіе „о большей *близости*" является со стороны г. Соболевскаго даже уступкой: изучая кіевскій говоръ не по кіевскимъ, а по завѣдомо новгородскимъ памятникамъ, онъ могъ бы выразиться и посмѣлѣе, т. е. могъ бы прямо сказать, что кіевскій говоръ есть *чисто* великорусскій.

Дѣйствительно авторитетными кіевскими памятниками домонгольскаго періода являются исключительно Святославовы сборники 1073-го и 1076-го года, и въ нихъ, какъ мы видѣли, не только нѣтъ ничего антималорусскаго, но, напротивъ, въ нихъ достаточно ясно отразилась сквозь церковно-славянскую кору рѣчь малорусскихъ предковъ, мыслимая въ XI вѣкѣ. Съ большей ясностью малорусскія черты проявляются въ кіевскихъ памятникахъ послѣмонгольскихъ. Но г. Соболевскій и тутъ постарался надѣлить Кіевъ некіевскими рукописями. Произведемъ же обзоръ ихъ.

б) Послѣмонгольскіе.

Г. Соболевскій останавливается на пяти памятникахъ [3]):

1) *Кіевская псалтирь 1397-го года.* Исторія отношеній г. Соболевскаго къ этой псалтири довольно поучительна, потому что особенно наглядно показываетъ, до какихъ печальныхъ послѣдствій доводитъ тенденціозность. Псалтирь эта полна довольно явственныхъ великорусскихъ чертъ [4]) и повидимому она-то,

[1]) Объ Архангельскомъ евангеліи XIII в., безъ кіевской даты, но и безъ чертъ противокіевскихъ, еще можно сомнѣваться, галичаниномъ ли, новгородцемъ или кіевляниномъ оно переписано. А на счетъ Моисеевой Тріоди никакое сомнѣніе немыслимо: она то безусловно новгородскій памятникъ, во всѣхъ отношеніяхъ

[2]) Ж. М. Н. Просв., назв. статья, стр. 357.

[3]) См. Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтописца II, 215, 219, 224; Лекціи, 1-ое изд., 199—200; 2-ое изд., 254—256.

[4]) Срв. Срезневскаго: Древніе памятники русскаго языка и письма 2-ое изд., стр. 283, и выписки—во второй части 1-го изданія; также въ Извѣстіяхъ Акад Наукъ X, 690—691.

собственно, и послужила г. Соболевскому первой основою для его утвержденія о великорусскости старыхъ кіевлянъ, въ 1883-мъ году [1]). Когда кіевскіе оппоненты возражали, г. Соболевскому, что Псалтирь 1397 г. написалъ какой-нибудь великоруссъ, пріѣзжавшій въ Кіевъ вмѣстѣ съ Московскимъ митрополитомъ, г. Соболевскій заявилъ, что „палеографическія особенности рукописи 1397-го года *совершенно* отличны отъ особенностей рукописей московскихъ и новгородскихъ,—Спиридонъ (переписчикъ Псалтири) былъ не сѣверный, а кіевскій великороссіянинъ“ [2]). И что же! Спустя немного времени выяснилось, что Псалтирь 1397-го года писана тѣмъ же московскимъ великороссомъ, діакономъ Спиридономъ, который „**блгвеньюмь Кипрьяна, митрополита всеа Роуси, повеленьюмь блговѣрнаго князя Володїмера Андрѣевну**(а)“, написалъ московское евангеліе „въ лѣто ҂ѕ. ї҃а индик(та) а҃ (6901,—т. е. 1393 г. [3]).“ Другими словами, оказалось, что Псалтирь 1397-го года, которая, по увѣренію г. Соболевскаго (въ 1883 г.), *совершенно* отличается отъ рукописей московскихъ, есть какъ-разъ рукопись московская!... Г. Соболевскій не сразу исключилъ ее изъ числа памятниковъ кіевской рѣчи. Въ 1889-мъ году, въ первомъ изданіи своихъ „Лекцій,“ онъ еще выразился уклончиво: „Кіевская Псалтырь 1397-го года написана *едва-ли* (курсивъ нашъ) не пришлымъ великоруссомъ [4]).“ Только въ 1892 г. онъ ее рѣшительно вычеркнулъ изъ числа источниковъ для изученія старокіевской рѣчи [5]).

---

2) Евангеліе 1411 года. Сдѣлавши общее замѣчаніе, что всѣ пять кіевскихъ послѣмонгольскихъ памятниковъ не даютъ ясныхъ діалектологическихъ указаній, г. Соболевскій говоритъ въ частности о евангеліи 1411-го года, что „оно представляетъ списокъ съ средне-болгарскаго оригинала, съ *малымъ* количествомъ

[1]) См. указанное мѣсто II тома „Чтеній въ Обществѣ Нестора Лѣтописца.“

[2]) Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтописца 1883 г., т. II, стр. 224.

[3]) Срезневскій: Древн. пам. 274; Лекціи Соболевскаго, 2-ое изд. 16; Воскресенскій: Евангеліе отъ Марка, 57; Серг. Пос. 1894.

[4]) Стр. 199-ая 1-го изданія.

[5]) 2-ое изд., стр. 254.

руссизмовъ,“—слѣдовательно, по этой причинѣ для русской діалектологіи мало пригодно. Но надо кромѣ того добавить, что и тѣ немногія русскія черты, какія проскальзываютъ въ Евангеліи 1411-го года, говорятъ о некіевскомъ происхожденіи переписчика. Писано это евангеліе по заказу какого-то, должно-быть, великоросса (инока Іоны Балакирева), писцомъ-великороссомъ или бѣлоруссомъ, который говорилъ нарѣчіемъ акающимъ и фамилію своего патрона написалъ съ О („Болакиревъ [1]);“ онъ не писалъ *ѣ* въ „гд*ѣ*“ 144 об. и „нигдѣ“ 260 [2]), а эту черту самъ г. Соболевскій призналъ за антикіевскую [3]).

---

3) *Вкладная запись князя Долголдата Долголдатовича 1427-го года.* Никакихъ великоруссизмовъ г. Соболевскій указать въ ней не можетъ, но, не желая признать ее за малорусскую, называетъ языкъ „оффиціальнымъ западно-русскимъ“. Чтобы читатель яснѣе могъ судить о языкѣ этой записи, приведемъ ее цѣликомъ [4]): „Се яз кн[я]зь Долголд[атъ Долгол]датовичъ м[и]л[ос]тью б[о]жьєю, што єсми выслужил оу Б[о]га и оу великог[о] кн[я]зя Витовта, г[осу]д[а]ря своєго,—даю ѿ своєє выслуги вѣрноє по своєи д[у]ши и сь своею гн[я]гинею с[вя]т[о]му Николе-пустыньскому Иѡнину монастырю тую землю на имя Толстолѣсьског[о] Конона. А идет[ь] с нег[о] колода меду. И съ всеми пошлинами з бобры и с куницами и с полюд[ь]ємь. А хто ся имет[ь] оуступат[и] оу моє придане, што я дал с[вя]т[о]му Николе, любо моих детин, любо хто имѣет[ь] держат[и] по моєм животѣ, судится со мною перед Б[о]гомъ. Псан[о]и дан[о] при

[1]) См. Срезневскаго: „Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ,“ СПБ. 1876, т. II, стр. 392. Запись издана и въ особомъ литографическомъ снимкѣ. (Я нашелъ одинъ экземпляръ въ бумагахъ покойнаго Бѣлозерскаго).

[2]) Отмѣчено у Соболевскаго въ Лекціяхъ, стр. 254.

[3]) Лекціи, 1-ое изд. 37; 2-ое изд. 64; Изслѣдованія 2.

[4]) По изданію Срезневскаго: Свѣд. и зам., II, 392, б. Ради типографскаго удобства надстрочныя буквы перенесены въ строку. Въ скобкахъ поставлены буквы и слоги, подразумѣваемые подъ титлою.

державе г[о]с[у]д[а]ря великого кн[я]зя Витовта въ лѣт[о] ѕ҃ ц҃ ле, м[ѣ]с[я]ца марта ке д[е]нь, индикта є҃.“ Читатель видитъ, что языкъ этой вкладной чрезвычайно близокъ къ современному малорусскому. Конечно, малорусскій колоритъ былъ бы особенно явственъ, если бы у писца гдѣ нибудь вмѣсто є или о проскользнуло ю или ѵ (предвѣстники современнаго ї); но во-первыхъ такія описки, считаясь вульгаризмами, ни въ какомъ старинномъ малорусскомъ памятникѣ не часты, а во-вторыхъ—краткая вкладная Долголдата Долголдатовича представляла бы для нихъ только два случая (своєи и моєм) и то въ такихъ словахъ, въ которыхъ удареніе бываетъ и на первомъ слогѣ (въ силу чего качество неударной гласной второго слова скрадывается); притомъ же сосѣдство словъ „ѿ своєе, “„сь своєю,“ въ которыхъ звукъ є остается неизмѣннымъ, могло содѣйствовать сохраненію буквы є въ начертаніяхъ „своєи“ и „моєм“. Кто знакомъ съ языкомъ галицкихъ и волынскихъ грамотъ, малорусскости которыхъ г. Соболевскій не оспариваетъ, тотъ замѣтитъ, что вкладная кн. Долголдата Долголдатовича отъ нихъ почти не отличается [1]).

---

4) Духовная князя Андрея Владиміровича 1446 г. (Ольгердова внука, пріѣзжавшаго въ Кіевъ на поклоненіе въ 1446 г.) Великоруссизмовъ г. Соболевскій въ ней не находитъ, но говоритъ, что „она не заключаетъ въ себѣ никакихъ достовѣрныхъ ни малоруссизмовъ, ни бѣлоруссизмовъ.“ Г. Соболевскій забылъ

[1]) По поводу буквы є во «всєми» и вообще по поводу частаго написанія малоруссами буквы є вмѣсто ѣ позволю себѣ мимоходомъ высказать достовѣрное предположеніе (отчасти уже прежде мотивированное г. Шахматовымъ), что въ старину книжная буква ѣ читалась иначе, чѣмъ выговаривался живой звукъ ѣ. По моимъ наблюденіямъ, у малоруссовъ только въ періодъ отъ второй четверти 17-го вѣка приблизительно до второй четверти нын. столѣтія буква ѣ читалась какъ ї; раньше же, подъ книжнымъ вліяніемъ бѣлорусскимъ, и позже, подъ вліяніемъ великорусскимъ, буква эта читалась какъ є, и потому малорусскіе писцы въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, гдѣ они въ живой рѣчи произносили и произносятъ звукъ ї, писали и пишутъ подъ книжнымъ вліяніемъ букву є.

прибавить, что писецъ (старецъ Кіево-Печерской лавры) былъ большой руки книжникъ, который старался писать по церковно-славянски и потому не могъ не заботиться объ устраненіи свѣтскихъ и простонародныхъ элементовъ изъ своего писанія. Въ значительной степени ему таки удалось свою рѣчь ославянить [1]), такъ-что сквозь этотъ чужой, напущенный на себя для большей важности, языкъ пробились лишь нѣкоторыя, малохарактерныя черты родной рѣчи писца. Написавши род. падежъ „Богородицы“ съ ы, онъ по недосмотру написалъ рядомъ же: „одъ Владычицн“, гдѣ н вмѣсто ѣ, подобно тому какъ онъ еще разъ написалъ н вмѣсто ѣ въ выраженіи: „у господн“. Проскользнули у писца и кое-какія другія особенности его родного языка: „одъ,“ „зъ своею“, „были есмо“, «пръшоє,» „Каменне“ (=Каменное) и др., и самое свое имя онъ написалъ съ х: „Пахнутій“ вм. „Пафнутій.“ Если мы не можемъ рѣшить, малоруссъ или бѣлоруссъ писалъ эту духовную, то во всякомъ случаѣ можемъ съ увѣренностью сказать, что писалъ ее не великоруссъ.

Г. Соболевскій сперва хотѣлъ было ограничить изученіе кіевскаго говора XV вѣка только названными четырьмя документами [2]), но П. И. Житецкій указалъ ему еще на одинъ, въ ко-

[1]) Попадаются въ этой духовной даже аористы: поклонихомся, размыслихъ (при чемъ и предлогъ „раз“ написанъ по церковно-славянски вм. русскаго „роз“; такъ и дальше: „разсудится“. Род. пад. прил. ж. рода имѣетъ окончаніе я: пречистыя Богородицы нашея, святыя, ея. Вмѣсто „я“ или „язъ“ пишется „азъ“. Множ. число прил. ср. рода на я (вся тая) и род. падежъ безъ „овъ“ (дѣдъ своихъ, отецъ своихъ, всѣхъ мученикъ, пророкъ, апостолъ) также являются скорѣе церковнославянизмами, чѣмъ фактами русской рѣчи XV вѣка.—Духовная эта издана въ „грамотахъ великихъ князей литовскихъ“ Антоновича и Козловскаго, стр. 10—11 (Кіевъ, 1868, оттискъ, изъ „Универс. Извѣстій“). Вѣроятно, это—наиболѣе точное изданіе ея, хоть тоже оставляетъ многаго желать. Въ изданіи Я. Головацкаго есть много отличій отъ изданія Антоновича и Козловскаго, и возникаетъ вопросъ, гдѣ же печатный текстъ ближе къ оригиналу. Я. Головацкій, который въ „областныхъ разнорѣчіяхъ“ видѣлъ нарушеніе „чистоты общаго русского языка,“ позволялъ себѣ въ своихъ изданіяхъ дѣлать исправленія на „настоящо-русскій“ ладъ (что отмѣчено уже г. Соболевскимъ. „Очерки“, стр. 60), такъ-что его изданіе, вѣроятно, гораздо менѣе заслуживаетъ довѣрія, чѣмъ изданіе Антоновича и Козловскаго, хотя послѣднее сдѣлано вовсе не въ филологическихъ цѣляхъ. А желательно было имѣть хорошее филологическое изданіе.

[2]) Чтенія въ Ист. Общ. Нест. Лѣт. 1883, II, 215.

торомъ малорусскіе элементы не робко прокрадываются (какъ въ двухъ предыдущихъ), а бьютъ живымъ ключемъ изъ каждой строчки [1]). Это—

---

5) *Грамота кіевскаго князя Семена Олельковича*, выданная въ Прилукѣ за Днѣпромъ въ *1459-мъ г.* Получилъ ее мѣстный землевладѣлецъ Іеремія Шашко для „зоставленья" его „при всюи отчизнѣ его и дидизнѣ его", „которыхъ (такъ говоритъ князь) продкове его отъ продковъ моихъ спокойне держали и заживали" [2]). Приведемъ отзывъ г. Соболевскаго объ этомъ памятникѣ: „Грамота кіевскаго князя Семена Александровича, выданная въ Прилукѣ за Днѣпромъ и писанная на оффиціальномъ западно-русскомъ языкѣ, имѣетъ нѣкоторое количество малоруссизмовъ: всюи отчизнѣ, дидизинѣ, при томъ всюмъ, унъ (=онъ), притисъненъемъ, завишенъемъ [3]), но ихъ присутствіе вполнѣ можетъ быть объяснено предположеніемъ, что княжескій писарь былъ пришлый въ Кіевъ человѣкъ, волынскій уроженецъ" [4]). Странно дѣлать такое голословное предположеніе, основанное исключительно на нежеланіи признать старыхъ кіевлянъ за малоруссовъ [5]).

---

[1]) П. И. Житецкій прислалъ мнѣ для ознакомленія текста тѣхъ двухъ рефератовъ, которыми онъ въ засѣданіяхъ Общ. Нест. Лѣт. возражалъ г. Соболевскому на его рефераты о Кіевскихъ памятникахъ XV в. Нѣкоторыя сообщенныя мною подробности о диспутѣ П. И. Житецкаго съ г. Соболевскимъ я заимствовалъ именно оттуда; впрочемъ существенныя черты этого диспута всѣ, вкратцѣ, сообщены въ „Чтен. Общ. Нест. Лѣт.".

[2]) П. И. Житецкій пользовался прозрачнымъ снимкомъ, хранящимся въ архивѣ Кіевской Археографической Коммисіи. Мнѣ же было доступно только печатное изданіе этой грамоты, сдѣланное В. Б. Антоновичемъ и г. Козловскимъ въ „Грамотахъ великихъ князей литовскихъ" (оттискъ изъ „Унив. Изв."), К. 1868, стр. 19—20.

[3]) Малоруссизмовъ есть въ этой грамотѣ и больше,—въ ней смѣшивается ы съ и: онимы, малимы, дидизны. Менѣе характерны: боудетъ хотѣвъ, упадаетъ (вмѣсто впадаетъ), изъ лѣсомъ, изъ головою, изъ стѣнъкамы, ознаймуемо, дали есмо, съ обудвухъ.

[4]) Лекція, 2-ое изд., стр. 255.

[5]) Ниже мы увидимъ еще нѣсколько случаевъ, когда г. Соболевскій прибѣгаетъ къ тому же пріему. Такъ, о Рязанской Кормчей 1284-го года, списанной съ

Что же показываетъ обзоръ этихъ пяти памятниковъ? Первые два, писанные не кіевлянами, для сужденія о кіевской рѣчи не годятся, а въ остальныхъ трехъ г. Соболевскій не можетъ указать ни единой черты великорусской; наоборотъ, въ нихъ проскальзываетъ то слабѣе, то сильнѣе малорусская рѣчь, присутствія которой, наконецъ, не рѣшается отрицать и самъ г. Соболевскій.

Сверхъ перечисленныхъ памятниковъ XV-го вѣка, къ Кіевщинѣ имѣютъ отношеніе и другіе. Одинъ изъ нихъ—*Грамота Стародубскаго князя 1400 года* Александра Патрикѣевича, данная польскому королю Владиславу и написанная „увъ Озера у Круды, межи Городна и Меречь, по Розствѣ Христовѣ у пятокъ, у канунъ святого Обрѣзанія Христова, по нароженьи Сына Божьего тисяча лѣтъ и чотыриста лѣтъ" [1]). Написана она, слѣдовательно, гдѣ-то въ Виленшинѣ [2]), а такъ-какъ тамъ малоруссы не жили, то естественно приходится заключить, что княжескій писарь пріѣхалъ съ княземъ изъ Стародуба [3]). Достаточно взглянуть только на приведенную мной запись, чтобы увидѣть въ ней, сверхъ многихъ менѣе характерныхъ малорусскихъ чертъ, одну очень характерную—смѣшеніе ы и и: „тисяча" и, вѣроятно, „у Крудъ" (=въ Крудѣ, въ

кіевскаго оригинала и полной „галицко-волынскихъ" ятей, г. Соболевскій заявляетъ, что писецъ кіевской рукописи былъ галицко-волынскій уроженецъ. Про надпись на крестѣ св. Евфросиніи Полоцкой, также служащую опроверженіемъ „галицко-волынскаго" ѣ, г. Соболевскій тоже заявляетъ, что она писана галицко-волынскимъ уроженцемъ.

[1]) Издана у Головацкаго въ „Памятникахъ дипломатическаго и судебно-дѣлового языка русскаго" (Львовъ 1867, стр. 20). Можно подозрѣвать, что по своему обычаю г. Головацкій исправилъ многіе малоруссизмы и что въ подлинникѣ ихъ есть гораздо больше.

[2]) У меня нѣтъ подъ рукою подробной карты, гдѣ была бы обозначена Крудa. Меречь лежитъ на рѣкѣ Меречанкѣ при впаденіи ея въ Нѣманъ, въ Трокскомъ уѣздѣ Виленской г. П. И. Житецкій, изъ реферата котораго я почерпнулъ указаніе на Стародубскую грамоту, повидимому предполагалъ, что дата грамоты говоритъ о Городнѣ Черниговской, находящейся недалеко отъ Стародуба. Но мнѣ неизвѣстно, есть ли въ Черниговщинѣ Меречь.

[3]) Да едва ли князь отправиться въ дѣловое путешествіе, не захвативши съ собою своего писаря изъ Стародуба.

Крудн); такое же смѣшеніе ы и н проявилось еще въ „слюбилъ есмы“ рядомъ съ „цѣловалъ есмн“ (1-ое л. ед. ч.). Ѣ вмѣсто н написано въ „нѣкоторымъ (nullo)“. Характерно въ грамотѣ еще окончаніе мо (есмо). Важна Стародубская грамота 1400 года въ томъ отношеніи, что указываетъ на присутствіе малоруссовъ къ сѣверо-востоку отъ Кіева, на *лѣвой* сторонѣ Днѣпра. Другой памятникъ—„*Повчѣнье Зарубьскаго Черноризца*“ (Зарубская обитель—въ Кіевщинѣ, у Днѣпра); объ этомъ памятникѣ, изобилующемъ многими „галицко-волынскими“ ятями, будетъ сказано въ слѣдующей главѣ при № 15.—Кіевскихъ памятниковъ XVI вѣка дошло до насъ достаточно, но такъ-какъ ихъ малорусскости, болѣе чѣмъ очевидной, г. Соболевскій не отвергаетъ, то мы о нихъ говорить здѣсь не будемъ.

Я показалъ читателю, до чего шатки и неосновательны всѣ соображенія г. Соболевскаго о великорусскости старыхъ кіевлянъ. Нужно замѣтить, что шаткость всѣхъ этихъ аргументовъ сдѣлалась за послѣднее время очевидною и для самого г. Соболевскаго. Совершенно въ иномъ духѣ, чѣмъ „Очерки“ и „Лекціи“, написаны имъ послѣдующія статьи [1]): въ нихъ постепенно онъ отказался отъ своей гипотезы о великорусскости кіевлянъ. Значительное вліяніе въ дѣлѣ перемѣны его взглядовъ имѣли предпринятыя имъ занятія въ области малорусской діалектологіи.

Въ той классификаціи малорусскихъ нарѣчій на три группы, которой мы придерживаемся въ практическомъ обиходѣ, много значитъ безсознательный принципъ большей или меньшей удобопонятности какого-нибудь малорусскаго нарѣчія для людей, говорящихъ другимъ нарѣчіемъ: чѣмъ легче малороссъ понимаетъ какое-нибудь малорусское нарѣчіе или говоръ, тѣмъ болѣе роднымъ оно ему представляется. Въ малой степени принимаются при этомъ въ соображеніе черты фонетическія: такъ,

[1]) Начиная печатать свое изслѣдованіе, я еще не успѣлъ прочитать тѣхъ статей; поэтому въ 1-ой главѣ я и не упомянулъ о нихъ.

рѣчь „литваковъ“ дышетъ для украинца чѣмъ-то чуждымъ не только за нѣкоторыя ея слова, близкія къ рѣчи великорусской, но еще больше за ея странное, неудобопонятное произношеніе. Однако главное вниманіе при обиходной классификаціи малорусскихъ нарѣчій обращаютъ (безсознательно, конечно) не на произношеніе (фонетику), а на словарный матеріалъ (лексику), на формы склоненій и спряженій (морфологію). Если объ одномъ и томъ же скажутъ а) галичанинъ: „пишлы-смо зъ тетовъ дъ ватри“, б) галицкій горецъ: „пушлы-смо зъ тетовъ дъ ватри“, в) полтавецъ: „мы пишлы зъ титкою до вогня“ и г) черниговецъ: „мы пуышлы зъ тюиткою до вогня“,—то нефилологу никогда не придетъ въ голову мысль о близости рѣчи б) и г); наоборотъ, онъ рѣчь галичанъ и галицкихъ горцевъ объединитъ въ одно цѣлое, а рѣчь полтавцевъ и черниговцевъ—въ другое цѣлое. Такимъ образомъ, практически, преимущественно на основаніи большей или меньшей удобопонятности для себя то въ одномъ, то въ другомъ отношеніи, малоруссъ [1]) отличаетъ въ малорусскомъ языкѣ три нарѣчія: 1) западное (рѣчь и галичанъ и галицкихъ *горцевъ*, *угрорусскую*, *подлясскую*, подольскую, волынскую), 2) восточное (рѣчь *всей* Кіевщины, всю безъ разбора рѣчь южно-*черниговскую*, полтавскую, харьковскую и т. д.) и 3) сѣверное (рѣчь „литвацкую“, безъ рѣчи тѣхъ черниговцевъ, которыхъ легко понимаетъ полтавецъ). Въ сущности, такая утилитарная группировка малорусскихъ нарѣчій небезосновательна. Даже апріорно нельзя осудить принципъ: „та рѣчь мнѣ наиболѣе близка, которую я наилегче понимаю“, потому

[1]) Я имѣю въ виду только тѣхъ малороссовъ, которые, не будучи филологами, все же пытаются относиться къ діалектологическимъ вопросамъ осмысленно. А то вѣдь приходится встрѣчаться съ совершенно непонятной классификаціей: «малорусская рѣчь дѣлится на рѣчь Украины Австрійской и рѣчь Украины Россійской, причемъ въ послѣдней надо отличать рѣчь чисто-украинскую отъ рѣчи литвацкой». Къ сожалѣнію, подобное классификаторство завоевало себѣ извѣстныя права гражданства въ печати, и иногда ему подчиняются даже ученые. Такъ проф. Колесса (Archiv für slav. Phil. XVIII, 220) видитъ въ рѣчи *подолянина* Руданскаго нарѣчіе «украинское», противоположное «нарѣчію галицкому и буковинскому». Между тѣмъ языкъ Руданскаго чрезвычайно близокъ къ галицкому, а отъ кіевскаго и полтавскаго имѣетъ важныя отличія.

что понятность обусловливаться можетъ только близостью строя языка. И филологъ, сознавая, что дѣленіе малорусскихъ нарѣчій на три группы дѣйствительно не лишено филологическихъ основаній (то со стороны морфологіи и лексики, то со стороны фонетики), легко можетъ примириться съ такимъ дѣленіемъ; только, принявши въ разсчетъ тонкія черты фонетическія, значенія которыхъ не спеціалистъ не можетъ понять [1]), онъ произведетъ подлежащія модификаціи и перетасовки, перенесетъ извѣстные говоры изъ одной группы въ другую, а о нѣкоторыхъ сдѣлаетъ соотвѣтствующія оговорки; прекрасная, всѣмъ извѣстная статья К. П. Михальчука (Чуб., VII) представляетъ собою образецъ филологическаго отношенія къ малорусскимъ говорамъ при группировкѣ ихъ на три вѣтви. Но гораздо удобнѣе для филолога, разъ онъ желаетъ изучать *исторію* малорусскаго языка, положить въ основу классификаціи не лексическіе и не морфологическіе признаки [2]), а фонетическіе, и прежде всего—произношеніе звуковъ ô и ê. Въ старыя времена эти звуки во всѣхъ малорусскихъ нарѣчіяхъ произносились какъ двугласныя или какъ ɣ, ю; затѣмъ изъ нихъ образовался звукъ ї, въ однихъ говорахъ раньше, въ другихъ—позже; а въ иныхъ и теперь еще нѣтъ ї. Современныя нарѣчія малорусскаго языка, если не принимать въ соображеніе ихъ словарнаго запаса и морфологическаго и основываться только на произношеніи, распадаются на двѣ группы: 1) такія, въ которыхъ ô и ê звучатъ еще по-архаичному, т. е. или какъ двугласныя ɣо, юо, їэ съ ихъ варіаціями, или какъ ɣ, ю, и 2) такія, въ которыхъ ô и ê произносятся ї; параллельно съ этимъ обѣ группы обладаютъ нѣкоторыми другими фонетическими особенностями, отличающими одну группу отъ другой. (Между той и другой группой

[1]) Напримѣръ, большую или меньшую мягкость звука *i*, происходящаго изъ *ô*.

[2]) Особенно неустойчивый критерій—запасъ лексическій, потому-что подъ вліяніемъ политическихъ и культурныхъ обстоятельствъ онъ сравнительно легко поддается перемѣнамъ: старыя слова забываются, а усвоиваются многія слова той чужой культуры, которая въ данный моментъ имѣетъ перевѣсъ. Поэтому филологъ, не игнорируя, конечно, лексическихъ показаній, все таки не имъ отводитъ первое мѣсто въ своихъ изслѣдованіяхъ по исторіи языка.

есть и промежуточныя стадіи). Языкъ первой группы можно назвать нарѣчіемъ сѣверно-малорусскимъ, языкъ второй группы—нарѣчіемъ южно-малорусскимъ. Въ Россіи первымъ нарѣчіемъ, архаичнымъ, говорятъ малоруссы сѣверные (и въ томъ числѣ жители Черниговщины), жители кіевскаго и волынскаго Полѣсья, жители сѣверной части Кіевщины. Кіевъ теперь граница этого нарѣчія; средняя Кіевщина говоритъ ужъ рѣчью болѣе новоразвившеюся (съ ї), но ясно еще сохраняющею многіе слѣды своей близости къ рѣчи сѣверной. Вторымъ нарѣчіемъ, гораздо болѣе освободившимся въ фонетическомъ отношеніи, говоритъ Австрійская Малоруссь (безъ нѣкоторыхъ горныхъ частей), Волынь въ собственномъ смыслѣ, Подолія [1]); но наиболѣе типичный представитель этой группы есть рѣчь т. н. украинская, т. е. рѣчь южной окраины Кіевщины, большей части Полтавщины, Слобожанщины,—словомъ, тѣхъ мѣстностей, въ которыя, по свидѣтельству исторіи, была направлена колонизація съ запада (изъ Подоліи, Волыни, кажется—отчасти и Галичины). Такимъ образомъ, діалектологическія данныя служатъ подтвержденіемъ данныхъ историческихъ. При этомъ отдаленность украинской морфологіи и лексики отъ галицко-подольско-волынской и ея близость къ фактамъ рѣчи собственной Кіевщины, Черниговщины и Полѣсья ясно напоминаютъ, что сѣверно-малорусскіе элементы играли въ образованіи украинскаго населенія также немаловажную роль, будучи его основой.

Въ 1893 году, ужъ послѣ своихъ занятій въ области малорусской діалектологіи [2]), г. Соболевскій написалъ рецензію [3])

[1]) Я здѣсь указываю только приблизительныя границы нарѣчій, только главнѣйшія группы.

[2]) Въ 1892-мъ году, въ „Живой Старинѣ" (вып. IV, стр. 1—61) г. Соболевскій помѣстилъ статью о малорусской діалектологіи. Несмотря на порядочное количество неточностей, проистекающихъ отъ незнакомства съ какимъ-нибудь малорусскимъ нарѣчіемъ практически, статья эта въ высшей степени важна какъ сводъ свѣдѣній, разбросанныхъ во множествѣ мелкихъ статеекъ, изъ которыхъ большинство—библіографическая рѣдкость. Статья эта свидѣтельствуетъ, что г. Соболевскій позанялся малорусской діалектологіей очень основательно, хотя самой то рѣчью малоруссовъ не вполнѣ овладѣлъ.

[3]) Живая Старина 1893, вып. III, ст. 396—399.

на сочиненія Яблоновскаго: „Kolonizacya Ukrainy za ostatnich Jagellonów“ [1]) и „Etnicka postać Ukrainy w epoce zjednoczenia jej z Koroną“ [2]). Воспользовавшись показаніями малорусской діалектологіи и письменными данными памятниковъ XVI в., г. Соболевскій высказалъ въ упомянутой рецензіи слѣдующее заключеніе, съ которымъ мы можемъ не соглашаться только въ мелочахъ: „Несомнѣнно, что въ 16-мъ столѣтіи сѣверно-малорусскіе говоры слышались въ Волынскомъ Полѣсьи съ частями нынѣшней Минской, Гродненской и Сѣдлецкой губерній и на сѣверѣ старой Кіевщины,—тамъ, гдѣ слышатся теперь; но, вѣроятно, ихъ территорія тогда простиралась *дальше на югъ*, чѣмъ въ наши дни, такъ-что на мѣстѣ переходныхъ говоровъ, занимающихъ теперь среднюю часть Кіевской губерніи и юго-восточную окраину Волынскаго Полѣсья (въ Житомирскомъ уѣздѣ), въ то время звучали говоры вполнѣ сѣверно-малорусскіе. Южно-малорусскимъ говорамъ принадлежали Подолье и Галиція съ прилегающей къ нимъ частью Волынской губерніи (собственно Волынью). А въ какую группу входилъ говоръ обитателей Украйны [3]) 16-го вѣка? Особенности украинскаго говора—вмѣстѣ особенности подольско-галицко-волынскаго говора того времени, когда онъ составлялъ еще одно цѣлое [4]). *Главная* масса украинцевъ въ XVI вѣкѣ вышла въ Украину изъ Подолья и Галиціи и изъ сосѣдней съ ними части Волынской губерніи,—масса, въ

[1]) Kwartalnik Historyczny 1893, вып. I.

[2]) Тамъ же, вып. IV.

[3]) Въ настоящее время, благодаря развитію малорусскаго націонализма, слово „Украина“ примѣняется ко всякой малорусской области: сплошь да рядомъ мы слышимъ, что и Черниговщина—Украина, и Кіевщина—Украина, и Волынь—Украина, и Галичина-Украина или Русь-Украина. Поэтому считаю нелишнимъ напомнить читателю, что г. Соболевскій, подобно историкамъ, подъ Украиною разумѣетъ далеко не всю область малорусскаго племени, а только степное пространство, къ которому старая Кіевщина не относится и къ которому изъ территоріи современной кіевской губерніи принадлежитъ только южная окраина, къ югу отъ р. Роси.

[4]) Г. Соболевскій имѣетъ въ виду, конечно, только особенности фонетическія, но, какъ мы увидимъ дальше, при изложеніи новѣйшей статьи г. Шахматова, даже въ фонетическомъ отношеніи рѣчь названныхъ западныхъ областей отличается кое въ чемъ существенномъ отъ рѣчи Украины. Есть основанія не отождествлять старой подольской рѣчи съ современною.

которой исчезло безслѣдно то *сравнительно* ничтожное количество колонистовъ, которое дали Украинѣ Полѣсье, Кіевщина и Бѣлоруссія [1]). Полѣшуки направлялись не столько въ Украйну, сколько на востокъ въ Заднѣпровье, въ древнюю Сѣверщину, гдѣ было населеніе, конечно, великорусское“. Послѣднее утвержденіе г. Соболевскаго (о великорусскости *Черниговщины*), вполнѣ бездоказательное, не можетъ быть принято безъ значительныхъ оговорокъ [2]), но оно не существенно для того вопроса, кото-

[1]) Едва ли оно было ничтожнымъ даже сравнительно. Документальныя данныя, которыя собраны, между прочимъ, и у г. Яблоновскаго, говорятъ, что приливъ колонистовъ съ сѣверо-запада былъ порядочный; морфологія и лексика украинскаго нарѣчія, какъ это было нами отмѣчено выше, устраняютъ мысль о чрезвычайномъ преобладаніи колонистовъ волынскихъ и подольскихъ, а тѣмъ болѣе—галицкихъ. Да и фонетической близости рѣчи украинской съ рѣчью галицко-волынско-подольскою нельзя придавать *чрезмѣрнаго* значенія, потому-что произношеніе ô и ê за і могло бы развиться на Украинѣ даже вполнѣ органически (такъ же, какъ оно развилось и въ Галичинѣ, гдѣ сперва также слышались двугласныя, или у, ю), при минимальномъ вліяніи рѣчи выходцевъ западныхъ.

[2]) Одну часть Черниговщины, вѣроятно, исключаетъ и г. Соболевскій: онъ употребляетъ терминъ „Сѣверщина“, а не „Черниговщина“,—слѣдовательно ничего не говоритъ о жителяхъ той приднѣпровской полосы современной черниговской губерніи, которая входила въ составъ древней Кіевщины и имѣла, очевидно, однородное съ кіевскимъ населеніе, т. е. полянское, или сѣверно-малорусское. Но великорусскимъ ли, зато, было населеніе прочей части Черниговщины и—что интереснѣе всего—населеніе города Чернигова? Пока не будутъ представлены серьезныя доказательства, мы принуждены думать, что старинные черниговцы были предки тѣхъ малоруссовъ, рѣчь которыхъ проявилась, напримѣръ, въ стародубской грамотѣ 1400-го года, и тѣхъ, которые живутъ тамъ теперь. Г. Соболевскій въ пользу своего мнѣнія ссылается на тотъ фактъ, что „названіе сѣверной столицы звучитъ у малороссовъ по-великорусски: ЧерН**и**говъ, а чисто малорусская форма должна была бы звучать ЧерН**ы**говъ“ (съ огорченіемъ отмѣтимъ въ скобкахъ, что и занятія малорусской діалектологіей не научили г. Соболевскаго малорусскому нарѣчію: вѣдь по-малорусски окончаніе **ОКЪ** переходитъ въ **Н**въ, и фонема Черныговъ никакъ не была бы „чисто малорусской“). Очевидно, г. Соболевскій не знаетъ, что у малоруссовъ существуютъ параллельно двѣ равноправныя фонемы: ЧерН**и**въ и ЧерВ**ы**гивъ; чередованіе **ы** и **н** (т. е. старинныхъ **н** и **ѣ**) объясняется тѣмъ, что малоруссъ вообще любитъ двоякую огласовку суффикса (и окончанія) **НГА**,— напримѣръ: чепыга и чепига (рукоять у плуга), суцыга и суцига (пройдоха), цапига и цапыга (козлище), кацапыга и кацапига, сопыга и сопига (въ этомъ словѣ **ѣ** очень употребительно, срв. фамилію князей Сопѣгъ), кустерыга и кустерига (Festuca ovina), драпыга-

рымъ мы заняты сейчасъ, т. е. для вопроса объ этнографическомъ составѣ *кіевлянъ* княжескаго періода. Намъ интересно только отмѣтить, что въ 1893-мъ году г. Соболевскій усматривалъ галицко-волынско-подольскихъ пришельцевъ уже только въ Украйнѣ; Кіевщину, наоборотъ, онъ дѣлаетъ не колоніей, а одною изъ метрополій колонизаціи.

Въ январѣ 1897 года г. Соболевскій рецензировалъ [1]) статью А. М. Лазаревскаго объ украинской южно-лѣвобережной колонизаціи: „Лубенщина и князья Вишневецкіе“ [2]). А. М. Лазаревскій въ началѣ своей статьи указываетъ, что Посулье (южная или точнѣе средняя Полтавщина) въ XVI вѣкѣ было почти пустынею, и кіевская Украина (т. е. южная окраина Кіевской губерніи, не входившая въ составъ древняго Кіевскаго княжества) была въ XVII вѣкѣ тоже почти пустынею. Ни одинъ изъ историковъ Малороссіи не забывалъ сообщить объ этомъ [3]),

облупига и дряпига-облупыга (обирало), острыга и острига, кочадига (папоротникъ) при кочадыжныкъ,—слѣдовательно, **ѵьрнига** и **ѵьрнѣга** (д. б, увеличительное отъ **ѵьрнь**). Произношеніе Черн**и**гивъ (съ **и**, не **ы**) преобладаетъ именно въ самой Черниговщинѣ, гдѣ неизвѣстно твердое **ы**, такъ-что **и** и **ѣ** смѣшиваются тамъ и во многихъ другихъ словахъ.

[1]) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1897, Январь, 175—176.

[2]) Перепечатка изъ „Кіевской Старины 1896 г. январь, февраль, мартъ.

[3]) Ограничимся выписками изъ монографіи „Кіевъ“ В. Б. Антоновича (Кіев. Стар. 1882, январь). „Звенигородскій и переяславскій повѣты были въ XV столѣтіи совершенно опустошены татарами, замки разорены, и князья перестали даже посылать намѣстниковъ въ эти опустѣвшія области“ (стр. 31). „Между ногайскими кочевьями (расположенными Менгли-Гиреемъ) и между заселенною частью кіевскаго княжества образовалось обширное, почти пустынное пространство, пролегавшее отъ береговъ Роси до пороговъ и средняго теченія Ингула; на этомъ пространствѣ велась постоянная партизанская война между удальцами татарскими и русскими, и подъ прикрытіемъ послѣднихъ медленно и постепенно выдвигалась въ степь южно-русская колонизація изъ Кіевской области. Къ сѣверу отъ Роси страна, не смотря на татарскіе набѣги, была заселена и правильно устроена“ (стр. 27). „Въ XVI вѣкѣ новые выходцы изъ кіевскаго Полѣсья занимаютъ новыя мѣста: съ одной стороны вновь заселяется поднѣпровская часть бывшаго Переяславскаго княжества, съ другой стороны заселяются „грунты уманскій и звенигородскій“, въ которыхъ только въ концѣ XVI столѣтія правительство оффиціально признаетъ существованіе поселеній и лишь въ началѣ XVII в. назначаетъ коммиссію для осмотра края и опредѣленія его пространства“ (стр. 34).

хотя г. Соболевскій въ своей рецензіи и говоритъ, будто кіевская школа историковъ это отрицаетъ [1]); но г. Лазаревскій отличается отъ нихъ постановкой вопроса о метрополіи украинской колонизаціи, послѣ уніи 1569 года. Предыдущіе изслѣдователи приходили къ заключенію, что въ XVI и XVII вѣкѣ Украина колонизовалась, съ одной стороны, по прежнему сѣверными элементами, съ другой стороны—изъ Волыни и Подоліи, особенно въ эпоху Руины. Г. Лазаревскій, пользуясь „помощью однѣхъ догадокъ, хотя, повидимому, и вѣроятныхъ“ [2]), рѣшаетъ, что въ степной Украинѣ не могли бы селиться выходцы изъ Черниговщины, Полѣсья и Волыни, привыкшіе къ лѣсной природѣ, а такъ-какъ Украина Кіевская сама тогда еще заселялась, то „двигалось населеніе на лѣвый берегъ Днѣпра повидимому изъ Подоліи“ [3]); но такъ-какъ и въ Подоліи разгаръ колонизаціонной дѣятельности приходится именно на вторую половину XVI и самое начало XVII вѣка (другими словами: такъ какъ сама Подолія была въ то время далеко не вся заселена), то г. Лазаревскій считаетъ возможнымъ—метрополію украинской колонизаціи предположить въ Руси Галицкой [4]). Не трудно

[1]) Названная рецензія, стр. 175.

[2]) „Лубенщина“, Кіев. Стар. 1896, янв., стр. 123.

[3]) Тамъ же, стр. 125.

[4]) Стр. 126. Позволю себѣ мимоходомъ высказать многоуважаемому А. М. Лазаревскому свое мнѣніе о его гипотезѣ. Что среди прочихъ выходцевъ съ запада могло прійти на Украину въ XVI—XVIII в. извѣстное количество колонистовъ изъ Галичины, противъ этой догадки спорить незачѣмъ; но счесть Галичину за *метрополію* украинской колонизаціи и вовсе не признать въ Украинѣ притока (и притомъ большого) колонистовъ изъ сѣверно-малорусскихъ областей не позволяетъ филологическое изслѣдованіе украинскаго нарѣчія: оно сходно съ галицкимъ нарѣчіемъ только въ главнѣйшихъ фонетическихъ чертахъ (и то въ такихъ, которыя, какъ извѣстно изъ исторіи развитія малорусскаго языка, могли бы развиться въ украинскомъ нарѣчіи органически, самостоятельно, безъ малѣйшаго воздѣйствія не только галицкаго, но, пожалуй вообще всякаго западно-малорусскаго), а другими фонетическими чертами, морфологіей и лексикой украинское нарѣчіе стоитъ чрезвычайно близко, напримѣръ, къ рѣчи черниговской и сѣверно-кіевской. Галицкое нарѣчіе, вмѣстѣ съ другими нарѣчіями западно-малорусскими, могло только *участвовать* въ образованіи нарѣчія украинскаго, но *украинское нарѣчіе не можетъ быть произведено изъ галицкаго*. Для филолога это должна быть аксіома: такъ и Максимовичъ сорокъ лѣтъ тому назадъ указалъ на это обстоятельство Погодину;

замѣтить, насколько гипотеза А. М. Лазаревскаго о галицкой колонизаціи Украины (а не Кіевщины) въ XVI—XVII в. (а не послѣ Батыя) отличается отъ прежней гипотезы г. Соболевскаго. Тѣмъ не менѣе г. Соболевсcій написалъ въ рецензіи вотъ что: „Таково мнѣніе г. Лазаревскаго. Оно, вообще говоря, не ново, и между прочимъ мы сами говорили то же, что и авторъ, пользуясь отчасти историческими, отчасти лингвистическими данными (послѣднія г. Лазаревскому, повидимому, не доступны). Слишкомъ десять лѣтъ назадъ мы говорили о слабости населенія

такъ и акад. Ягичъ въ 1884 году повторилъ то же г. Соболевскому; такъ и ак. Шахматовъ въ тѣ времена, когда еще держался мнѣнія о безслѣдномъ исчезновеніи старыхъ кіевлянъ, не рѣшился населить Украину галичанами и хотѣлъ выводить ея нарѣчіе изъ Волыни (Русск. Фил. Вѣстн. 1894, кн. IV, стр. 1—12; теперь ак. Шахматовъ счелъ и это немыслимымъ); да и самъ г. Соболевскій называетъ сѣверную примѣсь въ Украинѣ не просто ничтожной, а „*сравнительно* ничтожной". Соображеніе г. Лазаревскаго, будто въ степной Украинѣ не могъ бы поселиться выходецъ изъ лѣсной мѣстности, совершенно неубѣдительно. На нашихъ глазахъ переселенцы сплошь да рядомъ идутъ въ мѣста съ иной природой, чѣмъ на ихъ родинѣ; плодородная степь, не лишенная притомъ лѣса въ балкахъ, могла быть сѣверцамъ даже привлекательнѣе, чѣмъ ихъ родная страна. А если бы было правильно мнѣніе г. Лазаревскаго, что степь могла заселиться не иначе, какъ выходцами изъ *однохарактерныхъ* мѣстъ, то все равно пришлось бы и Галичину исключить изъ числа украинскихъ метрополій, потому что ея природа тоже не однохарактерна съ украинской. Что общаго было у горной, лѣсистой Коломыи съ южной Полтавщиной? а между тѣмъ г. Лазаревскій какъ-разъ изъ Коломыи хотѣлъ бы видѣть колонистовъ въ южной Полтавщинѣ. Онъ находитъ, что о колонизаціи, направлявшейся изъ Коломыйщины, свидѣтельствуетъ прозвище „Коломыецъ", которое часто встрѣчается въ южной лѣвобережной Украинѣ. Но вѣдь слово „коломыецъ" значитъ по-малорусски просто „солеваръ", „солянопромышленникъ" и можетъ указывать (если дѣйствительно имѣетъ связь съ именемъ города Коломыи) на старинную общеизвѣстность Коломыйскихъ пріисковъ (уже у чернеца Климентія, т. е. при Мазепѣ, слово „Коломыецъ" является нарицательнымъ), а вовсе не на колонизацію Украины Галичиною. По-малорусски, впрочемъ, и слово „коломыя" оказывается не только именемъ собственнымъ (города въ Галичинѣ и рѣки, впадающей въ Прутъ), но прежде всего именемъ нарицательнымъ, съ разнообразными значеніями: такъ называется и особое растеніе, и родъ сумки, и колдобина, откуда, вѣроятно, также соляная яма; значитъ, слово „коломыецъ" могло возникнуть на Украинѣ даже безъ всякаго отношенія къ г. Коломыѣ. Вообще же въ вопросѣ объ украинской колонизаціи строить какія-либо догадки на прозвищѣ „коломыецъ"—совсѣмъ не позволительно. Далѣе, г. Лазаревскій говоритъ: „По недостатку историческаго матеріала изслѣдованіе вопроса о происхожденіи колонистовъ южной лѣвобережной Малорос-

кіевской области въ XVI и въ началѣ XVII вѣка и о движеніи населенія въ приднѣпровскія степи съ запада, изъ галицко-волынской земли. Три года назадъ, по поводу статей г. Яблоновскаго, мы повторили свое мнѣніе, указавъ на рѣшающія вопросъ лингвистическія данныя". Итакъ, въ 1897-мъ году у г. Соболевскаго настолько ослабѣла его прежняя погодинская гипотеза, что ему самому она начала представляться не въ видѣ гипотезы объ истребленіи кіевскаго великорусскаго населенія Батыемъ, а просто въ видѣ утвержденія „о *слабости* населенія кіевской области въ XVI—XVII в. и о движеніи галицко-волынскаго населенія въ приднѣпровскія *степи*".

Вполнѣ ясно высказалъ г. Соболевскій свои новыя воззрѣнія на этотъ предметъ въ маѣ 1897-го года въ статьѣ: „Изъ исторіи русскаго языка" (Ж. М. Н. Пр.). Въ ней ужъ не

сіи можетъ быть произведено съ помощью этнографическаго матеріала. Тутъ слѣдуетъ произвести сравнительное изученіе пѣсенъ и разныхъ житейскихъ обрядовъ съ пѣснями и такими же обрядами жителей преимущественно Полтавской губ." (Кіев. Стар. 1896, янв., 126). Такого сличенія г. Лазаревскій еще не произвелъ, но оно и не подтвердитъ его догадки о Галичинѣ, какъ единой метрополіи. Что въ пѣсенномъ репертуарѣ украинскомъ есть близость къ галицкому, это вѣрно; но такая же близость существуетъ у него къ репертуару Подоліи, Волыни, сѣверной Малороссіи и даже Бѣлоруссіи; при этомъ между пѣснями украинскими и сѣверно-малорусскими нѣтъ той разницы въ формахъ, словахъ и оборотахъ языка, которая такъ ощутительна при сравненіи пѣсенъ украинскихъ съ галицкими. (Сопоставленіе пѣсеннаго малорусскаго матеріала отчасти уже произведено: г. Довнаръ-Запольскій въ „Пѣсняхъ Пинчуковъ" (К. 1895) и г. Гринченко въ III томѣ своихъ „Этнографическихъ матеріаловъ, записанныхъ въ Черниговщинѣ и сосѣднихъ губерніяхъ" (Ч. 1899) указываютъ параллели изъ всѣхъ прочихъ мѣстъ Малороссіи. Слышалъ я, что г. Лазаревскій обращается также къ географической номенклатурѣ Украины. Онъ указываетъ, что многія села Полтавщины носятъ такія же названія, какія имѣются въ Галичинѣ. Но вѣдь въ Полтавщинѣ есть также много другихъ селъ, съ названіями восходящими не къ Галичинѣ, а къ другимъ мѣстностямъ; поэтому только тѣ одноименныя съ галицкими украинскія села могутъ считаться колоніями Галичины, имена которыхъ повторяются исключительно въ Галичинѣ и не существуютъ ни въ Подоліи, ни на Волыни, ни въ сѣверной Малоруси, ни въ Бѣлоруссіи,—словомъ, нигдѣ въ другихъ мѣстахъ. Если такія села окажутся (а нельзя ранѣе предугадывать, что не окажутся), то хоть невозможенъ будетъ выводъ, будто одна Галичина была метрополіей украинской колонизаціи, но за то возможна будетъ увѣренность, что *кромѣ* подолянъ, волынянъ, бѣлорусовъ и сѣверныхъ малоруссовъ шли на Украину и галичане.

только ничего не говорится объ изчезновеніи старокіевскаго населенія отъ Батыева погрома и приходѣ галичанъ или волынянъ въ Кіевъ, но, напротивъ, кіевскій говоръ XI—XVI вѣка разсматривается какъ одно преемственно развивающееся цѣлое, и только для XV—XVI вѣка предполагается (на основаніи, понятно, документальномъ) нѣкоторая чужая примѣсь, но ужъ не галицкая и не волынская, а сѣверная: бѣлорусская или великорусская. Вотъ заключительныя слова г. Соболевскаго: „Старый кіевскій говоръ былъ изъ нынѣшнихъ (великорусскихъ) говоровъ особенно близокъ къ говорамъ Орловской и Курской губерній[1]), которыя, по всей вѣроятности[2]), до движенія въ Сѣверщину малоруссовъ, занимали всю ея территорію, но онъ едва ли былъ чистымъ великорусскимъ говоромъ. Трудно сказать, былъ ли онъ переходнымъ говоромъ отъ великорусскаго нарѣчія къ малорусскому (въ родѣ тѣхъ бѣлорусскихъ говоровъ, которые теперь занимаютъ южную и западную окраины бѣлорусской территоріи), или (для XV—XVI вѣковъ) говоромъ смѣшаннымъ“[3]). Зная уже предыдущую рецензію г. Соболевскаго (по поводу Яблоновскаго) и его діалектологическія характеристики „тѣхъ бѣлорусскихъ говоровъ, которые теперь занимаютъ южную и западную окраины бѣлорусской территоріи“[4]), мы видимъ, что г. Соболевскій относитъ старый кіевскій говоръ къ числу сѣверно-малорусскихъ. Противъ такого мнѣнія не рѣшится по существу спорить, вѣроятно, ни одинъ историкъ малорусскаго нарѣчія[5]); спорить можно только о томъ, былъ

[1]) Въ этихъ говорахъ смѣшиваются **к** и **ɣ**, спорадически **ы** и **н**, **ѣ** и **н**; слышится **h**, а не **г**; произносится **хк** вм. **ф**; удваивается согласная перед **ь** (замиренння); смягчаются гортанные (на дарозѣ, на руцѣ); образуется 3-ье л. ед. ч. безъ „тъ“ (онъ знае), и т. п. По замѣчанію акад. Шахматова (Ж. М. Н. Пр. 1899, апр., 369) рѣчь орловцевъ настолько своеобразна, что у изслѣдователей являлось желаніе считать орловцевъ не великоруссами, а чистѣйшими бѣлоруссами.

[2]) Это нужно доказать чѣмъ-нибудь.

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1897, май, стр. 50.

[4]) См. „Очерки русской діалектологіи“. Живая Старина 1892, вып. III, стр. 3—4; вып. IV, стр. 12.

[5]) У Потебни, Житецкаго, Огоновскаго, Ягича и др. можно встрѣтить болѣе или менѣе прямое заключеніе, что старокіевское нарѣчіе принадлежало къ типу

ли старый кіевскій говоръ изъ числа такихъ, каковъ, напримѣръ, современный говоръ пинскій[1]), или это былъ тотъ же говоръ, который и теперь господствуетъ въ сѣверной Кіевщинѣ. Первое предположеніе маловѣроятно.

Эти строки были уже написаны, когда въ апрѣльской книгѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ появилась замѣчательная статья акад. Шахматова: „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей“[2]). Научной неподкупности г. Шахматова мы не смѣли заподозривать даже тогда, когда онъ держался прежней, ярко невѣроятной гипотезы г. Соболевскаго[3]). Теперь, на основаніи внимательнаго изученія древнерусской исторіи и современной діалектологіи[4]), г. Шахматовъ съ истинно академическимъ безпристрастіемъ рѣшительно отказался отъ той гипотезы и заявилъ объ исконной малорусскости жителей Кіевской области. Приведемъ извлеченія изъ его статьи.

архаическому, сѣверно-малорусскому. Вполнѣ ясно высказано это у того лица, которое наиболѣе компетентно въ вопросахъ малорусской діалектологіи,—у К. П. Михальчука. Онъ, говоря объ исконномъ дѣленіи южно-руссовъ на группу сѣверо-восточную и юго-западную, къ первой группѣ относитъ древлянъ и полянъ кіевскихъ и переяславскихъ (Кіев. Стар. 1893, сент., стр. 460). „Современное полѣшское, или сѣверно-малорусское поднарѣчіе является лишь незначительнымъ осколкомъ прежней обширной отрасли южно-русской рѣчи сѣверо-восточнаго (полянско-древлянскаго) типа... Украинское же поднарѣчіе образовалось на почвѣ древней полянско-древлянской рѣчи подъ продолжительнымъ вліяніемъ на нее рѣчи волынянъ и подолянъ, а можетъ быть, отчасти и галичанъ“ (Тамъ же, стр. 460). Ѳ. Я. Коршъ, необыкновенная филологическая проницательность котораго общеизвѣстна, сообщилъ мнѣ, что, по его изслѣдованію, старая кіевская рѣчь была полѣшская. То же на дняхъ высказалъ акад. Шахматовъ въ своей статьѣ (Ж. М. Н. Пр., апр.). Такимъ образомъ, говоря, что никакой филологъ не будетъ причислять старый кіевскій говоръ къ южно-малорусскимъ, я руководжусь вовсе не субъективнымъ предположеніемъ.

[1]) Г. Соболевскій склоняется именно къ этому, но вѣроятно, не долго будетъ настаивать на своемъ предположеніи.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1899, апрѣль, 324—384.

[3]) Срв. Кіев. Стар. 1898, іюль, 355.

[4]) А съ показаніями памятниковъ онъ ужъ раньше былъ прекрасно знакомъ.

Для современныхъ малорусскихъ нарѣчій г. Шахматовъ принимаетъ сперва дѣленіе на три группы [1]). Эти три группы: сѣверно-малорусская, восточно-украинская, западно-украинская [2]). Изъ нихъ наиболѣе противоположны другъ другу въ фонетическомъ отношеніи — нарѣчіе восточно-украинское и нарѣчіе сѣверно-малорусское. Западно-украинское занимаетъ средину между ними: хоть оно, подобно восточно-украинскому (полтавско-харьковскому), не имѣетъ двугласныхъ, все таки оно произноситъ звукъ і (изъ ô) болѣе твердымъ, болѣе архаичнымъ способомъ, чѣмъ восточно-украинское; что касается другихъ фонетическихъ чертъ западно-украинскаго нарѣчія, то во многихъ оно приближается, пожалуй, къ восточно-украинскому, но одновременно заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя важныя черты сѣверно-малорусскаго нарѣчія, несвойственныя восточно-украинскому [3]). Характеръ западно-украинскаго нарѣчія говоритъ филологу о томъ, что оно возникло отъ воздѣйствія сѣверно-малорусскаго нарѣчія на восточно-украинское. При *нынѣшней* географической группировкѣ малорусскихъ племенъ такое происхожденіе западно-украинскаго нарѣчія казалось бы физически невозможнымъ. Но вѣдь мы знаемъ изъ исторіи народа, что восточные украинцы (напримѣръ, харьковцы и полтавцы) не всегда жили въ Харьковщинѣ и Полтавщинѣ, а пришли туда

[1]) Онъ, какъ и г. Соболевскій, руководится въ своей классификаціи исключительно фонетическими чертами, однако для него служитъ критеріемъ (и совершенно основательно) не только произношеніе ô за і, но также степень твердости или мягкости этого і. Кромѣ того онъ считается съ большей или меньшей твердостью ы (кулишевскаго н), мягкостью или твердостью р (прямо и прямо), отвердѣніемъ или неотвердѣніемъ тѣ (винъ ходытъ, винъ ходытѣ), съуженіемъ я въ е (взьеты, взяты) и т. д.

[1]) Отдѣльной діалектической особи червонорусской г. Шахматовъ не признаетъ, а относитъ одни галицкіе говоры къ сѣверно-малорусскому нарѣчію, другіе—къ западно-украинскому. Такимъ образомъ, терминъ „Украина“ у него имѣетъ гораздо болѣе широкое значеніе, чѣмъ принято у историковъ. См. назв. статью стр. 328, 344.

[2]) Отвердѣніе, хотя и спорадическое, мягкаго р; отвердѣніе, хотя и не постоянное, окончанія т въ 3-мъ лицѣ обоихъ чиселъ; произношеніе ы вмѣсто восточно-украинскаго средняго н; съуженіе я въ е, и т. д.—Стр. 328 и 344.

съ запада, изъ-за Днѣпра, гдѣ географическое положеніе трехъ малорусскихъ группъ могло быть иное. Изъ какого же Правобережнаго мѣста пришли они на востокъ Днѣпра? Особенности современнаго восточно-украинскаго нарѣчія, сложившагося (это ясно филологу) непремѣнно такъ же давно, какъ и другія малорусскія нарѣчія [1]), показываютъ, что лѣвобережные колонисты (полтавцы, харьковцы) въ тѣ времена, когда они жили еще на Правобережьи, жили тамъ не иначе, какъ въ *самой южной* его части. Скажемъ то же иными словами: большая противоположность восточно-украинскаго нарѣчія сѣверно-малорусскому и смѣшанный, посредствующій характеръ западно-украинскаго нарѣчія показываютъ, что на первоначальной родинѣ малорусскаго языка, въ Правобережьи, передъ началомъ движенія малоруссовъ за Днѣпръ, область сѣверно-малорусскаго и область восточно-украинскаго нарѣчія не примыкали другъ къ другу непосредственно, но были разъединены областью нарѣчія западно-украинскаго; слѣдовательно, къ югу отъ области сѣверно-малорусскаго нарѣчія лежала сперва область нарѣчія западно-украинскаго, а ужъ къ югу отъ послѣдняго—область восточно-украинскаго нарѣчія (предка нынѣшней харьково-полтавской рѣчи). Но такъ-какъ въ этой группировкѣ срединное (по нынѣшнему „западно-украинское“) нарѣчіе можно считать не самостоятельно возникшимъ нарѣчіемъ, а просто переходной стадіей между двумя остальными малорусскими нарѣчіями (между самымъ сѣвернымъ и самымъ южнымъ), то формулировать результаты всего предыдущаго филологическаго анализа можно такъ: „На пространствѣ, лежащемъ по правую сторону Днѣпра, малорусское нарѣчіе, въ самую древную свою эпоху, гораздо раньше начала колонизаціоннаго движенія на лѣвый берегъ Днѣпра, дѣлилось только на двѣ вѣтви—сѣверную и южную; но отъ продолжительнаго сближенія сѣверной вѣтви съ южною получился еще рядъ смѣшанныхъ говоровъ, какъ въ современной Украйнѣ, такъ и въ Галиціи [2]). Позже произошло выселеніе

[1]) Стр. 328.

[2]) Въ этомъ мѣстѣ г. Шахматовъ Галичину уже противопоставляетъ Украинѣ.

той части южной вѣтви, которая сохранилась въ чистотѣ и не смѣшалась съ сѣверной, на востокъ—въ Полтавщину и Слободскую Украйну“ [1]).

Эта картина лишена еще отчетливости: она какъ бы не ретуширована и набросана только въ общихъ контурахъ. Сопоставивши показанія языка съ показаніями исторіи народа, г. Шахматовъ устанавливаетъ ужъ болѣе подробныя, болѣе опредѣленныя свѣдѣнія по вопросу объ образованіи малорусскихъ народностей. Восточною границею южнорусской (иначе—малорусской) вѣтви русскаго народа былъ Днѣпръ, который южноруссы перешли, повидимому, не ранѣе XIV вѣка [2]); сѣверною границею была приблизительно Припеть, которую южноруссы, впрочемъ, перешли еще въ доисторическую эпоху; южная и западная границы часто колебались и измѣнялись. Эта территорія, ограниченная съ востока Днѣпромъ, была занята малоруссами въ эпоху доисторическую: мы не имѣемъ основанія предполагать, чтобы современные малоруссы пришли въ Приднѣпровье лишь въ историческое время [3]). Лѣтописецъ называетъ на этой территоріи не одно, а нѣсколько южнорусскихъ племенъ: полянъ, древлянъ, волынянъ, бужанъ, тиверцевъ, дулѣбовъ, хорватовъ, уличей. Но такъ-какъ потомки южно-руссовъ современные малоруссы отъ береговъ Припети вплоть до Чернаго моря, отъ Днѣпра и до Карпатъ говорятъ такими говорами, которые ясно свидѣтельствуютъ объ исконномъ племенномъ ихъ единствѣ, то мы должны признать единоплеменность тѣхъ южныхъ племенъ,

[1]) Стр. 329.—Рискуя надоѣсть читателю многократнымъ повтореніемъ того, что уже было сказано выше, я все таки сдѣлаю нѣсколько замѣчаній къ выводамъ г. Шахматова. Невозможность производить, напримѣръ, полтавцевъ отъ галичанъ у него основана только на фонетическихъ чертахъ восточно-украинскаго нарѣчія. Напоминаю, что о той же невозможности вопіютъ черты морфологическія и лексическія. Эти же черты указываютъ, что засельниками лѣвобережной Украины были колонисты не только изъ самаго южнаго Правобережья, но также изъ области сѣвернаго малорусскаго нарѣчія.

[2]) Стр. 338. Исключеніе г. Шахматовъ дѣлаетъ для той узкой береговой полосы Приднѣпровскаго лѣвобережья, которая еще прежде XIV вѣка принадлежала южноруссамъ кіевскимъ. (Стр. 344).

[3]) Стр. 339.

о которыхъ повѣствуетъ лѣтописецъ. Южноруссы издавна дѣлились на лѣсныхъ и степныхъ; такое дѣленіе обусловливалось природою занятой ими страны. Лѣсныя пространства лежали къ сѣверу, степныя къ югу. Вотъ почему г. Шахматовъ принимаетъ *исконное* дѣленіе южно-руссовъ (иначе—малоруссовъ) на вѣтви—сѣверную и южную [1]). Къ сѣверной вѣтви южно-руссовъ принадлежали хорваты, бужане (жившіе по Западному Бугу), дулѣбы (жившіе нѣкогда по южному Бугу), древляне и, наконецъ, поляне; къ южной вѣтви южно-русской группы относились тиверцы, уличи и волыняне [2]). Но въ историческую эпоху удары степняковъ (печенѣговъ и половцевъ,—съ конца X в.) повліяли на южныя малорусскія племена: они должны были двинуться къ сѣверу и потѣснить племена сѣверныя [3]): сначала, на востокѣ малорусской территоріи, волыняне потѣснили древлянъ и дулѣбовъ [4]); не покидая излюбленнаго юга, уличи, сидѣвшіе внизъ по Днѣпру (очевидно, до самаго моря), удаляются къ западу и поселяются между южнымъ Бугомъ и Днѣстромъ [5]); а на самомъ западѣ малорусской территоріи, южно-малорусское племя тиверцевъ, оттѣсненное отъ Дуная и отъ моря, двинулось въ область сѣверно-малорусскаго племени хорватовъ, въ бассейнъ Днѣстра, и частью оба племени сливаются, а частью хорваты оставляютъ свои прежнія жительства и углубляются въ Карпаты [6]). По поводу культурнаго полянскаго центра—Кіева—г. Шахматовъ замѣчаетъ, что его общерусское значеніе создано не одними мирными земледѣльцами—полянами, но и военно-торговымъ движеніемъ по Днѣпру. Кіевъ былъ центромъ, объединявшимъ нѣкоторыя изъ

[1]) Стр. 344.

[2]) Стр. 339.

[3]) Стр. 341.

[4]) Стр. 348. На уличей читателю слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, такъ какъ (это мы увидимъ ниже) именно отъ нихъ г. Шахматовъ выводитъ современное восточно-украинское нарѣчіе.

[5]) Стр. 344 и 350. И теперь мы находимъ въ Карпатахъ такіе говоры, которые несомнѣнно должно относить къ сѣверно-малорусской группѣ (срв. переходъ о въ у), а галицкое, или червоно-русское нарѣчіе представляетъ на южно-малорусской основѣ рядъ сѣверно-малорусскихъ особенностей.

[6]) Стр. 351.

русскихъ племенъ и всего вѣроятнѣе—полянъ съ сѣверянами [1]). „Вотъ почему нѣкоторые древніе памятники, писанные въ Кіевѣ, не содержатъ тѣхъ рѣзкихъ діалектическихъ особенностей, которыми отличаются памятники новгородскіе или даже сосѣднихъ съ Кіевомъ городовъ деревской, волынской, можетъ быть, даже самой полянской земли: очевидно, въ общерусскомъ городѣ создалось такое нарѣчіе, которое утратило или сгладило наиболѣе рѣзкія діалектическія черты... А. И. Соболевскій сначала допустилъ въ Кіевѣ присутствіе великоруссовъ, а впослѣдствіи—одного изъ тѣхъ племенъ, которыя со временемъ образовали великорусское племя [2]). Конечно, предположеніе о смѣшанномъ характерѣ Кіевскаго (городскаго) населенія дѣлаетъ совершенно излишней гипотезу Соболевскаго, въ значительной степени вызванную теоріей Погодина, признававшаго возможнымъ переселеніе русскаго племени изъ Приднѣпровья въ при-окскую область послѣ татарскаго нашествія. Но во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ основанія не признать кіевскаго населенія южно-русскимъ, хотя оно было въ самомъ городѣ значительно разрѣжено другими русскими племенами и всего вѣроятнѣе сѣверянами“ [3]).

[1]) Стр. 351.

[2]) Я въ этой же главѣ, выше показалъ читателю, что тѣ „нѣкоторые“ кіевскіе памятники, на какихъ г. Соболевскій строилъ свою гипотезу о великорусскости Кіева, писаны или вовсе не въ Кіевѣ, или не кіевлянами. Наоборотъ, памятники, писанные кіевлянами, проявили въ себѣ тѣ малорусскія особенности, какія существовали въ малорусскомъ языкѣ стараго времени.

[3]) Стр. 345—346.—Въ выноскѣ (на стр. 345) г. Шахматовъ замѣчаетъ, что «говоръ князей и дружины имѣлъ, несомнѣнно, общерусскій характеръ, благодаря ихъ постояннымъ передвиженіямъ». Навѣрное, и среди купечества, думается намъ, бывали часто некіевляне, пріѣзжавшіе нажиться въ такой торговый городъ, какъ Кіевъ. Кіевъ привлекалъ къ себѣ немалоруссовъ еще и потому, что сдѣлался общерусской религіозной святыней, разсадникомъ христіанства въ областяхъ къ сѣверу отъ него. Кіево-печерское монашество, этотъ питомникъ просвѣщенія, несомнѣнно заключало въ своей средѣ и некіевскіе элементы, такъ-какъ нельзя же предположить, чтобы никто—ну, хоть, изъ ятичей—не послѣдовалъ примѣру своего апостола Кукши Кіево-печерскаго и не поступалъ въ монахи Лавры. Впрочемъ, это и безъ предположеній извѣстно,—по Патерику; то же видно изъ записей на кіево-печерскихъ рукописяхъ (вспомнимъ хоть вышеупомянутую Псалтырь Спиридона (Москвича) 1397 го года; заказанное Іоной Балакиревымъ Евангеліе 1411-го г.; хранящійся въ Московской Духовной Академіи, но писанный въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ Златоструй

Переходя къ нашествію татаръ, г. Шахматовъ говоритъ: южно-руссы въ Заднѣпровьи подверглись жестокимъ и страшнымъ ударамъ со стороны татаръ: ихъ орды заходили такъ далеко, куда половцы могли проникнуть только въ качествѣ союзниковъ русскихъ царей. Всѣ историки согласны въ томъ, что Кіевская земля была совершенно опустошена татарами: конечно, невѣроятно, чтобы они превратили ее въ безлюдную пустыню, но во всякомъ случаѣ значительная часть населенія должна была искать болѣе безопасныхъ поселеній и, конечно, двигалась при этомъ къ сѣверу и западу. Вмѣстѣ съ тѣмъ остатки кіевскаго (сѣверно-малорусскаго) населенія должны были принять совершенно иной харак-

Ондрея Тферитина 1474 года). Дѣлая эти указанія, я тѣмъ самымъ потверждаю мысль о чужой примѣси въ рядахъ (sit venia verbo) „интеллигенціи“ стараго города Кіева. Однако, ничто намъ не указываетъ, чтобы рѣчь пришлецовъ не подвергалась вліянію рѣчи кіевскаго простонародья. Если и теперь, при строгой системѣ обрусенія, простой народъ Кіева не теряетъ своего малорусскаго языка и даже оказываетъ извѣстное вліяніе на рѣчь кіевской общерусской интеллигенціи, (Соболевскій: Діалектологія—Жив. Стар. 1892, I, 9), то во сколько же разъ сильнѣе было это вліяніе встарину, когда о принудительной системѣ денаціонализаціи никто и понятія не имѣлъ! Примѣры у насъ на лицо: дьякъ Іоаннъ, великокняжескій переписчикъ Изборниковъ 1073-го и 1076-го года, принадлежалъ къ кіевской интеллигенціи, вращался въ великокняжеской сферѣ; однако его невольныя описки показываютъ намъ, что говорилъ онъ не по-общерусски, а по кіевски.—Г. Шахматовъ говоритъ еще: «Отмѣчу, что словарный составъ нашихъ кіевскихъ лѣтописей также доказываетъ смѣшанный характеръ кіевскаго говора: лѣтописецъ употребляетъ слово истьба, неизвѣстное южно-русскому племени; онъ влагаетъ въ уста Мономаха слово лошадь, описывая Долобскій съѣздъ: въ этой формѣ оно не извѣстно въ малорусскихъ говорахъ (стр. 345)». Слово «истьба» (теперь произносятъ и „їздьба“, и їзба“) не извѣстно только въ нѣкоторыхъ говорахъ Малороссіи (тамъ говорятъ „хата“), а въ архаическихъ вполнѣ извѣстно (см. Желеховскаго I, 327; Kolberg I, 102). То же скажемъ и о словѣ „лошадь“. Для обозначенія понятія „добрый конь“ оно въ нашей козацкой странѣ не употребляется (какъ не употреблялось и въ древней Руси; Владиміръ Мономахъ говорилъ о лошади смерда—пахаря); но обыкновенныя лошади до сихъ поръ помалорусски называются „лошыцями“, „лошычками“, „лошунами“ (послѣднее сообщено И. Франкомъ Желеховскому, s. v.), а жеребята—„лошатами“ „лошатками“, „лошуками“ и т. д. Вообще же словарный матеріалъ кіевской лѣтописи отличается поразительной близостью къ современному малорусскому, и когда будетъ изданъ историческій словарь малорусской рѣчи (надъ которымъ много лѣтъ потрудился П. И. Житецкій и надъ которымъ продолжаю теперь работать я), то преемственная близость малорусской рѣчи къ древней южно-русской не будетъ ни въ комъ вызывать малѣйшихъ сомнѣній.

теръ, сравнительно съ прежнимъ временемъ: рубежъ русской земли съ лѣвой стороны Днѣпра переносится на правый, и Кіевская земля, постоянно угрожаемая съ востока и юга, становится новою украйною земли русской; порубежники быстро мѣняютъ прежній образъ жизни и привычки, такъ какъ имъ уже не приходится предаваться мирнымъ занятіямъ земледѣльцевъ и торговцевъ. Весьма вѣроятно при этомъ, что населеніе Кіевской земли (т. е. сѣверно-малорусское) ассимилируется[1]) тому южно-малорусскому населенію, которое издавна сосѣдило на югѣ со степью,—жителямъ Поросья и Побужья; въ Побужьѣ жили потомки уличей, которымъ событія на югѣ открыли новую историческую роль. Въ XIII вѣкѣ уличи, пользуясь слабостью южныхъ князей, стремятся къ самостоятельности; у нихъ появляются самостоятельные князья, а территорія ихъ выдѣляется изъ сосѣднихъ княженій подъ именемъ Болоховской земли. Нашествіе татаръ, съ которыми они вошли въ особое соглашеніе, еще болѣе отдѣлило ихъ отъ остальной Руси, при чемъ упорное сопротивленіе Даніилу Галицкому показываетъ многолюдство и могущество Болоховской земли. Такимъ образомъ, на юго-западѣ Руси нашествіе татаръ вызываетъ явленіе сходное съ тѣмъ, которое послѣдовало (два съ половиною вѣка тому назадъ) за вторженіемъ печенѣговъ въ наши южныя степи: южное населеніе вступаетъ въ борьбу съ сѣвернымъ. Подобно тому какъ древляне и дулѣбы отступили тогда въ результатѣ этой борьбы къ сѣверу, такъ точно, послѣ вторженія татаръ, населеніе Кіевской земли и, вѣроятно, также Волынской отлило въ Полѣсье[2]),

[1]) Выраженіе „ассимилируется“ употреблено здѣсь г. Шахматовымъ крайне сбивчиво. Если онъ хочетъ сказать, что рѣчь Кіевщины приняла *многіе* южно-малорусскіе признаки, то съ этимъ согласиться можно; но о *безусловной* ассимиляціи не можетъ быть и рѣчи: рукописные (отчасти и печатные) памятники обнаруживаютъ присутствіе сѣверно-малорусскихъ чертъ къ югу отъ Кіева вплоть до 18-го вѣка; да и теперь говоръ средней Кіевщины не вполнѣ южно-малорусскій.

[1]) Сѣверная Кіевщина сама есть ужъ Полѣсье, да и изъ средней Кіевщины (по причинамъ, указаннымъ выше) нельзя предположить уходъ сѣверно-малорусскаго населенія. Уличи могли занять только Поросье и мѣста къ югу отъ Роси. Требуется, чтобы г. Шахматовъ выразился здѣсь точнѣе.

оставляя просторъ для сидѣвшихъ южнѣе жителей Понизовья (мѣстность между Богомъ и Днѣстромъ)[1]).

Съ XIV вѣка,—продолжаетъ г. Шахматовъ сопоставлять показанія языка съ показаніями исторіи народа,—южно-руссамъ, страна которыхъ, кажется, не ранѣе XIII вѣка получаетъ названіе Малой Руси, открывается новая задача—колонизовать югъ и юго-востокъ Россіи. Подъ охраной литовскихъ князей и кіевскихъ Олельковичей, малоруссы двигаются въ Полтавщину[2]), что можетъ служить весьма сильнымъ аргументомъ противъ предположенія о слишкомъ сильной разрѣженности южно-русскаго населенія послѣ татарскаго нашествія. Кіевское княжество уже въ XV вѣкѣ нашло возможность расширить свои предѣлы до Чернаго моря и Донца; ясно, что собственно Кіевщина не могла въ то время нуждаться въ колонистахъ изъ Галиціи или Бѣлоруссіи. Впослѣдствіи новыя событія на востокѣ и въ особенности образованіе крымскаго ханства привели Кіевъ ко вторичному упадку: „широкія границы, начертанныя для Кіевщины Витовтомъ, говоритъ Антоновичъ, исчезли черезъ полвѣка послѣ его смерти подъ напоромъ крымской орды“. Прочное колонизаціонное движеніе малоруссовъ въ Полтавщину и Черниговщину возобновляется не раньше XVI вѣка; впослѣдствіи, уже подъ охраною московскаго государства, заселяются южныя степи бѣжавшимъ отъ польскихъ порядковъ малорусскимъ крестьянствомъ. Во второй половинѣ XVII вѣка малоруссы занимаютъ современную Харьковскую, западную часть Воронежской и южную часть Курской губерній. Колонизаціонное движеніе съ праваго берега Днѣпра шло, кажется, преимущественно изъ южной Украйны, изъ Побережья, т. е. мѣстности между Бугомъ и Днѣстромъ: населеніе этой части южной Руси, захвативъ сначала, какъ мы видѣли выше, Кіевщину[3]), двигалось затѣмъ большими волнами въ заднѣпровскія степи[4]).

[1]) Стр. 357—358.

[2]) Сперва въ сѣверную.

[3]) Конечно, только Кіевщину южную.

[4]) Стр. 367—368.

Резюмируя свою обширную статью, г. Шахматовъ по поводу группы малорусскихъ современныхъ нарѣчій говоритъ: Малорусская группа цѣльнѣе, чѣмъ всѣ остальныя (т. е. чѣмъ бѣлорусская и великорусская), сохранила свою связь съ древней группой соотвѣтствующихъ ей говоровъ: южно-русская группа X—XI вѣка вполнѣ представлена современной группой—малорусской[1]), и подобно тому какъ древняя южно-русская племенная группа дѣлилась на племена сѣверныя и южныя, малорусское нарѣчіе можно раздѣлить на сѣверное и южное поднарѣчіе[2]); смѣшеніе древнихъ племенъ сѣверныхъ и южныхъ на ихъ пограничныхъ полосахъ отразилось въ нынѣшнемъ малорусскомъ нарѣчіи говорами переходными. Какъ ни цѣнны всѣ дальнѣйшія частныя замѣчанія г. Шахматова по поводу каждой группы: сѣверно-малорусской, южно-малорусской и переходной, я ограничусь сообщеніемъ лишь самаго необходимаго[3]).

Въ старину (и даже лѣтъ двѣсти-триста тому назадъ) на Правобережьи, т. е. въ западномъ бассейнѣ Днѣпра, въ бассейнѣ Бужскомъ и въ бассейнѣ Днѣстровскомъ, слышались всѣ три малорусскихъ нарѣчія, или поднарѣчія:—на югѣ чистое южнорусское, въ центральной полосѣ—южномалорусское смѣшанное, на сѣверѣ—сѣверномалорусское. Теперь ихъ группировка иная.

1) *Чистаго* южномалорусскаго нарѣчія теперь на правомъ берегу Днѣпра уже нѣтъ. Этимъ чистымъ южномалорусскимъ нарѣчіемъ говорили жители Понизовья (между Бугомъ и Днѣстромъ) и, подъ конецъ, жители южной Кіевщины. Отъ сѣверныхъ малоруссовъ эти чистые южномалоруссы были отдѣлены широкой полосой смѣшанныхъ говоровъ и, какъ видно изъ событій XIII вѣка, не вполнѣ втянулись въ общую политическую малорусскую жизнь. Эти чистые южномалоруссы уже выселились изъ Правобережья и занимаютъ теперь Полтавскую губернію (кромѣ сѣверной полосы), Харьковскую (безъ сѣверозападной полосы),

[1]) Стр. 368.

[2]) Стр. 369.

[3]) Изъ стр. 369—377.

южную часть Курской, юго-западную часть Воронежской,—вообще Слободскую Украину и южныя степи; поэтому, основываясь на ихъ нынѣшнемъ географическомъ положеніи, ихъ чистую южномалорусскую рѣчь приходится теперь называть восточно-украинскимъ нарѣчіемъ. Мѣста, оставленныя ими въ Правобережьи, были послѣ ихъ ухода заняты ихъ сосѣдями съ сѣвера, т. е. южномалоруссами смѣшанными[1]).

2) Южномалорусское нарѣчіе *смѣшанное*, усвоившее нѣкоторыя немаловажныя черты сѣверныя, уже не есть теперь по своему географическому положенію нарѣчіе срединное, а просто—западно-украинское, или западно-малорусское. Имъ говорятъ въ Галичинѣ, въ Пололіи (откуда чистые южномалоруссы уже выселились на Лѣвобережье), въ западной Волыни, въ южной и отчасти средней Кіевщинѣ (откуда чистые южномалоруссы тоже выселились); путемъ колонизаціи (начавшейся раньше, чѣмъ у чистыхъ южномалоруссовъ) это смѣшанное южно-малорусское нарѣчіе распространилось въ южной Черниговщинѣ и сопредѣльной сѣверной Полтавщинѣ, въ сѣверозападной полосѣ Харьковской губерніи и въ западномъ углѣ Курской губерніи[2]).

3) Сѣверно-малорусское нарѣчіе занимаетъ сѣверъ малорусской территоріи, отступая отъ юга то больше, то меньше; самый западный пунктъ—Русь Угорская, самый восточный—Черниговъ-

[1]) Т. е. типа галицкаго, западно-волынскаго, среднекіевскаго. Если какое-нибудь количество чистыхъ южномалоруссовъ не выселилось, а осталось въ Правобережьи, то ихъ рѣчь должна была ассимилироваться съ рѣчью новопришедшихъ срединныхъ (смѣшанныхъ) южномалоруссовъ. Точное изслѣдованіе современнаго языка тѣхъ правобережныхъ мѣстностей, которыя покинуты чистыми южномалоруссами, быть можетъ, позволитъ уловить тамъ какіе-нибудь пережитки отъ прежней южномалорусской рѣчи. Къ изслѣдованію должны быть привлечены глагольныя образованія типа *носю*, *возю*, *летю*, *ходю* (подчеркнутыя еще К. П. Михальчукомъ), мѣстоименіе *цей*, *ця*, (=сей, ся) и т. д.

[2]) Всестороннее изслѣдованіе языка перечисленныхъ частей Лѣвобережья показываетъ, что въ образованіи ихъ населенія участвовали также чистые сѣверномалоруссы и, быть можетъ, даже бѣлоруссы. Съ другой стороны, то же изслѣдованіе не указываетъ, чтобы изъ числа смѣшанныхъ южномалоруссовъ приходили въ названныя мѣста Лѣвобережья колонисты изъ Галичины и смежной Западной Волыни; если-жъ они и приходили, то слѣда въ языкѣ не оставили,—значитъ, ихъ и не могло быть много.

щина. Говоры сѣверномалорусскаго нарѣчія отразили на себѣ судьбы сѣверномалорусскихъ племенъ: тѣснимые съ юга южномалоруссами (волынянамы и уличами), древляне, дулѣбы и бужане переходятъ на территорію дреговичей (бѣлоруссовъ) и смѣшиваются съ ними; но южныя племена продолжаютъ уступать къ сѣверу при всякомъ усиленіи степныхъ кочевниковъ, татарское нашествіе даетъ послѣдній ударъ въ этомъ направленіи,—ясно, почему южные малоруссы преслѣдуютъ сѣверныхъ и въ новыхъ мѣстахъ ихъ поселеній, и тамъ, гдѣ они успѣли смѣшаться съ дреговичами. Такимъ образомъ, самые сѣверные изъ сѣверномалорусскихъ говоровъ имѣютъ примѣсь бѣлорусскихъ особенностей: здѣсь сѣверные малоруссы сблизились съ бѣлоруссами, которыхъ они вытѣсняли. Наиболѣе устойчиво сѣверномалорусское племя сохранило свои поселенія на востокѣ, хотя и уступило южнымъ малоруссамъ въ болѣе раннюю эпоху южную часть древлянской земли, а въ болѣе позднюю—территорію полянъ; отступая къ сѣверу, древляне смѣшивались съ дреговичами; вотъ почему на сѣверѣ восточныхъ поселеній сѣверныхъ малоруссовъ мы найдемъ бѣлорусскія, а на югѣ—южномалорусскія особенности. Изъ числа сѣверно-малорусскихъ поселеній особенно для насъ интересенъ Радомысльскій уѣздъ Кіевской губ., Овручскій, Житомирскій, Новоградъ-Волынскій и Ровенскій уѣзды Волынской губ. Въ ихъ говорѣ сѣверномалорусскія черты смѣшиваются съ южномалорусскими, но бѣлорусскихъ особенностей нѣтъ,—слѣдовательно полѣхи сѣверной части Кіевской и указанныхъ уѣздовъ Волынской губерніи продвинулись сюда не съ сѣвера [1]). Иными словами: типъ старыхъ домонгольскихъ кіевлянъ наиболѣе чисто представленъ теперь жителями Радомысльскаго уѣзда и названныхъ сосѣднихъ уѣздовъ Волыни.

Надѣюсь, читатель не посѣтуетъ на меня за то, что я привелъ такія обширныя извлеченія изъ статьи г. Шахматова [2]):

[1]) Стр. 370.

[2]) Она мною приведена преимущественно въ видѣ буквальныхъ извлеченій изъ наиболѣе существенныхъ мѣстъ, а кое-гдѣ желая сдѣлать ее вразумительной для средняго читателя—неспеціалиста, я постарался изложить ее даже популярно, за что многауважаемый академикъ не будетъ, надѣюсь, на меня въ

она вполнѣ этого заслуживаетъ. Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ г. Шахматовъ произведетъ въ ней еще немало улучшеній: и со стороны чисто исторической—спеціальная разработка отдѣльныхъ историческихъ вопросовъ не разъ внесетъ въ эту статью многія полезныя дополненія и болѣе точную формулировку нѣкоторыхъ положеній; и со стороны филологической—дальнѣйшія работы въ области изученія современныхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ также придадутъ иную формулировку нѣкоторымъ выводамъ и обобщеніямъ [1]); но главнѣйшія, существенныя идеи работы г. Шахматова останутся непоколебленными, потому-что онѣ не легкомысленно схвачены съ воздуха, а представляютъ собою продуманное, необходимое логическое заключеніе изъ тѣхъ данныхъ, которыя были приготовлены г. Шахматову многими серіозными трудами многихъ серіозныхъ ученыхъ, предшественниковъ нашего талантливаго академика.

Итакъ, гипотеза о великорусскости старыхъ кіевлянъ уже погребена: отъ нея отказались и г. Соболевскій, и г. Шахматовъ. Тѣмъ не менѣе я считаю вовсе небезполезнымъ для исторіи малорусскаго нарѣчія оканчивать печатаніе своего изслѣдованія: очень важно выяснить, дѣйствительно-ли въ Галичинѣ и на Волыни писаны тѣ памятники, которые г. Соболевскій назвалъ галицко-волынскими. А не то исторія малорусскаго языка будетъ изучаться по немалорусскимъ памятникамъ, и произойдутъ ошибочные выводы.

претензіи. Съ цѣнными изслѣдованіями г. Шахматова очень полезно знакомиться широкой публикѣ, между тѣмъ стиль его иногда бываетъ тяжеловатъ. (Даже спеціалистъ филологъ проф. Р. Ѳ. Брандтъ говорилъ о сочиненіи г. Шахматова: „Изслѣдованія въ области русской фонетики“, что оно изложено „*чрезвычайно* тяжело“; — „чтеніе разбираемой книги настолько затруднительно, что рекомендовать ее можно лишь завзятымъ грамматистамъ“. Этн. Обозрѣніе 1895, кн. XXIV, стр. 143).

[1]) Такъ, рѣчь малоруссовъ Черниговщины и выясненіе вопроса объ отношеніи полянъ къ сѣверянамъ еще требуетъ очень долгихъ изслѣдованій. Говоры Воронежчины крайне мало анализированы. Нѣкоторыя замѣчанія на статью г. Шахматова сдѣланы мною теперь же, попутно, при изложеніи статьи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе . . . . . стр. I—XXXVI.

Дополненія и поправки (стр. I—XX).—Вопросъ о стилѣ (стр. XX).—Образцы стиля русской критики по отношенію къ работамъ г. Соболевскаго (стр. XXII—XXXVI).

Гл. I: Что такое галицко-волынская гипотеза и какъ смотрятъ на нее ученые? . . . . . стр. 1—11.

Ощутительная разница между малорусскимъ и великорусскимъ нарѣчіемъ.—Гипотеза Погодина о доисторическомъ происхожденіи малорусской рѣчи, великоруссизмѣ стараго Кіева и переселеніи малоруссовъ въ Кіевскую Русь изъ Карпатъ ужъ послѣ татарскаго погрома (стр. 1—3); отрицательное отношеніе русской исторіографіи къ этой гипотезѣ (стр. 4—7).—Возобновленіе этой гипотезы г. Соболевскимъ на діалектологической почвѣ при помощи подбора многоятевыхъ рукописей (стр. 7—8) и разборъ Потебни, показывающій некомпетентность г. Соболевскаго въ діалектологіи (стр. 8 и стр. II); система опроверженія, выставленная противъ г. Соболевскаго акад. Ягичемъ, построенная на признаніи тѣхъ же многоятевыхъ памятниковъ, на основѣ которыхъ г. Соболевскій возобновилъ Погодинскую гипотезу, и послѣдовавшее общее отрицательное отношеніе серіозной филологіи къ этой гипотезѣ о великоруссизмѣ стараго Кіева (стр. 8—9); кратковременная приверженность къ ней акад. Шахматова (стр. 9) и полный его отказъ отъ нея послѣ внимательнаго вникновенія въ древне-русскую исторію и русскую діалектологію (стр. 96—107); смягченіе своихъ воззрѣній самимъ г. Соболевскимъ (стр. 84—95).—На самомъ ли дѣлѣ доказательна система опроверженія, выставленная акад. Ягичемъ? (стр. 9—10); рабски-ученическое развитіе его системы г. Колессою, доведеніе ея ad absurdum и очевидная безысходность его результатовъ; помимо личной филологической неподготовлен-

ности самого г. Колессы (стр. III—VII) въ получившейся безысходности виновата основная неправильность, допущенная г. Ягичемъ вслѣдъ за г. Соболевскимъ, а именно—діалектологическая классификація старо-русскихъ памятниковъ на основаніи употребленія буквы ѣ вм. є (стр. IV—V).—Необходимость подвергнуть древнерусскіе памятники новому повѣрочному анализу (стр. 10—11).

Глава II: Отношеніе г. Соболевскаго къ малорусской рѣчи и степень его знакомства съ нею . . . . . стр. 12—19.

Въ какомъ смыслѣ малорусская рѣчь есть языкъ и въ какомъ смыслѣ нарѣчіе? (стр. 12—13); филологическое удобство, съ исторической точки зрѣнія, смотрѣть на рѣчь малоруссовъ и великоруссовъ, какъ на два родственныя нарѣчія одного прежняго общаго русскаго языка-предка, хотя между ними успѣли образоваться очень серіозныя и существенныя различія (стр. 14): яркая нелогичность посылокъ, положенныхъ въ основу того же вывода г. Соболевскимъ (стр. 14—16)—Незнаніе г. Соболевскимъ элементарнѣйшихъ фактовъ малорусскаго нарѣчія, о судьбѣ котораго онъ берется писать; курьезные примѣры такого незнанія (стр. 16—19; предисл., стр. VIII).

Глава III: О способахъ, которые г. Соболевскій предложилъ, сверхъ сличенія рукописей, для поддержанія своей гипотезы о великорусскости кіевлянъ . . . . . стр. 19—51.

Попытки г. Соболевскаго стать на почву исторіи и опроверженіе его историческихъ соображеній г. Антоновичемъ и г. Грушевскимъ (стр. 19—20).—Стремленіе поддержать гипотезу о великоруссизмѣ кіевлянъ кіевскими именами на ша, якобы не свойственными малоруссамъ; произволъ въ подборѣ такихъ именъ и основная методологическая невѣрность въ постройкѣ филологигескаго силлогизма при оперированіи ими (стр. 22—25); присутствіе такихъ же именъ на ша у старинныхъ домонгольскихъ волынянъ и галичанъ (стр. 25), обильное присутствіе именъ на ша у малоруссовъ въ эпоху литовскую, польскую и россійскую, вплоть до настоящаго времени (стр. 26—33); анализъ этого же суффикса ша въ малорусскихъ именахъ нарицательныхъ, какъ окончательное доказательство исконной малорусскости этой черты (стр. 33—40)—Попытка г. Соболевскаго увидѣть въ старой Галичинѣ и Волыни уменьшительныя имена на *сь, ся*, якобы чуждыя великоруссамъ совмѣстно съ старыми кіевлянами, и сдѣлать отсюда выводъ о великорусскости кіевлянъ (стр. 40): методологическая, апріорная недопустимость такого вывода (стр. 40) и фактическая невозможность считать имена на *сь, ся*, за исключительно малорусскія; присутствіе ихъ также въ нарѣчіи бѣлорусскомъ и великорусскомъ (стр. 41—42);

поддѣлки, вносимыя г. Соболевскимъ въ галицко-волынскую лѣтопись (имена Блусъ, Ольдрихъ и Митуса, стр. 42—46)—Стараніе г. Соболевскаго усмотрѣть въ малорусскихъ насмѣшливыхъ прозвищахъ „буцъ“ и „гуцало“ имена галицкихъ горцевъ: „бойковъ“ и „гуцуловъ“, переселившихся на Украину (стр. 46); филологическая нелѣпость этимологіи г. Соболевскаго и истинное значеніе словъ „буцъ“ и „гуцало“ (стр. 47—48 и предисл., стр. XI—XIV) и методологическая невѣрность его посылокъ (стр. 48—49, предисл., стр. XIV).—Объ имени „Малая Русь“, одинаково принятомъ въ XIV вѣкѣ и галичанами и близкими къ нимъ кіевлянами въ отличіе отъ имени „Великая Русь“, которое успѣли усвоить себѣ сѣверо-руссы (стр. 49—50).—Антиисторическій принципъ г. Соболевскаго—признавать за фактъ то, что, по его мнѣнію, „должно было“ случиться, а не то, что дѣйствительно случилось (стр. 50), и полное отсутствіе у него научнаго метода при его тенденціозныхъ усиліяхъ (стр. 51).

Глава IV: Кіевскіе и мнимо-кіевскіе памятники XI—XV вѣковъ . . . . . стр. 51—84.

А) Домонгольскіе:

а) подлинные: Изборники Святослава 1073 и 1076 г. Отсутствіе въ нихъ великорусскихъ чертъ; переходъ є въ ꙗ есть не только не противомалорусская черта, но (чего не знаетъ г. Соболевскій) особенно характерная черта малорусская (стр. 53—58). Общая ясность малорусскости писца Изборниковъ Святослава, несмотря даже на то, что сохранность глухихъ гласныхъ въ XI вѣкѣ не дала еще развернуться главной малорусской чертѣ—замѣстительному удлиненію (стр. 58—59); смѣшеніе ѣ съ и (стр. 59—60), смѣшеніе ы съ н (стр. 60) и зачаточное смѣшеніе в и оу (стр. 60—61).

б) Десять рукописей, произвольно навязанныхъ домонгольскому Кіеву г. Соболевскимъ:

1) Новгородскіе Пандекты Антіоха XI—XII в (стр. 62—63).

2) Мстиславово евангеліе новгородской Благовѣщенской церкви (стр. 63).

3) Евангеліе Юрьевскаго Новгородскаго монастыря, 1119—1128 (стр. 63).

4) Юрьевская грамота 1128—1132 г.; комическое, особо тенденціозное отношеніе къ ней г. Соболевскаго; замѣтка о мнимо-кіевскихъ начертаніяхъ типа „изоостанетъ“ (стр. 64—66 и предисл. стр. XVI).

5) Успенскій сборникъ XII—XIII в. съ произведеніями Нестора, переписанными неизвѣстно гдѣ; въ немъ есть, впрочемъ, малоруссизмы, но они свидѣтельствуютъ только о малорусскости

автора—кіевлянина Нестора (XI в.), а не болѣе поздняго переписчика сборника (стр. 66—69).

6) Архангельское новгородское евангеліе XI—XIII в. (стр. 69—70).

7) Румянцевская лѣствица XII—XIII в. и курьезный принципъ діалектологической классификаціи рукописей, высказанный по этому случаю г. Соболевскимъ (стр. 70).

8) Псковское Сказаніе Ипполита объ антихристѣ XII—XIII в. (стр. 71).

9) Оршанское сѣверное или сѣверо-западное евангеліе XIII в., пожертвованное изъ Орши въ Кіевскій Церковно-Археологическій музей (стр. 71—73).

10) Тріодь новгородца Моисея Кіянина XIII в.; недостойныя продѣлки и фальсификаціи, допущенныя по отношенію къ ней г. Соболевскимъ (стр. 73—77).

Б). Памятники послѣмонгольскіе:

а) Два памятника, которые надо исключить въ силу ихъ завѣдомаго некіевскаго происхожденія: 1) Псалтирь 1397 г., писанная въ Кіевѣ заѣзжимъ москвичемъ Спиридономъ; курьезно-беззастѣнчивое отношеніе къ ней г. Соболевскаго и степень достовѣрности его палеографическихъ утвержденій (стр. 77—78); —2) Евангеліе некіевлянина 1411 г. (стр. 78—79).

б) Обзоръ достовѣрныхъ кіевскихъ памятниковъ:

3) Вкладная запись князя Долголдата Долголдатовича 1427 г.; ея малорусскій характеръ (стр. 79—80).

4) Духовная князя Андрея Владиміровича, пріѣхавшаго въ Кіевъ на богомолье въ 1446 г.; сквозящіе въ ней малоруссизмы писца, несмотря на его стараніе писать строго по церковно-славянски (стр. 80—82).

5) Грамота кіевскаго князя Семена Олельковича 1459 г., въ которой малорусскость такъ и брызжетъ (стр. 82—83).

6) Грамота Стародубскаго князя 1400 г., свидѣтельствующая о малорусскости также Черниговщины (стр. 83—84).

7) Повчѣнье приднѣпровскаго Зарубьскаго Черноризца (стр. 84), Общій выводъ: всѣ подлинные кіевскіе памятники XI—XVI в. отличаются ясными малорусскими чертами, которыя преемственно развиваются (стр. 84).

Приложеніе I . . . . . стр. 84—95.

Постепенная перемѣна въ воззрѣніяхъ г. Соболевскаго на рѣчь старыхъ кіевлянъ, подъ вліяніемъ его занятій русской діалектологіей, и послѣдовавшее сознаніе, что они не могли быть чистыми великоруссами (стр. 89—94). Онъ сталъ считать рѣчь старыхъ кіевлянъ за близкую къ пинской; однако она (полянско-

древлянская) очевидно была обыкновенная сѣверно-малорусская (полѣсская) и была чужда всякихъ великоруссизмовъ и бѣлоруссизмовъ (стр. 94—95 и предисл., стр. XVIII—XIX); по сознанію г. Соболевскаго, область полѣсскаго нарѣчія простиралась по старой Кіевской землѣ значительно далѣе на югъ, чѣмъ теперь (стр. 88).

Приложеніе II . . . . . стр. 95—107.

О статьѣ акад. Шахматова: „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей“ 1899 г.; цѣнность этой статьи акад. Шахматова, равно какъ его послѣдующихъ работъ по этому вопросу, особеннно компактнаго очерка: „Русскій языкъ“ въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона (стр. 95 и предисл., стр. XX).—Изслѣдованіе современной малорусской діалектологіи приводитъ г. Шахматова къ выводу, что „древне-кіевскіе памятники писаны на малорусскомъ нарѣчіи, принявшемъ нѣкоторыя древне-сѣверскія черты (населеніе столичнаго города Кіева было смѣшаннаго характера)“ и что малорусская рѣчь прежней, домонгольской Кіевской области вплоть до самаго ея юга была сѣверо-малорусская (полѣсская); постепенно вытѣсняемая съ юга напоромъ нарѣчія южно-украинскаго, старая кіевская рѣчь сохранилась теперь наиболѣе чисто въ сѣверной части Кіевской губерніи (Радомысльскій уѣздъ) и въ прилежащей части Волынскаго Полѣсья (уѣздахъ Овручскомъ, Житомірскомъ, Новоградъ-Волынскомъ и Ровенскомъ;—стр. 106).